

This pdf is a file in the Digital South Caucasus Collection (DSCC), a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL) hosted by the [Institute for the Study of the Ancient World Library](#) at New York University.

- Creator: Mikeladze, T. / მიქელაძე, თ. / МИКЕЛАДЗЕ, Т.
- Title: К АРХЕОЛОГИИ КОЛХИДЫ
- Publication Date: 1990
- Publisher: Georgian National Academy of Sciences, GNM Archaeological Center
- Place of Publication: Tbilisi
- Collection: Digital South Caucasus Collection
- Collection ID: dsc_9879113527

About

The Digital South Caucasus Collection (DSCC) is a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL), a project of the Library of the Institute for the Study of the Ancient World (ISAW) at New York University in cooperation with the Georgian National Museum and the Institute of Archaeology and Ethnography in the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. AWDL's mission is to identify, collect, curate, and provide access to a broad range of scholarly materials relevant to the study of the ancient world. The ISAW library is responsible for curating the collection, clearing the rights as needed, preserving the digital copies in NYU's Faculty Digital Archive, creating high-quality metadata in order to maximize discoverability, and making the works accessible to the general scholarly public.

Rights

The Georgian National Museum has granted permission to the Institute for the Study of the Ancient World of New York University to publish this material electronically in the Digital South Caucasus Collection (DSCC). We are making such material available on a noncommercial basis for research and educational purposes, in an effort to expand access to thinly-held and/or out-of-print material related to the study of the ancient world to the widest possible audience. If you wish to use copyrighted material from this site for purposes beyond those in accordance with fair use (Title 17 U.S.C. Section 107), you must obtain permission from The Georgian National Museum. We respect the intellectual property rights of others. If you believe that you own the copyright to the material made available on this site, please see our takedown policy: <http://dcaa.hosting.nyu.edu/dsc/takedown-notice>.

Т. МИКЕЛАДЗЕ

К АРХЕОЛОГИИ КОЛХИДЫ

« МЕЦНИЕРЕБА »

60713

4990

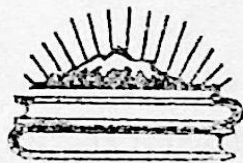
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ЦЕНТР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т. К. Микеладзе

К АРХЕОЛОГИИ КОЛХИДЫ
(ЭПОХА СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ
БРОНЗЫ-РАННЕГО ЖЕЛЕЗА)

«МЕЦНИЕРЕБА»

ТБИЛИСИ

1990

В монографии исследуются археологические памятники Колхиды с конца III тысячелетия до VI в. до н. э. Проанализированы поселения, жилища, могильники, производственные очаги. Представлена типологическая классификация погребального обряда и погребений, керамики, бронзового и железного инвентаря. Рассмотрены вопросы преемственной взаимосвязи археологических культур Колхиды, периодизации и хронологии этих культур, их этнической атрибуции. Уделяется внимание также рассмотрению вопросов развития отдельных отраслей хозяйства древних колхов—земледелия, скотоводства, горного дела, производства бронзовых и железных изделий.

Для археологов, историков и студентов исторических факультетов.

Отв. редактор член кор. АН ГССР О. М. Джапаридзе

Рецензенты: докт. ист. н. О. Д. Лордкипанидзе

канд. ист. н. Э. М. Гогадзе

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе данной работы лежит модернизированный и несколько расширенный текст очерка об археологии Колхиды эпохи средней и поздней бронзы-раннего железа, написанный по предложению руководства Института археологии АН СССР в 1979 году для многотомника «Археология СССР». В работе дан анализ, в основном, археологического материала добытого в разных районах Западной Грузии в результате полевых исследований, осуществленных в течении 70-х и первой половины 80-х годов Колхидской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР, а затем Центра археологических исследований того же института. Исследованы также опубликованный в разное время материал, а в некоторых случаях еще полностью неопубликованные и любезно представленные отдельными раскопщиками находки.

Широкое археологическое освоение Колхиды, фактически, только началось и большинство изучаемых памятников пока не опубликовано. Имеются пробелы и в памятниках Колхиды: пока не обнаружены, например, могильники эпохи средней бронзы и ранних этапов поздней бронзы, что, кроме прочего, затрудняет определение точной последовательности отдельных памятников и более или менее точных хронологических рубежей между отдельными этапами исследуемых эпох. Поэтому обрисованная в предлагаемой работе картина не может претендовать на исчерпывающую полноту.

Прилагаемые к работе иллюстрации выполнены архитектором Колхидской археологической экспедиции ЦАИ Э. Сахвадзе. Указатели составлены научным сотрудником отдела истории и теории археологии ЦАИ М. Чиракадзе.

ВВЕДЕНИЕ

Колхида — историческая Западная Грузия. Это название в географической науке употребляется в тройном значении: в самом широком смысле в Колхиде объединяется все Западное Закавказье, включая горные части Западной Грузии, Лазистан и участок Адлера-Туапсе, в самом узком смысле — она включает в себе лишь Колхидскую Низменность. В большинстве же случаев под этим понятием подразумевается Колхидская равнина, включая и окружающие ее предгорные части Западной Грузии [92, с. 144]. В данном очерке Колхида рассматривается в последнем понимании. Это оправдано не только с физико-географической точки зрения, но и историко-археологической, т. к. именно эта страна называется в древних источниках Колхидой и археологические культуры начиная с конца III тысячелетия до н. э., которые можно назвать колхидскими, по имеющимся в настоящее время данным, умещаются именно в этих пределах.

Таким образом, Колхида является западной частью Грузинской ССР. Она вмещает Колхидскую Равнину и предгорья Большого и Малого Кавказа, окаймляющие ее с севера и с юга. С востока Колхиду отделяет от Восточной Грузии Сурамский (Лихский) хребет, соединяющий горную систему Большого и Малого Кавказа, с запада же она омывается Черным морем. Вдоль берега моря, с крайнего юга на север, пролегают дюны, на которых засвидетельствованы поселения, относящиеся, в большинстве случаев, к раннему железному веку. Эти дюны состоят из магнетитовых песков, сыгравших большую роль в развитии древней металлургии железа. Колхида занимает 12300 км², т. е. 17,7% всей площади Грузинской республики [91, с. 164].

Реки Колхиды принадлежат к системе рек атлантического бассейна [91, с. 89]. Среди них главной является р. Риони (Фасис античных источников), берущая начало в ущельях Фаси, одной из гор Большого Кавказа и пересекающая всю Колхиду с востока на запад к морю почти по центральной оси. На юге Колхиды течет р. Чорохи (в античных источниках называемая Акамписом, Апсаром, Гарпас, а иногда и Фасисом — у Геродота. Апполония Родосского, Страбона. [106, с. 138; 102, с. 83—84; 97, с. 83—85], а к северу р. Риони—р. Ингури. Бассейны этих рек и их притоков в широком смысле и являются главными, однако

до сих пор не одинаково и сравнительно малоизученными очагами колхидских культур эпохи бронзы.

Физико-географические особенности Колхиды во многом определили характер колхидских археологических культур. Определенная географическая изолированность, которая создавалась высокогорным окружением, способствовала возникновению в этой области своеобразных археологических культур, отличающихся от культур других регионов Кавказа и особенности которых обуславливались характером хозяйства, со своей стороны, обусловленным особенностями природных условий Колхиды. Правда, ни во всех частях Колхиды, в особенности, на ранних этапах наблюдается однородная картина. Памятники окраин Колхиды, горной, и, в отдельных случаях, предгорной ее частей явно тяготеют к культурам непосредственно примыкающим к ним соседних областей.

К этой группе из памятников эпохи средней бронзы относятся дольмены, а также кромлехи северо-западной Колхиды и Сачхерские поздние курганные погребения восточного колхидского нагорья. И получилось так, что сначала в научный оборот из памятников Западной Грузии попали именно эти памятники. Так например, о дольменах Северо-Западной Колхиды появляется работа уже в 20-х годах нашего столетия [147]. Еще раньше А. А. Миллер границу распространения дольменов проводит на юг по Черноморскому побережью близ Гагра [»12, 34]. С этого времени интерес к дольменам не утихал. В результате последующих исследований дольмены были засвидетельствованы в нескольких пунктах Северо-Западной Колхиды (современная Абхазская АССР), среди которых наиболее хорошо изучена группа дольменов в Эшера. Эшерские дольмены, начиная с 30-х годов изучались М. М. Иващенко, Б. А. Куфтиным, Л. Н. Соловьевым [53, 78, 79, 76, 141]. В последнее время абхазские дольмены неоднократно исследовали О. М. Джапаридзе [43, с. 64—76; 46 с. 212—240; 45], а также ряд других авторов [170, с. 9—21; 171, с. 29—35; 22, с. 73].

Относительно происхождения дольменов в научной литературе названы разные, иной раз совершенно неожиданные направления их проникновения на Кавказ [76, с. 262—265; 46, с. 214—216; 86, с. 238—319, 87, с. 38—42; 88, с. 25—32; 89, с. 3—8; 138, с. 32—38], поэтому этот вопрос следует считать нерешенным, хотя в научной литературе справедливо указывалось, что инвентарь дольменов соответствует могильным инвентарям тех территорий Кавказа, где дольменов вообще нет и что обнаруженный в дольменах археологический материал, несомненно, относится к бронзовой культуре Кавказа [76, с. 271; 127, с. 182]. Несмотря на то, что в дольменах Северо-Западной Колхиды присутствуют отдельные элементы колхидской материальной культуры, а также и то, что в эпоху поздней бронзы, да и в последую-

щих периодах, они использовались в качестве погребальных сооружений, носителями колхидских культур, несравненно малое количество дольменов (не более нескольких десятков против 2308 дольменов на Северо-Западном Кавказе), [ср. 86, с. 54] ограниченность их распространения даже в Северо-Западной Колхиде (они занимают лишь северную часть этой области), их полное отсутствие в остальном Западном Закавказье, включая горно-лесные зоны, т. к. дольменную культуру считают культурой горцев—жителей лесов [86, с. 54], ставит вопрос о неспецифичности для Колхиды дольменной культуры и о возможной инфильтрации извне в Северо-Западную Колхиду обряда сооружений дольменов*.

То же самое следует сказать и о другом виде мегалитических сооружений — кромлехах [177], которые являются для Колхиды еще менее специфичными памятниками, несмотря на явное тяготение обнаруженного в них материала к южно-кавказским, в частности, колхидским аналогам.

Почти аналогичная картина наблюдается и на восточной окраине Колхиды. Здесь, в Сачхере и его окрестностях, в начале века были обнаружены курганные погребения о раскопке одного из которых, как о памятнике медного века, тогда же появилось сообщение в научной печати [149, 1913]. С 1939 года в Сачхерском районе археологические исследования проводились Б. А. Куфтиным [78, 79], а с 1955 года О. М. Джапаридзе [46, с. 122—123]. В результате этих исследований выяснилось, что Сачхерские курганы умещаются в промежутке времени между 2400—2200 и 1900-1800 годами до н. э., что курганные погребения с трубчатообушными топорами, кинжалами посередине более или менее выраженным ребром, Т-образными булавками (которые из закавказских памятников засвидетельствованы только в Сачхерских погребениях) с булавками с загнутыми в виде бараньих рогов головками, височными кольцами в полтора оборота и т. д., по многочисленным аналогиям относятся к эпохе средней бронзы [46, с. 175, 195], что как ранняя, так и поздняя группа курганных погребений и по погребальному обряду и по инвентарю (за исключением, пожалуй, трубчатообушных топоров, которые, в основном, распространены в Колхиде и ряда предметов, которые характерны для памятников разных регионов), настолько тяготеют к культурам Восточной Грузии ранней и средней брон-

* Отдельные авторы (Л. Н. Соловьев, О. М. Джапаридзе, А. Н. Резепкин) считали и считают, что абхазские дольмены древнее северо-кавказских, но другие авторы придерживаются иного мнения. В специальной литературе выдвинуто положение, что самыми древними являются дольмены Новосвободной (Р. М. Мунчаев, 1975, с. 318), или, что дольмены явление одновременное для всех регионов Кавказа, где они засвидетельствованы (В. И. Марковин, 1984, с. 6).

зы, что некоторые исследователи предполагали даже этническую однородность населения этих областей [46, с. 185—190].

Из периферийных памятников эпохи средней бронзы следует упомянуть Брильский могильник, расположенный в высокогорной части Колхиды в районе истоков р. Риони. Брильский могильник функционировал довольно долго вплоть до III—IV вв. н. э. Археологическое исследование этого памятника началось в 1939 г. и велось в течение многих лет с перерывами. Комплексы Брильского могильника еще не опубликованы и о них можно судить лишь по частичным публикациям раскопщиком отдельных вещей [32, с. 56—60; Археология Грузии, 10, с. 113—119]. Хоронили в эпоху средней бронзы на Брильском могильнике в грунтовых погребениях и каменных ящиках. Погребальный инвентарь отличался обилием металлических изделий. В отдельных погребениях их количество достигало нескольких десятков. В Брильских погребениях полностью отсутствует керамика и в инвентаре отмечают, как следовало ожидать, ряд общих элементов с культурами соседних областей, в частности, с материалами Нульского и Квасатальского могильников в Восточной Грузии, с находками Дигоры за хребтом и т. д. [32, с. 60—61; Археология Грузии, с. 116—118]. До полной публикации археологического материала Брильского могильника трудно сказать что-нибудь определенное, хотя наличие элементов, присущих культурам прилегающих с севера и востока стран, говорит, по крайней мере, об интенсивности и регулярности общения населения этих областей. Каков был характер этих взаимоотношений, на данном этапе нет возможности представить.

С 30-х годов нашего столетия, в связи с началом в Западной Грузии крупных строительных работ, возникли благоприятные условия для осуществления полевых археологических исследований и в центральной части Колхиды.

До 1934 года, когда впервые состоялся показ добытых С. И. Макалатия, В. М. Гоголишвили и А. И. Болтуновой на холме Наохвamu в с. Квалони археологических находок, никто не подозревал о существовании подобного материала. По справедливому замечанию Б. А. Куфтина, этот материал «...обнаружил существование на территории Западной Грузии совершенно новых для археологии Закавказья культурных пластов, уходящих в глубь за эпоху поздней бронзы и характеризующихся, прежде всего, неизвестной до сей поры весьма оригинальной для Южного Кавказа керамической филицией, неожиданно представшей перед нами в двух-трех последовательных фазах своего развития» [77, с. 161].

Примерно к этому времени осуществились раскопки еще одного жилого холма Диха Гудзуба в долине р. Ингури в с. Анаклиа, давшие не менее интересный материал, часть которого син-

хронична с находками Наохваму, а другая — из нижних слоев, относится к более раннему периоду. Однако, дефиниция этого материала, его сопоставительный анализ с находками на Наохваму относятся к более позднему времени и связаны с именем Б. А. Куфтина.

Раскопки в Анаклиа велись директором Зугдидского краеведческого музея, геологом А. И. Чантуриа, который не успел, к сожалению, подготовить к публикации добытый им богатый и, что самое главное, совершенно новый, неизвестный дотоле материал. Значение открытия этого памятника трудно переоценить. Это фактически было открытие новой культуры, настолько неизвестной, что опираясь на результаты полевых исследований А. И. Чантуриа, а также на личные наблюдения, Б. А. Куфтин хотя и сумел восстановить стратиграфию холма, классифицировать материал и определить время функционирования поселения [77, с. 238—257], однако в его суждениях все же проглядывают некоторые колебания. Стратифицируя Анаклийскую Диха Гудзуба (ниже этот памятник будет называться Анаклиа I) Б. А. Куфтин выделял то три, то четыре слоя [77, с. 162, 238—255]. Это, по-видимому, следует объяснить также тем, что Б. А. Куфтину не пришлось, к сожалению, участвовать в полевых исследованиях Анаклиа I, да и Колхидских поселений вообще, и определять место этих поселений в системе археологических памятников Кавказа он был вынужден на основании сведений раскопщиков.

Первый нижний слой Анаклиа I Б. А. Куфтин отнес к стадии ранней бронзы, в отношении которой он условно употреблял термин «Энеолитический» [77, с. 238, 241—242], второй и третий — к эпохе средней бронзы, а четвертый к ранним стадиям поздней бронзы [77, с. 241—242, сл. 255—256]. Ниже будет показано, что за исключением отдельных деталей определения Б. А. Куфтина и в настоящее время не теряют своего значения.

Таким образом, к середине тридцатых годов в Ингурской и Рионской долинах были обнаружены два памятника, которые дали материал, свидетельствующий о существовании в Западной Грузии связанных между собой разновременных культур. Тем не менее в научной печати того времени появились первые упоминания и несколько разноречивые сведения общего характера лишь о жилом холме Наохваму. (Имеются в виду сообщения А. А. Иессена, который, касаясь Наохваму, нижний слой этого памятника отнес, пользуясь терминологией автора, предкобанскому времени, а последующие к кобанскому периоду 56, с. 251). Несколько позже автор, жилые холмы Колхидской низменности вообще, не дифференцируя их, отнес к эпохе конца неолита [20, с. 108].

На холме Наохваму определенную работу провел Г. Н. Ниорадзе, который в своем отчете, опубликованном в начале 40-х

годов, отметил, что нижний слой Наохваму относится к началу III тысячелетия до н. э., т. е. ко времени, когда «общество хорошо знакомо с скотоводством и примитивным земледелием»... [121, с. 335—336].

Вот все, что было известно о поселениях бронзового века Колхиды, т. е. об основных ее памятниках до начала 50-х годов, когда вышли в свет «Материалы к археологии Колхиды» Б. А. Куфтина в двух томах. Однако, было бы неправильным считать, что в научной литературе не освещался колхидский археологический материал. Первые же случайные находки бронзовых изделий Западного Закавказья сразу же привлекли внимание ученых, в частности, в связи со сходством колхидских топоров с топорами Кобанского могильника, включенного в широкий научный оборот еще с конца прошлого столетия [203, 181, 160]. После этого колхидской бронзе, ее разным аспектам посвящено много работ таких авторов как Ф. Ганчар, Ст. Пржеорский, К. Битель, В. И. Стражев, М. М. Иващенко, А. А. Йессен, Б. А. Куфтин, Л. В. Мухелишвили, Г. К. Ниорадзе, И. А. Гзелишвили, Н. В. Хоштария, А. Н. Каландадзе, А. Н. Соловьев, Г. Ф. Гобеджишвили, О. М. Джапаридзе, Д. Л. Коридзе, Т. Н. Чубинишвили, А. И. Джавахишвили, М. М. Трапш, А. Т. Рамишвили, Э. М. Гогодзе, О. Д. Лордкипанидзе, О. С. Гамбашидзе, Г. К. Шамба, Ю. Н. Воронов, Н. И. Окропиридзе, М. В. Барамидзе, М. М. Гунба, Л. Н. Панцхава, Л. Г. Сахарова, Ш. Г. Чартолани, Г. Т. Квирквелия, Б. В. Техов, Я. В. Доманский, А. К. Инайшвили, Дж. Апакидзе Г. В. Элиава и др.

Колхидская бронза до последнего времени была представлена в основном случайными находками в виде кладов, необычное обилие которых, во всем Западном Закавказье, особенно в эпоху поздней бронзы, а также многократная регулярная повторяемость в них отдельных изделий, послужили основанием для выделения колхидской археологической культуры.

Еще в 20-х годах нашего столетия А. А. Спицын, картографируя находки эпохи бронзы Восточной Европы, отмечал, что в Закавказье явно чувствуется два культурных потока: Западный (кобанский) в бассейне р. Риони и в Терек-Рионском водоразделе, и восточный — в бассейне р. Куры и Аракса. Первый из этих потоков по мнению автора проникает из Малой Азии, второй — из Месопотамии [146, с. 79].

В замечании А. А. Спицына мы видим наметки концепции о наличии в Грузии в эпоху поздней бронзы двух археологических культур — западной и восточной, первые очертания которой даны в рукописном отчете Л. В. Мухелишвили. В этом отчете дается также одна из первых попыток этнизации данной

культуры с применением к ней термина «колхская» [119].** Концепция о наличии в Грузии в эпоху поздней бронзы двух культурных очагов свое окончательное формирование находит в трудах С. Н. Джанашиа, где указывается, что в эпоху поздней бронзы в Грузии наличествуют две культуры, одна из которых политически соответствует Колхиде, а этнически — западногрузинским племенам [41, с. 33].

Все эти положения были выдвинуты, как отмечалось выше, на основании лишь случайно обнаруженных, фактически еще совершенно неизученных бронзовых изделий, обилие которых впечатляло уже тогда. Первое же серьезное научное изучение Колхидской бронзы связано с именами А. А. Иессена и Б. А. Куфтина, труды которых в этом отношении имеют этапное значение.

В работе А. А. Иессена — «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе» впервые была выработана методика исследования, были учтены все основные комбинации, в результате которых могли наличествовать в том или ином регионе металлические изделия, причины, и, тем самым, значение их наличия в данном регионе. Он поставил себе целью выяснить «какие стадии производства, начиная с горного дела и до изготовления металлических вещей имели место в отдельных районах Кавказа, а также, с каких пор они там возникли», [55, с. 26—27].

А. А. Иессен один из первых показал, что при наличии отдельных металлургических центров «ведущим районом в металлургии Западного Закавказья являлся Причорохский край» [55, с. 129]. Как будет показано ниже, в частности, Чорохский край и междуречье Чорохи-Натанеби являются именно теми областями, где обнаружено самое большое количество бронзовых изделий, где представлены все компоненты колхидской бронзы и где можно проследить процесс становления ведущих ее форм. На основании бытовавшего на Кавказе инвентаря А. А. Иессен выделил три этапа развития бронзовой индустрии: первый этап — это конец III и начало II тысячелетия до н. э., второй — II тысячелетие до н. э. и третий этап — рубеж II—I тысячелетий и первые века I тысячелетия до н. э., [55, с. 77—78]. Сейчас, в этой периодизации естественно внесены изменения в основном в плане перемещения хронологических рамок отдельных этапов, однако схема периодизации принципиально осталась та же.

Заслугой А. А. Иессена следует признать и то, что уже тогда, на основании сравнительно ограниченного материала, им было выдвинуто положение о ведущей роли Западного Закавказья

** Несколько раньше М. М. Иващенко выдвинул положение о принадлежности колхам кобанского материала Западной Грузии и кобанской бронзовой культуры также [186, с. III].

на третьем этапе развития металлургии, о возникновении здесь и о распространении отсюда основных типов бронзовых изделий. [55 с. 138], положение, полностью оправдавшееся последующими археологическими открытиями. То же самое следует сказать и об одном из главных и важнейших для того периода выводе, что, по крайней мере, со второго этапа бронзовые изделия Кавказа следует считать продуктом местного производства и что «нет решительно никакого основания видеть в возникновении металлообработки, горного дела и металлургии на Кавказе результат миграционных процессов»... [55 с. 186, 190]. А. А. Йессен не был полностью уверен во внекавказском происхождении бронзовых изделий и первого этапа [55, с. 206].

Выдвинутая А. А. Йессеном концепция имела большое значение с точки зрения направления научно-исследовательской работы в нужное русло, т. к. несмотря на появившиеся в начале нашего столетия мнения [197, с. 14; 198, с. 17—19; 202, с. 226] о снабжении медью Северного Кавказа, Месопотамии, Хеттов и даже греческого мира Закавказскими горнорудными центрами, в науке все еще бытовали высказывания исследователей конца XIX в. об импортном происхождении бронзовой металлургии Кавказа.

Дальше А. А. Йессен не пошел не столько из-за ограниченности археологического материала, сколько из-за поставленной задачи представить по возможности полную сводку о фактическом материале, а не осветить значение этого материала, исторически обобщить факты, рассмотреть вопросы надстроечных явлений, связанных с этим материалом и т. д. Решение этих вопросов автор считал задачей второй, к сожалению не выполненной им, части своей работы [55, с. 205]. За решение этой задачи взялся Б. А. Куфтин в своей работе «К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии» [74, с. 291—397].

Как видно из заглавия, автор задался целью на основании изучения первоначальных форм металлических изделий Южного Кавказа и последующего их развития показать, что становление грузинской культуры и тем самым грузинского народа, его этническое и политическое формирование происходило на Южном Кавказе и что поздне-бронзовая культура, в частности в Колхиде, имеет хронологических и стаднальных предшественников и по своему происхождению является колхидской культурой [74, с. 292—293].

Здесь привлекает внимание не только идея местного происхождения позднебронзовой культуры Колхиды из стаднально предшествующих культур, но и мысль о том, что эти последние также являются культурами колхов.

В этом отношении большое значение приобретало отмеченное Б. А. Куфтиным независимое от Малой Азии культурное

достижение Западной Грузии в создании западнокавказских разновидностей висло- и трубчатообушных топоров, появление которых в Северном и Западном Причерноморье указывает на западно-кавказские пути их распространения [74, с. 306].

Посредством картографирования кавказских вариантов висло- и трубчатообушных топоров Б. А. Куфтин смог выявить уже в эпохе средней бронзы две культурные провинции, одну из которых он определил как «северо-западно-кавказскую» включив в ее пределы и ту часть северо-западного Кавказа, где были найдены топоры упомянутого типа [74, с. 307, рис. 9; 312].

Эту мысль он развивает дальше когда касается вопроса пределов распространения колхидских и кобанских (по его определению «колхидско-кобанских») топоров эпохи поздней бронзы, отмечая, что в Западной Грузии они совпадают с границами «кавказской разновидности топора с опущенным и трубчатым обухом, предшествующей ступени средней бронзы. Это показывает, что мы имеем здесь дело только с местной переработкой более древнего культурного достояния»... [74, с. 316].

Таким образом, Б. А. Куфтин был первым из исследователей материальной культуры Кавказа, который отметил в Западном Закавказье в эпохах средней и поздней бронзы наличие генетически тесно связанных между собой, и резко отличающихся от остальных кавказских и ближневосточных центров, и производственных очагов, соответствующих и иному кругу этнического оформления. Правда, для такого серьезного вывода явно чувствовалась определенная недостаточность археологического материала, но благодаря острому исследовательскому чутью Б. А. Куфтина его идеи, также как и отдельные положения А. А. Иессена, во многом подтвердились последующими археологическими открытиями.

В самом деле, отсутствие таких важных элементов археологической культуры, какими являются поселения, могильники, керамика, их типологические особенности, регулярная повторяемость этих особенностей и элементов на определенной территории и на определенном этапе развития, характерные черты которых сохраняются и на последующих этапах развития, отражая генетическую связь между культурами разных периодов и т. д., отсутствие всего этого материала мешало строго обоснованному определению западнокавказских культур. Даже те авторы (А. А. Иессен, Б. А. Куфтин), которые выдвинули положение о формировании в Западной Грузии исходных и ведущих форм кобанских топоров, да и западнокавказских бронз вообще, несмотря на то, что еще тогда было очевидно, что колхидская бронза это не только топоры и по своему составу она резко отличается от кобанской, не смогли полностью отмежевать колхидскую культуру от кобанской, оперируя такими понятиями, как «кобанские топоры», «кобанский вариант колхидской брон-

зы», «колхидско-кобанские типы», «колхидско-кобанская культура» и т. д.

Остро чувствовался односторонний характер археологического материала и, поэтому, когда были обнаружены первые древние поселения Колхиды, с целью восполнения этого пробела, их первым интерпретатором (к сожалению путем реконструкции чужих раскопок) стал Б. А. Куфтин. Имеются в виду упомянутые выше жилые холмы Диха Гудзуба в с. Анаклиа на р. Ингури (Анаклиа I) и Наохваму в с. Квалони на правом берегу р. Риони, первый из которых был раскопан в середине 30-х годов директором Зугдидского краеведческого музея А. И. Чантуриа, а второй в начале 30-х годов под руководством А. И. Болтуновой. Несколько позже на холме Наохваму вел раскопки и Г. К. Ниорадзе [121].

Несмотря на то, что отчеты об этих раскопках не были опубликованы и большая часть материала осталась без соответствующей документации, благодаря реконструкциям Б. А. Куфтина, стратиграфии этих холмов и представленной им периодизации, они сыграли роль исходных, эталонных памятников в археологии Колхиды.

Б. А. Куфтин на холме Анаклиа I, как было отмечено, вслед за раскопщиком выделил четыре культурных слоя, нижний из которых он отнес к рубежу III—II тысячелетий до н. э., второй и третий слои к эпохе средней бронзы и четвертый — ко времени не позже самого начала поздней бронзы. Соответствующим этому последнему верхнему слою считал автор самый нижний из трех слоев Наохваму, средний слой которого он относил к эпохе поздней бронзы, а верхний к эпохе самой ранней греческой колонизации [77, с. 140, 188 сл. 237, 257], хотя им уже тогда было замечено, что среди находок верхнего слоя Наохваму не обнаружено ни греческого импорта и даже той местной керамики, которая является специфической для эпохи греческой колонизации [77, с. 189]. Следует учесть также что в одном месте своей работы Б. А. Куфтин вскользь отмечает, что верхний слой Наохваму отражает колхидско-кобанскую эпоху [77, с. 114, 182].

Здесь не трудно заметить, как уже отмечалось, некоторые колебания Б. А. Куфтина, что обуславливалось новизной и необычностью для Кавказа археологического материала. Но в данном случае главное то, что Б. А. Куфтин правильно определил место первых древнеколхских поселений в археологии Западного Закавказья и в хронологическом и культурно-историческом аспектах, их взаимоотношение с другими памятниками Колхиды, научное их значение и наметил пути и показал необходимость дальнейшего их изучения.

До 60-х годов Анаклиа I и Наохваму были единственными более или менее исследованными поселениями Колхиды. В начале 60-х годов Колхидской археологической экспедицией были

проведены разведывательные раскопки на холме Зурга в с. Квемо Чаладиди [97, с. 23—33]. В 1968 году экспедицией Музея Грузии в Центральной Колхиде в с. Носири на левом берегу р. Техури (притока р. Риони) был обнаружен многослойный жилой холм, нижние (I—II) слои которого и по материалу и по характеру поселения совпадают со вторым и третьим слоями Анаклия I. [9, с. 31—52; 1974, с. 60—79; 1975, с. 47—59, 1978, с. 53—61; Э. М. Гогодзе, 1982, с. 6—25; 51—58; он же, 1984, с. 41—45].

В 1972 г. с целью донисследования упомянутого выше поселения в с. Анаклия провела разведки Колхидская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР, которая в 1,5 км к востоку от холма Анаклия I обнаружила еще один холм, получивший название «Анаклия II». Раскопки этого холма открыли еще одно Колхидское поселение, оказавшееся, как это будет показано ниже, одним из ранних поселений. В том же году Колхидская археологическая экспедиция совместно с Батумским научно-исследовательским институтом АН Грузинской ССР, приступила к полевым исследованиям и на территории курорта Кобулет в Юго-Западной Колхиде, многослойного памятника на холме Намчедури, который ранее обследовался разведывательными раскопами Н. В. Хоштария и поселения конца III тысячелетия до н. э., расположенного здесь же в торфяниках Испани [130, 194, с. 199—226; 104]. Колхидская археологическая экспедиция исследовала также жилые холмы в с. Саелиаво (левобережье р. Абаша) и в с. Цкеми (в Рионской низменности), относящиеся к концу средней бронзы и отражающий по-видимому переходный этап от средней к поздней бронзе.

Следует упомянуть также о результатах исследований Мацарского поселения в Северо-Западной Колхиде (Гульрипшский р-н), керамический материал второго слоя которого увязывают с керамикой Анаклия [18, с. 123] и в особенности поселения в с. Пичори на правом берегу р. Ингури, которые уже несколько лет исследуются Абхазской археологической экспедицией ЦАИ АН ГССР [12 с. 29—31; 13, с. 42—43].

Несмотря на то, что к началу 50-х годов были опубликованы материалы таких классических поселений, какими являлись Анаклия I и Наохваму, а затем появилась информация и о других поселениях Колхиды в изданиях, затрагивающих вопросы археологии Колхиды, например, в общем курсе «Археология Грузии» [10, с. 109—118, 129—155], в специальной работе Д. Л. Коридзе, посвященной истории колхидской культуры (Д. Л. Коридзе, 1965), древние поселения Колхиды и добытый на этих поселениях богатый, разнообразный материал не рассматриваются, дается анализ лишь металлической продукции, в большинстве случаев, представленной случайными находками кладов и от-

дельных изделий. В этом отношении исключение составляет историко-археологическое исследование, вышедшее в 1974 г., в котором дана попытка сопоставительного анализа металлического материала, керамики и особенностей поселений, установления генетически преемственных связей между археологическими культурами Колхиды отдельных эпох и увязки археологического материала с данными исторической топонимии и письменных источников [101, 102].

Работы общего характера по археологии Колхиды эпохи бронзы, где особое внимание уделяется именно поселениям, появились совсем недавно. В этом отношении следует отметить исследования Э. М. Гогодзе [35, 36], в которых дан обобщающий анализ материала, раскопанных автором поселений и очерки О. М. Джапаридзе [49, № 1 и № 2], посвященные рассмотрению археологического материала Колхиды эпохи поздней бронзы. Следовало бы в этой связи отметить и кандидатскую работу А. Н. Габелиа, посвященную поселениям колхидской культуры Северо-Западной Колхиды, в котором на основании анализа памятников материальной культуры Абхазии конца II — начала I тысячелетия до н. э., отмечая ряд своеобразных черт этой культуры, приходит к правильному выводу, что памятники Абхазии «содержат все основные признаки, характерные для колхидской археологической культуры, т. е. они представляют часть данной культуры» [25, с. 15]. Следовало бы также назвать специальные работы, освещающие полевые исследования приморских промысловых поселений Колхиды эпохи раннего железа [134, 135, 136, 143, 145, 169].

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КОЛХИДЫ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Археологические памятники Колхиды эпохи средней бронзы в основном представлены поселениями, кладами медно-бронзовых изделий или отдельными бронзовыми предметами.

Поселения Колхиды бронзового века (да и более поздние), засвидетельствованы на искусственных холмах или под холмами, которые за редким исключением хорошо различаются на рельефе Колхидской низменности. Возвышаются они от окружающей местности (в зависимости от их последующего погружения) от 0,8 до 5—6 м, в редких случаях выше. Холмы эти двоякого происхождения: одни из них выросли в результате напластования слоев, отражающих отдельные этапы долгой, интенсивной жизни человека, другие также искусственного происхождения, но они никакого отношения не имеют к последним, обнаруженным под этими холмами и воздвигнуты после прекращения жизни на этих поселениях. Примером первой группы служат такие холмы, как центральный холм в с. Пичори на правом берегу р. Ингури, уже упомянутый Анаклиа—I в с. Анаклиа, на левом берегу р. Ингури, Наохваму неподалеку от железнодорожной станции Квалони, Зурга в районе устья р. Риони, Цкеми (Абашский р-н), Носири (Сенакский р-н), Намчедури (на территории курорта Кобулет), Патрикети (близ Кутаиси), Курзия (в с. Саелиаво в Мартвильском р-не) и т. д. Классическим примером второй группы является холм Симагре и обнаруженное под холмом поселение VI—V вв. до н. э. Как выяснилось, холм был сооружен после прекращения жизни поселения VI—V вв. землей из другого поселения, примерно того же периода, — и получилось так, что среди зафиксированных в насыпи, в перемешанном виде, находок оказался более ранний материал чем в верхнем слое основного памятника, расположенного под холмом [97, с. 46—47, 96].

Таким образом, холмы второй группы хотя и не имеют непосредственного отношения к скрывающимся под ними памятникам, они тем не менее, могут составить вполне определенное представление о типичности заселения Колхиды, об общей топографии колхидских поселений, о преемственной взаимосвязи

освоения земельных участков под поселения в течение многих столетий, от эпохи бронзы до эллинистического периода включительно.

К холмам второй группы относится и холм над древним поселением Анаклиа II (с. Анаклиа, Зугдидский р-н): насыпь холма, если не считать отдельные включения разновременного материала, оказалась стерильной и была она сооружена после прекращения жизни на древнем поселении. Следует отметить, что вокруг холма на равнине, на небольших глубинах были обнаружены следы поселения VI—V вв. до н. э. с деревянными постройками, с местной и аттической чернофигурной керамикой, остатками сельскохозяйственных продуктов (виноградных косточек, каштанов) и т. д. Обнаружение в самых верхних, по-видимому смытых, слоях холма Анаклиа II чернофигурного черепка, быть может указывает на сооружение холма в VI—V вв. до н. э., т. е. тогда, когда и возникает поселение вокруг него.

Земляная насыпь Анаклиа II по отношению к современной поверхности возвышается на 5 м., а диаметр холма местами превышает 40 м. Само поселение находилось на глубине 5 м почти на уровне современной поверхности, которая во времена функционирования поселения находилась тоже на некотором возвышении от окружающей, надо думать, заболочиваемой местности. От основного поселения Анаклиа II (да и от других колхидских поселений с деревянными постройками) остались лишь самая нижняя часть деревянных помещений (табл. I) и бытовые остатки, большую часть которых составляет керамика. Следует полагать, что верхняя часть деревянных построек или сгорала, или разбиралась и переносилась на другое место, как это делалось в Западной Грузии и в недалеком прошлом.

Нижняя часть деревянных построек сооружалась следующим образом: тщательно утрамбовывалась серовато-синеватая суглинистая почва, на которой в отдельных случаях (например на Анаклиа II) укладывалась срубамн кладка. Эта кладка покрывалась слоем глины, иной раз (Анаклиа II) довольно толстым, также тщательно утрамбовывалась, после чего на ней сооружались из срубной кладки ячейки, которые заполнялись глиной с примесью щепок, веток, органических остатков и т. д. [103, с. 44]. Такая же картина засвидетельствована в первом, нижнем слое поселения Носири [35, с. 16] и на сравнительно позднем поселении Наохваму [77, с. 172]. Очень часто эти ячейки оказывались между рядами вертикально вкопанных коротких (60—70 см) кругляков, которые зафиксированы на Анаклиа II и на поселении Наохваму, а также на сравнительно позднем (VI в. до н. э.) поселении Симагре и назначение которых трудно объяснить. По крайней мере, считать их сваями, по-видимому, нельзя [77, с. 172]. Образовавшееся таким образом довольно прочное основание (платформа) покрывалось деревянным настилом

01.02.17
11.02.17
11.02.17

(табл. 1), а местами плетеныю из веток. Эти настилы служили полами срубных построек, которые воздвигаются на них. К сожалению на колхидских поселениях засвидетельствована самая нижняя часть этих построек в виде фрагментов срубных кладок в 2—3 ряда (табл. II₁).

Деревянные или плетеные настилы полов часто покрывались (Анаклиа II, Симагре) водонепроницаемой черной, навозной землей, которая, обычно, сильно спрессована то-ли специально, то-ли от длительной жизнедеятельности человека, и по описаниям напоминающая итальянские террамары, означающие на эмигрантском диалекте «стоянку на земле», обладающей свойствами удобрений [199, с. 15].

На холме Намчедури (на территории курорта Кобулет) в деревянных сооружениях V слоя (конец II тысячелетия до н. э.) настилом пола служит морская галька [104, с. 23; табл. 38].

Определенное сходство колхидских поселений бронзового века с террамарами Италии, быть может обусловленное и сходными природными и геоморфологическими условиями Колхидской низменности и равнины р. По, как будет указано ниже, проявляется и в других, иной раз, труднообъяснимых явлениях.

Есть явно общее между типами жилищ и деревянных сооружений вообще итальянских террамар и колхидских поселений. В этом отношении привлекают внимание террамарное поселение Кастионе, где под холмом, возвышающемся над окружающей местностью примерно на 3 м, были обнаружены деревянные сооружения [199, с. 95—98, табл. 85 и 95], напоминающие колхидские срубные постройки и по принципам и по форме (такие же ячейки заполненные глиной и ветками деревьев) и по технике их сооружения (угловые связки венцов).

Колхидские поселения бронзового века занимают сравнительно малую площадь (примерно 1200—1600 м², по крайней мере не более 2000 м²). Таковы Анаклиа I и II, Носири [35, с. 6], Намчедури, Наохваму, Зурга (в Чаладиди), Цкеми и другие поселения. В большинстве случаев, в непосредственной близости этих поселений синхронных памятников обычно нет. Судя по двум исследованным поселениям в Анаклиа, древнеколхские поселения располагались в 1—2, а то и более километрах друг от друга. К этому же заключению приводит и топография колхидских холмов. На колхидской низменности скопления холмов сравнительно редки и относятся, по-видимому, к более позднему времени. В системе жилых холмов Намчедури, например, концентрация поселений происходит в период существования Намчедури III, т. е. в конце первой четверти I половины I тысячелетия до н. э. [104, с. 15, 20]. Такая же картина засвидетельствована, и на поселениях с. Пичори: культурные слои холмов, окружающих центральный холм, относятся также к I половине I

тысячелетия до н. э. Что же касается скопления холмов вокруг центрального многослойного холма на изучаемых Колхидской археологической экспедицией, в настоящее время, памятниках Намарну (на левом берегу р. Пичори), то синхронность всех слоев центрального холма с окружающими его холмами пока не установлена. По предварительным данным эти холмы также разновременны. Все это говорит о хуторном характере древнеколхских поселений, во всяком случае, в бронзовом веке. Эти поселения, по-видимому, являлись усадьбами отдельных семей.

Древнеколхские поселения располагались на несколько возвышенных местах относительно окружавших их заболочиваемых полей. В сечении слои, содержащие остатки этих поселений, по середине имеют выпуклую форму. Такая картина засвидетельствована в Анаклиа II, Намчедури [104, табл. 3], Цкеми, Наох-ваму, Зурга, Симагре [97, с. 45].

Деревянные сооружения колхидских поселений имеют обычно четырехугольную форму. На Анаклиа II засвидетельствовано два таких смежных четырехугольных помещений, каждая из которых не превышает 20 м² (табл. II₂). Это, по-видимому, было жилище одной семьи сооруженное из срубов. Такое сооружение местные жители Колхиды называют «джаргвали» (т. е. помещение, построенное из деревянных кругляков). Джаргвали был одним из основных типов жилищ колхов на протяжении многих столетий и сохранился до настоящего времени.

В жилищах колхидских поселений очаги не зафиксированы. Возможно, что функцию очагов выполняли простые выемки в земле. Интересно, что такие очаги (Шуацецхли) в Джаргвали (т. е. в срубных домах) в этнографическом быту Колхиды практикуются поныне.

С точки зрения общего характера колхидских поселений следует отметить, что они являются поселениями земледельцев полузащищенного типа. Рвы, зафиксированные вокруг отдельных поселений [77, с. 167; 121, с. 223—224, 233, 239, 241; 13 с. 41] имели, по-видимому, и защитную функцию. Но они, по всей вероятности устраивались в основном с целью дренажа, и добычи земли для устройства возвышенных площадок для поселений. Примерно подобными рвами, правда, гораздо более узкими, окружены усадьбы и в современной Колхиде.

Основным археологическим материалом на колхидских поселениях является обычно керамика.

Керамика поселений Колхиды эпохи средней бронзы, из более или менее исследованных памятников, представлена на поселениях Испана, Анаклиа II, на центральном холме с. Пичори, во втором и третьем слоях Анаклиа I и в первом и втором слоях поселения Носири (табл. X, XXXVI). Наиболее ранняя группа засвидетельствована на поселениях Анаклиа II, и Пичори. Эта керамика обнаруживает непосредственную связь с керамикой

поселения Испана (табл. V), верхний горизонт которого следует отнести ко II половине III тысячелетия до н. э.

В качестве таких ранних реплик на поселениях Анаклиа I [77, с. 250, т. 65] и II, а также Пичори, зафиксирована т. н. «текстильная» керамика с рогожными отпечатками в очень незначительном количестве (буквально несколько днищ), указывающая на то, что в конце III тысячелетия до н. э. еще живы традиции, характерные для более ранних памятников колхидской низменности (нижние слои Даблагоми, Очамчирского холма и Анаклиа I) [77, с. 140].

Керамику данного периода по материалам поселения Анаклиа II можно разделить на несколько групп.

Наиболее характерным является чернолощенная керамика. Она представлена как сравнительно большими толстостенными экземплярами, так и среднего размера тонкостенными сосудами и маленькими прекрасного лощения двушными солонками и одношными кружками (табл. III₁₄₋₁₅). Среди сосудов среднего размера привлекают внимание сосуды яйцевидной формы с ленточными ушками, верхняя часть которых непосредственно присоединена к краю сосуда и поэтому повторяет контур края (венчика, табл. III₁₋₂).

Следует также отметить сосуды с горизонтально поставленными ручками (табл. III₁₁ V₁). Сосуды с такими ручками также засвидетельствованы в верхних слоях поселения Испана (табл. V₁₁).

Чернолощенная керамика в большинстве случаев имеет округлую форму. Одна часть этой посуды не орнаментирована, а на тонкостенной среднего размера керамике, также как на аналогичной посуде из Испана (табл. IV_{1, 2, 5}), нанесены геометрические, волнообразные и зигзагообразные узоры (табл. III_{1, 2, 4-6, 8}). Керамика этой группы на колхидских памятниках, как уже сказано, находит непосредственные параллели в материалах поселения Испана, где чернолощенная керамика по сравнению с простой, примитивной керамикой представлена в незначительном количестве и поселения центрального холма в с. Пичори, где она обнаружена почти столько же, что и простая посуда. С одной стороны колхидская чернолощенная керамика из Анаклиа II и по фактуре и по характеру орнамента перекликается с чернолощенной тонкостенной керамикой из ранних триалетских курганов [78, табл. LXXXVII], и с керамикой типа Бедени, в особенности из памятников западной части Картли (например, из поселения Бериклдееби), с другой.

Вторую группу глиняной посуды составляет нелощеная керамика черного, серого и коричневатого обжига. Она представлена сосудами с сосковидными выступами (табл. V₄₋₅). Такая же посуда в верхних горизонтах Испана (табл. V₁₂). Одна часть

таких сосудов имеет гофрированную поверхность и в верхней части геометрически выведенный зигзагообразный орнамент. К этой же группе относятся сосуды с горизонтально посаженными ручками (табл. III₁₁; V₁), хотя сосуды с такими ручками имеются и среди чернолощеной керамики. Эта керамика обнаружена также в верхнем горизонте Испана (ср. табл. V₁₁).

Наконец, третья группа керамики, тоже черного обжига, в большинстве случаев также лощеная, представлена бадьевидными сосудами среднего размера. Эта керамика украшена желобчатым орнаментом, в большинстве случаев концентрированными кругами или полукругами вокруг шишкообразных выступов и шишкообразных низких полусферических ручек (табл. VI, X₁₋₆). Создается этакый жаброобразный орнамент, который наряду с формами посуды, украшенной таким орнаментом находят много общего, как это заметил в свое время Б. А. Куфтин, с керамикой террамар долины По, Сардинии, Дунайского бассейна [77, с. 237, 240, рис. 63]. И на самом деле, если сравнить эту группу колхидской керамики с керамикой итальянских террамар в частности с керамической посудой AI—II классов, т. е. с материалом, уместающимся между 2000—1600 гг. до н. э. [199, с. II; табл. 7_{1-2, 4} 10₈], не трудно заметить, что в обоих случаях мы имеем дело с одинаковым орнаментом и одинаковой формой ручек.

Что это сходство явление не случайное и быть может отражает какие-то точки соприкосновения, существующие между Колхидой и указанными регионами, подтверждается сходством керамики Колхиды более поздних этапов с керамикой стран Восточной Европы. С этой точки зрения привлекает внимание керамика раннетракийских поселений Болгарии [183, с. 65—67, рис. 4, 5, 10], которая и фактурой (черный или темно-серый обжиг) и орнаментацией (каннелюры, волнообразные и спиральные орнаменты) напоминает колхидскую керамику VII—VI вв. до н. э. и схожую с ней керамику Нацаргора [79 табл. XLV₉]. В отдельных случаях это сходство переходит в полную идентичность [77, табл. 36₁, 183, рис. 5₅].

Керамики третьей группы на поселении Испана нет. На Анаклиа II она представлена в малом количестве и на верхних, относящихся к последним этапам существования поселения, уровнях. Она является господствующей на поселениях Анаклиа I (II—III слои), Носири (I—II слои), «Кекелури Зуга» (I—II слои), «Начвис Зуга» [35 табл. 42, 48, 51—52]. Более того, керамика этой группы встречается, как это будет показано ниже, и на ранних этапах поздней бронзы. Все это говорит о том, что поселения Анаклиа I (II—III слои), Носири (I—II слои) и упомянутые выше другие памятники более поздние, чем Анаклиа II, которое своими ведущими формами явно тяготеет к поселению Испана. На это указывает также и то, что на поселениях Ана-

клина I и Носири мы не встречаем чернолощеную керамику, первые образцы которой появляются уже на поселении Испани и в большом количестве в нижних слоях жилого холма в с. Пичори. Этот факт, а также сходство нелощеной керамики Анаклина II и Испани, т. е. материала поселений, расположенных в отдалении друг от друга на юге и в центральной части Колхиды, указывает на однородность их культуры.

Таким образом, определенное сходство ведущей керамики поселения Анаклина II с керамическим материалом поселения Испани, с одной стороны, и керамики третьей группы с желобчатым орнаментом, с псевдой последующих по времени поселений Анаклина I (II—III слои), Носири (I—II слои), «Кекелури Зуга» (I—II слои), «Начвис Зуга», где эта керамика становится ведущей, с другой, указывает на хронологическую последовательность и культурно-историческую преемственность этих памятников. Исходными в этой последовательности являются поселения Испани (верхний горизонт, II половина III тысячелетия до н. э.), Анаклина II, которое следует отнести к концу третьего и началу II тысячелетия до н. э., по предварительным данным к этому времени следует отнести и нижний слой центрального холма в с. Пичори, на правом берегу р. Ингури, а затем поселения Анаклина I, Носири, и упомянутые выше памятники, относящиеся к началу II четверти II тысячелетия до н. э.* К этим памятникам непосредственно примыкает поселение VI слоя Намчедури с примитивной, с шишкообразными выступами, керамикой, с посудой с горизонтальными ручками, аналогичной керамическому материалу Анаклина II и верхнего горизонта поселения Испани [104 табл. 100_{4, 6-7}; 106—107], но и с несколько поздней керамикой, что служит основанием датировать поселение VI слоя Намчедури концом I половины II тысячелетия до н. э., что подтверждается, как отмечалось нами [194, с. 204; 104, с. 20], датировкой слоя радиоуглеродным методом 1430 годом до н. э. Примечательно, что возраст VI слоя Намчедури в Институте геологии АН Эстонской ССР Т. И. Хютт, А. Н. Молотковым и З. А. Челидзе определен в 3370 лет.

* Датировка Э. М. Гогадзе I—II слоев холма Носири [Э. М. Гогадзе, 1984, с. 39, 52, 53] в основном совпадает с нашей датировкой (см. Т. К. Микеладзе, 1974, с. 68—71), разногласие только в том, что основываясь на предварительных отчетах раскопщиков, в которых, по-видимому, прокрались отдельные ошибки (ср. Э. М. Гогадзе, 1984, с. 50) мы относили и III слой Носири к I половине II тысячелетия до н. э. (Т. К. Микеладзе, 1974, с. 71). В действительности же в III слое Носири ведущей является керамика (Э. М. Гогадзе, 1982, табл. 39—40) аналогичная керамике V слоя Намчедури (Т. К. Микеладзе, Д. А. Хахутайшвили, 1985, табл. 59), ранние образцы которой появляются, правда, в I половине II тысячелетия до н. э., но широко распространены на ранних этапах поздней бронзы.

Такому определению не противоречит и сопровождающий керамику материал, в котором довольно четко проявляется, как хронологическая последовательность, так и тесная взаимосвязь и в культурном, и в хронологическом отношениях. Из предметов, которые поддаются более или менее точной датировке, следует отметить кремневые наконечники стрел с выемчатым основанием, которые появляются раньше, но наиболее характерны для памятников Грузии эпохи средней бронзы [77, с. 243—244; 46, с. 184]. Кремневых наконечников стрел с симметричной выемкой по своей форме справедливо сближали с обсидиановыми наконечниками стрел с выемчатым основанием, считая последних широко распространенными в позднебронзовых культурах Восточного Закавказья [77, с. 244]. Однако наличие подобного обсидианового наконечника в Анаклиа II говорит об их бытовании в Колхиде и в начале II тысячелетия до н. э. То же самое следует сказать и о костяном наконечнике стрелы шилообразной формы с длинным черенком, обнаруженном на заключительном этапе исследований поселения Анаклиа II. Подобные наконечники стрел на Самтавройском могильнике (Восточная Грузия) мы встречаем в комплексах XI—X вв. до н. э. [6, т. I_{167, 169}]. Однако они, по-видимому, употреблялись и раньше. На террамарах подобные роговые наконечники (их называют пирамидальными) засвидетельствованы на поселении Кастионе, которое относят к фазе ТМIA—IIB, т. е. ко времени от 2000 г. до 1000 г. до н. э. [199 с. 95, 102, табл. 63₁₋₃].

На поселении Анаклиа II было обнаружено также спирально свернутое в полтора оборота серебряное височное кольцо. Такое бронзовое кольцо было найдено также на поселении с. Пичори. Кольца подобного типа (и их разновидности) были в употреблении, по-видимому, в течение довольно долгого времени. Мы их встречаем в погребальных комплексах могильников Восточной Грузии, относящимся к переходному этапу от средней к поздней бронзе, в погребальных комплексах разного времени Тлийского могильника [153, с. 16, рис. 13₄; стр. 28, рис. 26₁₁₋₁₂; стр. 169—171], в комплексах XIV—XIII вв. Стирфазского могильника [154, рис. 17₁₃]. Разновидности этих колец имеются также в кобанских комплексах первого (X—VII вв.) этапа [67, табл. XXI_{4-5, 9}] и т. д. Однако тот факт, что височные кольца этого типа засвидетельствованы в абхазских дольменах с такими архаичными предметами как малодифференцированный топор с круглым отверстием в обушной части, или листовидные медные кинжальные клинки и т. д. [76, с. 268—271, табл. XXX] с одной стороны, и в не менее архаичном комплексе поселения Анаклиа II, с другой, говорит о том, что наличие височного кольца в полтора оборота на Анаклиа II и в Пичори вполне закономерно, и что такие кольца были в употреблении в Западном Закавказье и в начале II тысячелетия до н. э., на что указывает их наличие

также в Сачхерских курганах [46, с. 139—140, табл. XX]. Примечательно, что серебряные и медные височные кольца в полтора оборота, также как в Анаклиа II вместе с кремневыми наконечниками стрел с выемчатым основанием, наличествуют в Позднетрипольских памятниках Северного Причерноморья на усатовских поселениях и в погребальных комплексах [52, с. 61, 74, рис. 24 и 26].

Все это касается предметов, которые продолжают функционировать и в последующей эпохе. Однако на этих поселениях имеются отдельные элементы явно тяготеющие к более ранним памятникам. Среди них уже была упомянута с отпечатками ткани или циновок керамика, засвидетельствованная на поселениях Анаклиа I (II слой), Анаклиа II, в нижнем слое холма «Мамулнебис дихагудзуба» в с. Эргета неподалеку от Анаклиа и по предварительным сообщениям в нижнем слое жилого холма в с. Пичори. Подобная керамика с отпечатками рогожи и циновок на днищах в Колхиде была найдена в нижних слоях поселений Очамчире и Даблагоми, в Даблагоми — вместе с керамикой куро-аракского типа [144, с. 53, т. 14; 77, с. 140, 240—241, 250], которая явно указывает на ранне-бронзовые традиции т. н. «текстильной» керамики. Очень схожая с колхидской керамика с отпечатками циновок была в употреблении и в Восточном Средиземноморье (Ханаане) с древнейших времен [66 с. 62—63, рис. 2]. Ведущее место керамика с отпечатками ткани или циновок занимает также и в Северном Причерноморье в позднетрипольских поселениях II половины III тысячелетия до н. э., достигая на некоторых из них (Усатовское поселение) 63% общего количества кухонной посуды [52, 81—82, рис. 30]. Наличие на Анаклийских поселениях, а также в с. Пичори несколько днищ «текстильной» керамики говорит о том, что и по своему характеру и хронологически эти поселения имеют непосредственную связь с памятниками предшествующей эпохи.

На это же указывают и отдельные предметы каменной индустрии с колхидских поселений эпохи средней бронзы. На поселениях Анаклиа I и II, а также в Носири [35, табл. 46₂₃₋₅₁] были засвидетельствованы кремневые наконечники стрел не только с выемчатым основанием, но в отдельных случаях и черенковые, которые характерны для более ранних памятников (табл. VII₁₋₁₀). Подобные наконечники наличествуют в нижних слоях циклопических поселений Триалети, во Внутренней Картли (Центральная часть Восточной Грузии), в курганных погребениях Сачхере, на Очамчирском поселении [78, с. 110, т. С, XIX; 46, с. 125, рис. 22₁₁; т. XIII_{6, 7}; 144, с. 38, т. IX₂] и на непосредственно примыкающем по времени поселении Испана (в юго-западной Колхиде).

Примечательно, что на отдельных террамарных памятниках (Кастионе) засвидетельствованы также черенковые кремневые наконечники, которые и здесь считаются отражением традиции более раннего, непосредственно предшествующего I фазе террамар (2000—1600 гг. до н. э.), этапа Ремеделло [199, с. 189—190, табл. 68₈₋₁₀].

Из предметов каменной индустрии, тяготеющих к более ранним этапам, следует отметить каменный топор и мотыгу (табл. VII_{16, 18}), соответственно из первого и второго слоев Носирского поселения (Э. М. Гогодзе, 1984, рис. II_{28, 48}). Носирский каменный топор напоминает просверленный каменный топор из Згудери [46, с. 90—91, рис. 20₅], но наиболее близкую аналогию находит с топором из Краснодара, который относят ко второму этапу (1700—1500 гг. до н. э.) северокавказской культуры [85, с. 36, рис. 7₁₉; с. 69]. Что касается мотыги, то она относится к мотыгам т. н. Сочи-Адлерского типа, которые широко распространены на стоянках IV—III тысячелетий Северо-Восточного Причерноморья [162, с. 126—128; 141, с. 137, рис. 1а]. Аналогичные мотыги характерны для переднеазиатских раннеземледельческих культур [174, с. 168—169, рис. 56₁₋₂]. Однако, как известно, каменные мотыги данного типа в Северо-Восточном Причерноморье присутствуют и на памятниках времен ранних металлов, а именно на стоянках Псоу и Очамчире, [162, с. 122—129]. Они были засвидетельствованы также на Мачарском поселении в Северо-Западной Колхиде, во втором слое, который относят к эпохе средней бронзы и полагают, что подобные мотыги были в употреблении до эпохи поздней бронзы [18, с. 115, рис. 1₂; стр. 124—125]. В Колхиде пока нет ни одного памятника эпохи поздней бронзы, где были бы зафиксированы каменные мотыги, нет и, по-видимому, быть не могут, если учесть чрезвычайную многочисленность и многообразие, бронзового земледельческого инвентаря, в частности мотыг (табл. IX₁₋₂₂), ранние формы которых появляются уже на начальных этапах эпохи средней бронзы. В этом отношении и трудно переоценить значение литейных форм мотыг, обнаруженных в Анаклиа II и в нижних слоях Центрального холма в с. Пичори (табл. VII₁₂₋₁₄). Эти находки свидетельствуют о широком использовании мотыг в земледелии древней Колхиды и, учитывая их разные формы и размеры, о разнообразном их назначении уже в конце III тысячелетия до н. э., т. е. с того времени, к которому по всем указанным выше данным относится поселение Анаклиа II, и, по-видимому, также поселение Пичори. Что касается абсолютных дат образцов древесины и проса из культурного слоя Анаклиа II, то по 5730-летнему** периоду полураспада C¹⁴ доска пола деревянного со-

** 5730 — летний период полураспада C¹⁴ ряд ученых считает непригодным [60, с. 19].

оружения дала дату 1990 г. до н. э. (ТБ—275), пол — 1920 г. до н. э. (ТБ—274), просо — 1805 г. до н. э. (ТБ—276). Согласно исправленным Г. Л. Кавтарадзе датировкам на основании калибрационной кривой Р. М. Кларка, те же образцы дали следующие даты: ТБ—274 2258 ± 308 г. до н. э., ТБ—275 2352 ± 316 г. до н. э., ТБ—276 2108 ± 360 г. до н. э. [60, с. 28, 30].

Среди колхидских поселений, как уже было отмечено, исходными являются поселения Испани, имеется в виду комплекс с литейными формами трубчатообушных топоров, тонкостенной чернолощеной керамикой и черенковыми кремневыми наконечниками стрел типа сачхерских курганов (табл. IV₁₋₆; VII₁₋₄), который относится ко II половине III тысячелетия до н. э., Анаклина II — конец III тысячелетия до н. э. и, по предварительным данным, нижний слой Центрального холма в с. Пичори, а дальше Анаклина I (II—III слои) и Носири (I—II слои), «Кекелури Зуга» (I—II слои), «Начвис Зуга», которые по керамике повторяют друг друга и отражают непосредственно последующий этап, а по другим явно арханческим элементам (каменные мотыги, топор, черенковый наконечник стрелы на Носирском холме) не выходят за пределы I половины II тысячелетия до н. э., и больше по всей вероятности, тяготеют к начальным этапам II четверти II тысячелетия до н. э. [102 с. 69—71; 36, с. 39].

Между этими памятниками прослеживается не только хронологическая последовательность, но и теснейшая преемственная связь по ряду специфических элементов быта и материальной культуры. Эта связь проявляется в одинаковом устройстве поселений и срубных сооружений на этих поселениях, в явно выраженном земледельческом характере поселений с одинаковыми формами хозяйства: мотыжное земледелие и применение также деревянной сохи (модель такой сохи найдена вместе с литейными формами мотыг в нижнем слое центрального холма в с. Пичори); в разведении одинаковых эндемных видов пшеницы; в явной зависимости форм сравнительно поздних бронзовых изделий (например, топоров) от более ранних, с наличием, как будет показано ниже, промежуточных форм, в однородности фактуры керамики разновременных памятников и т. д. Не останавливаясь на более детальном рассмотрении этих элементов, следовало бы обратить внимание на одну особенность, а именно на наличие, начиная, по крайней мере, с конца III тысячелетия до н. э. почти на всех колхидских поселениях, несмотря на их сугубо земледельческий характер, литейных форм бронзовых изделий, тогда как сами изделия, за редким исключением, отсутствуют. Это явление более красноречиво указывает, чем сами изделия, на то, что именно жители колхских поселений и являются создателями той бронзовой индустрии, продукция которой обычно представлена вкладах или случайными находками отдельных предметов. Чрезвычайно важно, что на поселениях

Испани и Анаклиа II вместе с колхидской керамикой были обнаружены литейные формы трубчатообушного топора и мотыги (табл. VII_{17, 12-13}), а в нижнем слое Центрального холма в с. Пичори, — вместе с литейными формами трубчатообушных топоров (табл. VII₁₅) и бронзового фрагмента этого топора, и литейные формы мотыг (табл. VII₁₄) с соответствующими им бронзовыми мотыгами (табл. IX₃₋₅), т. е. образцы этих двух определяющих орудий эпохи средней бронзы, не отличающейся, подобно позднебронзовому периоду, особым многообразием металлических изделий.

Трубчатообушные топоры, судя по этим находкам, в Западной Грузии появляются во второй половине III тысячелетия до н. э. Их стилизованные разновидности составляют позднюю группу инвентаря курганных погребений Сачхере [46, с. 195] и уже там, по-видимому, на базе более ранних вислообушных топоров, оформляются в особый «Сачхерский» тип дугообразно изогнутых узко-корпусных топоров, со сравнительно длинной обушной трубкой, которые в отдельных случаях приобретают серповидную форму [79, с. 71, табл. LVII; 46, 1961, табл. XV₁₋₂—XVI₃₋₅]. Сачхерский тип трубчатообушных топоров был, по-видимому, не чужд и для других регионов Колхиды, на что указывает обнаружение подобных топоров во время строительства в 1975 г. в районном центре Лентехи [175, с. 34—35, табл. II]. Топор, близкий по форме Сачхерскому типу топоров с несколько укороченной обушной трубкой был найден и в Ингурской Сванети в Ипарской общине [175, с. 37, табл. V₁]. Большинство таких топоров малоприменимы в качестве орудий и оружия, и по всей видимости, имеет парадное назначение. То же самое следует сказать и о топорах из Брильского могильника (табл. VIII₃₉₋₄₀), которые хотя по форме и отличаются от сачхерских топоров, однако по ряду элементов (по узкости и изогнутости корпуса, по удлинненности обушной трубки и по тому, что они орнаментированы) схожи с ними и имеют, по-видимому, такое же парадно-культовое назначение.

В эпоху средней бронзы была распространена и другая группа трубчатообушных топоров, которые имели практическое назначение.

В этой группе можно выделить подгруппу топоров, отличающихся простотой выполнения и представленную несколькими вариантами (табл. VIII₁₋₃). Они, по-видимому, были распространены во всей Колхиде, т. к. их отдельные экземпляры были найдены в юго-западной ее части, а также в ущельях рр. Риони и Ингури. Быть может, эти топоры являются более древней частью данной группы топоров, т. к. непосредственная связь между ними и колхидскими топорами, начальных этапов эпохи поздней бронзы, не улавливается, тогда как по габитусу, по крайней мере, некоторые их варианты (табл. VIII₂₋₃), с одной стороны, явно

увязываются с другой подгруппой трубчатообушных топоров (табл. VIII₅₋₁₀), претерпевших ряд изменений, в силу которых они предстают в качестве возможной промежуточной ступени в формировании колхидских топоров эпохи поздней бронзы, а с другой с типом топоров Квишарского клада (табл. VIII₁₆; ср. 122, с. 2—3) и топора из Уреки (68, с. 11, рис. 1), непосредственных звеньев дальнейшего развития которых пока не видно.

Топоры этой подгруппы выделяются гранением корпуса и трубчатого обуха (табл. VIII₅₋₁₀). Эти элементы особенно акцентированы в сравнительно поздних экземплярах из юго-западной Колхиды (Урекский клад, табл. VIII₁₁₋₁₃). Более того гранением, а в отдельных случаях и прямым корпусом трубчатообушные топоры данной подгруппы наиболее приближаются, как отмечал еще Б. А. Куфтин [78, с. 17], не только к одним из самых ранних форм колхидского топора из Пиленково и Гагра (табл. VIII₁₄₋₁₅), а также Пицунды, но и к последующим и даже к более поздним формам (ср. табл. VIII четвертый и последующие ряды), разница лишь в трубчатости обуха. Все это ясно указывает на определенную зависимость одной части колхидских топоров эпохи поздней бронзы от более ранних, трубчатообушных. С другой стороны следует отметить, что не только в ранних топорах этой подгруппы, но и в самых поздних урекского клада (табл. VIII₁₁₋₁₃) в верхней лобовой части обуха, сохранена характерная для вислообушных топоров вогнутость, указывающая о возможных истоках происхождения колхидских трубчатообушных топоров. В этом отношении быть может немаловажное значение имеет тот факт, что оба типа топоров, и вислообушные и трубчатообушные изготовлены одинаково из мышьяковой бронзы [4, с. 29—35]. Здесь налицо, по-видимому, не столько факт отсутствия олова, сколько наличие единых металлургических традиций. В этой связи следует отметить и то, что трубчатообушные топоры с гранением корпуса и обуха в Колхиде появляются, по-видимому, во II половине III тысячелетия до н. э., о чем свидетельствует литейная форма топоров этого типа, найденных на поселении Испана (табл. VII₁₇).

Что касается вопроса о происхождении трубчатообушных топоров, обычно указывают на переднеазиатские прототипы [78, с. 16; 74, с. 296, 304; 46, с. 152, 80, с. 123; с. 149; 154, с. 19 и т. д.]. Действительно существует определенное сходство между южнокавказскими трубчатообушными топорами и топорами такого же типа из Шиша, Ура, Элама, Луристана [174, с. 241, рис. 89; 74, с. 304, сл. рис. 7]. Особенно явным является сходство между ранними формами колхидских трубчатообушных топоров (топоры из Гантиади и Сванети, табл. VIII_{1,3}) и топоров, выделяемых в тип 4 из Тепе Хазинех, датируемого раннединастическим I периодом (3000—2700 гг. до н. э.), 4А — из Луристана и 4В —

из Суз также относимых к раннединастическому периоду (192, с. 93—95, табл. XXXIV_{4,4B}; табл. XXXVI₁₃), что указывает на их генетическую связь с южнокавказскими экземплярами. С другой стороны, в силу ряда упомянутых выше явлений, а именно сходства отдельных колхидских трубчатообушных топоров с местными вислообушными топорами, которые южнее Эрзерума не встречаются и генетически увязываются с более ранними топорами из Восточной Грузии — из Кулбакеби и Меджврисхеви (46, с. 145—147) наличия многообразия их местных разновидностей, и морфологической эволюции вплоть до колхидских топоров эпохи поздней бронзы, с ранних времен местного их производства (литейные формы, деревянные модели) и т. д. следует считать, что процесс дальнейшего формирования трубчатообушных топоров протекал в Колхиде. Этот процесс наиболее наглядно отражают топоры из Брили и Сванети (табл. VIII₂₋₃), которые сформировались в Колхиде явно под влиянием топора из Гантиади (табл. VIII₁), восходящим к топору IV типа из Тепе Хазинех.

Следует отметить и то, что большинство трубчатообушных топоров Южного Кавказа различных разновидностей найдено в Западном Закавказье. За пределами Колхиды, в частности, в Восточной Грузии и Армении, указывают лишь единичные случаи находок этого орудия [46, с. 148; 90, с. 40]. Исходя из этих данных трубчатообушные топоры нельзя считать специфическим, определяющим орудием материальной культуры ни Восточной Грузии, ни Армении.

Обособленную группу трубчатообушных топоров составляют стилизованные топоры (табл. VIII_{39-40, 42}) из горной Колхиды (Рачи и Сванети) неимеющие, по-видимому, практического назначения, хотя бы из-за незначительного диаметра отверстия для топорнища некоторых экземпляров: например, диаметр отверстий для топорнища сванетского экземпляра равен 1,2 см [175 с. 44]. Аналогичные топорам из Рачи и Сванети экземпляры (табл. VIII₄₁₋₄₂), по-видимому, путем обмена попали за кавказским хребтом в с. Урупе и на могильник Фаскау в с. Галиат. [59, с. 84—86, рис. 8; 85, с. 44—45, рис. 13_{III}].

Однако более распространены на Северном Кавказе, в России в пределах срубной и фатьяновской культур, и в Придунайских странах топоры практического назначения типа вышеописанных. Факт их полного отсутствия в то время в Малой Азии и на Балканах послужил основанием положения об их распространения с Кавказа [173, с. 170; 74, с. 306; 76, с. 71] посредством кочевых племен, [190, с. 46]. Несмотря на то, что по последним публикациям трубчатообушный топор засвидетельствован в Центральной Анатолии севернее Алака в Калинкая на памятнике ранней бронзы I [187, с. 147], а в Эгейском бассейне на о. Лемносе найдена литейная форма предположительно трубчатообуш-

ного топора эпохи ранней бронзы I [180, с. 82, рис. 4 М89; 187, с. 41], положение это все еще следует считать наиболее рациональным.

Из орудий труда эпохи средней бронзы надо отметить мотыги.

До археологического изучения поселения Анаклиа II мотыга из Урекского клада (табл. IX₇) считалась древнейшим экземпляром данного орудия. Упускаются из виду медные подвески мотыгообразной формы из Сачхерского могильника и могильника Твлепна-цкаро [46, с. 179—180, рис. 36₃; 40 с. 42, XXXIV₂].

Из-за того, что урекская мотыга считалась самой древней, предполагалось, что она является одним из ранних звеньев в развитии этого орудия [42, с. 116—117], однако правильное, по-видимому, считать урекскую мотыгу не ранней формой орудия, которая впоследствии заменяется более развитой формой, но одним из вариантов функционального назначения данного орудия [74, с. 317]. Это подтверждается находками на поселении Анаклиа II литейных форм мотыги, удлиненно-округлой формы, и в нижнем слое центрального холма в с. Пичори литейных форм и бронзовых мотыг тоже округлых, но заметно суживающимся в нижней части концом, свидетельствующим о наличии в эпоху средней бронзы, по крайней мере, трех типов мотыги удлиненно-округлой (с поселения Анаклиа II), удлиненно-округлой с узкой лезвийной частью из Пичори и заостренно-треугольной формы (урекского клада), которые указывают на их разное функциональное назначение (табл. IX₁₋₈).

Таким образом, уже в эпоху средней бронзы формируются два ведущих орудия металлической индустрии Колхиды, определяющих не только культурный облик колхидского общества, но и характер его основной хозяйственной деятельности и нашедших свое дальнейшее развитие в бронзовых и железных орудиях эпохи поздней бронзы-раннего железа.

Из этих ведущих орудий самое широкое распространение получили в Колхиде, а затем и за ее пределами трубчатообушные топоры. Такая же ситуация и в эпоху поздней бронзы, когда ареалы распространения колхидского топора выходят далеко за ареалами колхидских поселений, керамики и других элементов материальной культуры. Совершенно ясно, что в качестве трубчатообушных топоров и колхидских топоров эпохи поздней бронзы по своему назначению, не имеющих прямых отношений к особенностям природных условий, в металлообрабатывающих очагах Колхиды были созданы столь оптимальные формы орудий (оружия), что они получили широкое применение далеко за пределами колхидского этно-культурного мира.

Несколько иначе обстоит дело с мотыгами, древнейшие экземпляры которых севернее бассейна р. Ингури почти не встречаются. Они сравнительно редки здесь даже во времена широ-

кого их распространения. Это орудие, тесно связанное с хозяйственным бытом населения, обусловленным особенностями экологической среды, отражает не только характер хозяйственной деятельности общества, но и очерчивает пределы конкретной этно-культурной общности. В этой связи примечательно, что на всех этапах развития, пределы распространения мотыги, колхидской керамики и поселений, как правило, совпадают. Такова картина и в эпоху средней бронзы. По имеющимся в настоящее время данным, колхидские поселения с срубными постройками, соответствующей керамикой, формой хозяйства (мотыжным земледелием) и другими бытовыми особенностями, т. е. всем тем, что должно отражать конкретную этническую общность, пока не засвидетельствованы севернее Приингурия. Все эти элементы в совокупности в настоящее время представлены в Центральной Колхиде (бассейны рр. Ингури-Риони, Техури-Абаша). Хотя распространение почти повсюду в Колхиде отдельных вариантов трубчатообушных топоров, их литейных форм, и наличие на Мачарском поселении (II слой) керамики подобной керамике Анаклиа I, с одной стороны, а на поселении Испани керамики аналогичной керамике Анаклиа II, и на том же поселении Испани деревянной модели и литейной формы трубчатообушного топора, с другой, указывают на распространение данной культуры по всей Колхиде.

Таким образом, носители культуры поселений с срубными постройками, мотыжным земледелием, трубчатообушными топорами и вышеописанной керамикой с конца III тысячелетия до н. э. занимали уже большую часть Колхиды. Этнически они являлись предками западногрузинских племен колхов; на что указывает тесная преемственная связь этой культуры с культурой последующей эпохи, непосредственное отношение колхов с которой подтверждается данными письменных источников и исторической топонимии. Поэтому культуру эту следовало бы называть протоколхской, т. к. она явно отражает начальные этапы истории колхов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КОЛХИДЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ-РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Следующий этап в развитии материальной культуры Колхиды—эпоха поздней бронзы-раннего железа, характеризуется гораздо более разнообразными вещественными памятниками, часть которых, правда, не стратифицирована, но тем не менее содержит богатую информацию и о хозяйственно-культурном облике колхидского общества данного периода и о более сложных аспектах его истории.

Археологические памятники эпохи поздней бронзы-раннего железа представлены поселениями, последовательное изучение которых началось в 60-х годах, могильниками, которые, в основном, относятся к раннему железному веку, приморскими промысловыми поселениями, культовыми памятниками, остатками древних рудников и металлоплавильных мастерских и кладов бронзовых изделий, которыми усеяна вся историческая Колхида от Орду, Артвина и Карса на юго-западе и юге, до отдаленного угла северо-западного Закавказья и Большого Кавказа на северо-западе и севере, и Лихского хребта на востоке, которые по общему количеству и по количеству металлических изделий в отдельныхкладах не знают себе равных. Конечно, все эти памятники исследованы не одинаково; да и в видовом отношении не все памятники наличествуют в полном составе на том или ином этапе развития. Но тем не менее они все же создают более или менее цельную картину, ибо в том или ином памятнике Колхиды отражаются разные аспекты быта, материальной и духовной культуры общества, которые пополняются элементами, указывающими на преемственную связь между ними. Наиболее цельными в этом отношении являются колхидские поселения.

Поселения эпохи поздней бронзы изучены частично, однако по материалам добытым в результате раскопок упомянутого выше Наохваму, Саелиаво, Намчедури и из разведывательных раскопок на отдельных памятниках (Цкеми, Зурга) стало ясным, что и общий характер и отдельные особенности поселений (жилища, хозяйственные постройки, особенности быта) остались неизменными; те же срубные дома (Цкеми, Зурга в Чаладиди,

Наохваму, Намчедури) те же принципы их возведения — тот же состав инвентаря, тот же тип поселения — хуторный, обусловленный по-видимому, природными условиями Колхидской низменности*. Появились и некоторые новые элементы, как например, в срубном доме V слоя Намчедури вместо ожидаемого деревянного настила пола наличие галечного [104, с. 23, табл. 38₂] что, по-видимому, связано не столько с изменением традиции, сколько с близостью поселений с морским берегом.

Таким образом, традиция устройства поселений осталась неизменной не только в эпоху поздней бронзы, но и в последующем периоде в VI—V вв. до н. э. [97] и сохранилась вплоть до настоящего времени в этнографической действительности Колхиды. Однако, претерпела заметные изменения материальная культура, в частности, керамика, а в особенности продукция металлического производства.

Керамика раннего этапа поздней бронзы — представлена на поселениях Саелнаво, Цкеми, Зурга, Наохваму, Намчедури, Ведидкари, Кодори II. Наиболее раннюю группу составляет керамика, которая появляется на предшествующих памятниках на Анаклиа II в малом количестве и приобретает ведущее, определяющее положение на поселениях Анаклиа I [II—III слон, ср. 77 т. 67] и Носири (I—II слон, Э. М. Гогадзе, 1982, т. 42—43). Эта керамика (т. VI, X₁₋₁₉) как отмечалось выше, в виде бадьевидных сосудов, с шишкообразными выступами и шишковидными маленькими ушками, богато украшенными желобчатым орнаментом, который в сочетании с ушками создают «жаберный» узор, продолжает функционировать и на ранних поселениях эпохи поздней бронзы в Цкеми, Саелнаво, где эта посуда сохраняет одно из ведущих мест, а в отдельных случаях в незначительном количестве она всплывает и на несколько поздних памятниках, например, в Наохваму [77, с. 240, рис. 63₃].

Вторая группа керамики представлена посудой (корчаги, горшки, бадьи, кружки) черного, а в отдельных случаях, серовато-розового (или серовато-коричневого) обжига. Посуда эта, за редкими исключениями, орнаментирована. Орнамент и черной и серовато-розовой посуды выполнен принципиально одним и тем же способом: сочетанием желобчатого узора с гребенчатым, точнее с узором, выведенным зубчатым штампом, об-

* По предварительным отчетам несколько иная картина наблюдается на Тамышском поселении (Очамчирский район), где при наличии керамического материала, аналогичного керамике колхидских поселений, засвидетельствованы жилища в виде полуземлянок (см. Г. П. Пхакадзе, М. В. Барамидзе и др., 1981, с. 83; М. В. Барамидзе и др., 1982, с. 65 сл. ср. А. Н. Габелия, 1984, с. 5). Если овальные ямы на Тамышском поселении представляют жилища, то, по-видимому, их следует считать региональной особенностью края.

наруженным с керамикой данной группы во II слое поселения Зурга [97, с. 32, 95, т. VIII]. Оттиски упомянутого штампа на сосудах создавали «вафельную», а иногда в мелкую точку, или даже лунчатые, поверхности. Лунчатый узор более характерен для серовато-розовой керамики. Эти лунчатые или в мелкую точку поверхности обычно окаймлены зигзагообразными, или овальными и округлыми, а иногда и треугольной формы фестонами и шевронами, выполненными желобчатыми линиями [т. XI₁₇₋₄₁; 77, с. 186—187, рис. 48, т. 48, 56; 97, т. II—VI]. Посуда, украшенная подобным способом и узорами такого сочетания появляется уже на поселении Носири [ср. 9, т. VII_{2-4, 12}], но ведущее положение приобретает на поселениях Зурга, Наохваму, Кодори II, Намчедури [IV—V слон, 104, т. 39—79]. Среди этой посуды выделяются кружки с одной ручкой, ранние варианты которых появляются уже в носирском материале [т. XI₁₃; 9, т. V; 102, т. XVIII], а на поселениях Цкеми, Саелиаво наличествуют в большом многообразии и широко распространены. Нет в Колхиде более или менее изученных поселений II половины II тысячелетия до н. э., где бы эти кружки не были бы зафиксированы. Это наиболее типичная посуда данной эпохи. Кружки эти округлой формы с выпуклым корпусом, мало дифференцированными краями и с одной ручкой с разнообразным оформлением ее верхней части. Преобладают ручки в форме «птичьей грудки» вертикальными или рогообразными выступами в верхней части. Кружки с такими ручками встречаются на многих поселениях, в частности на холме Зурга и Наохваму (табл. XI). Есть также ручки более массивные с катушкообразными стилизованными выступами в верхней части (табл. XI₂₆). Все эти кружки украшены либо «паркетным» орнаментом, встречаемым и в Носирском материале, либо узорами, выполненными зубчатым штампом и окаймленными шевронами из желобчатых линий (табл. XI₃₅₋₃₇).

Если сопоставить керамический материал с поселений Цкеми, Саелиаво с материалом с поселений Зурга, Наохваму, Намчедури (IV—V слон), создается такое впечатление, что первые два поселения более ранние и, по-видимому, непосредственно примыкают по времени к поселению Носири, «Начвис Зуга» и синхронным им памятникам. И в Цкеми и в Саелиаво еще довольно ощутимо представлена посуда типа Носири и Анаклиа I с шишкообразными выступами и желобчатым орнаментом. С другой стороны на этих поселениях за редким исключением не встречаются кремневые наконечники стрел, выемчатые и черенковые, совершенно нет каменных орудий (мотыг, топоров) за исключением кремневых вкладышей серпов, которые были в употреблении вплоть до конца II тысячелетия до н. э. Более того на этих же поселениях широко распространены округлые кружки с одной ручкой, с разным оформлением верхней ее части, которые становятся самым типичным, определяющим материа-

лом Зурга, Наохваму, Намчедури (IV—V слои) и т. д. Все это, по-видимому, говорит не только о непосредственной преемственной связи этих памятников, но и о их хронологической последовательности. По ряду отмеченных выше элементов, наиболее ранними среди упомянутых памятников выглядят поселения Цкеми и Саелинаво, за ними следуют Зурга, Наохваму (I—II слои), Намчедури (IV—V слои), Кодори II и т. д. На основании этих особенностей поселений Саелинаво и Цкеми быть может следовало выделить переходной этап от средней к поздней бронзе и к концу этого этапа отнести нижний слой Зурга и Намчедури VI. VI слой жилого холма Намчедури можно было отнести к несколько раннему времени, т. к. здесь аналогичный материал нижнего слоя Зурга и Цкеми материал [104, т. 84, 88₂₋₇, 105₁] сочетается явно с более ранними формами, например, с посудой с горизонтальными ручками [104, т. 109], встречающимися на поселении Анаклиа II и Испани (табл. V_{1, 11}; III₁₁). Сочетание единичных архаических форм с более поздней керамикой в VI слое Намчедури является, по-видимому, особенностью данного памятника.

Что касается верхнего хронологического рубежа археологического материала упомянутых поселений, его более или менее точное определение затруднительно. В этой связи в свое время было обращено внимание на бронзовый втульчатый наконечник стрелы из верхнего слоя Наохваму, аналогичные наконечники которого, как это отметил Б. А. Куфтин, встречаются в Швейцарии, Франции и на террамарах близ Пармы вместе с смычковидными фибулами и датируются концом микенской эпохи [77, с. 178—179, рис. 43 и 48]. На террамарах подобного типа наконечники датируют самым концом бронзового или началом железного века [199, с. 103, табл. 55₉].

К такому же выводу приводят аналогии наконечника копья, найденного в верхнем слое Наохваму [77, с. 174, рис. 42₂]. Наконечник с таким орнаментом, но аналогичный по форме с наконечниками из Эшерского кувшинного погребения обнаружен в с. Приморском [76, т. X и XV₅₋₇] с типичным сопровождающим материалом, который, исходя из комплексов вновь открытых могильников Центральной Колхиды [107, 109, 103, 108, 110, 111], следует отнести суммарно ко времени не ранее второй половины VII в. до н. э.

Следует отметить, что упомянутые наконечники стрелы и копья на Наохваму обнаружены вместе с новой керамикой, отличающейся от керамики нижнего и среднего слоев Наохваму [77, с. 186—187, рис. 48] и характерной для II этапа эпохи поздней бронзы. Имеется в виду каннелюрованная керамика, посуда с ручками в верхней части с валикообразными поперечинами (табл. XII—XIV), т. е. материал, являющийся неотъемле-

мой частью комплексов упомянутых выше могильников. В этой связи следует обратить внимание, что вместе с подобной керамикой во втором слое Даблагоми был обнаружен бронзовый черенковый наконечник стрелы [77, 17, рис. 5, 114]. Это довольно распространенный тип черенковых наконечников и их хронологический диапазон, и в Малой Азии и в Эгейском мире, довольно большой, начиная с эпохи поздней бронзы до VIII в. до н. э. [200, с. 146, рис. 9]. В Восточной Грузии они также распространены с XII по VIII в. до н. э. [6, т. I]. В Колхиде черенковые наконечники стрелы засвидетельствованы в погребальных комплексах конца VII в. до н. э., где они сосуществуют с железными черенковыми наконечниками стрел такого же типа [107, с. 42—44, т. XII₂₅, XX₁₈].

Таким образом, рассмотренные металлические предметы не дают основания для точного определения верхнего хронологического рубежа археологического материала, в основном керамики I этапа эпохи поздней бронзы, который нами был определен, как I этап раннеколхского периода (РКИ). Исходя из данных жилого холма Намчедури совершенно очевидно, что материал III слоя, среди которого в малом количестве появляются сосуды с ушками в верхней части валикообразными поперечинами и каннелюрованная посуда сначала с широкими каннелюрами [104, т. 24), имеет еще много общего с материалом IV слоя, который датируется самым началом I тысячелетия до н. э. [104, с. 17]. Поэтому, III слой Намчедури надо отнести, по-видимому, к концу I четверти I тысячелетия; надо полагать, что с этого времени по всей Колхиде повсеместно распространяются новые формы колхидской керамики, которые наиболее полно представлены на могильниках (о них подробно ниже). Здесь же следовало бы отметить, что керамический материал III—IV слоев Намчедури почти полностью идентичен с керамикой верхнего слоя Наохваму [104, т. 24—55; 77, с. 186—187, рис. 48].

Судя по керамическому материалу, обнаруженному на могильниках Колхиды, на втором этапе эпохи поздней бронзы колхидская керамика переживает ряд изменений. В украшении керамики, за редким исключением, исчезают гребенчатые и желобчатые узоры и орнамент, получаемый сочетанием этих узоров, столь специфический для керамики предыдущего этапа. Нет и типичных для первого этапа форм керамики (корчаги, бадьевидная посуда). Продолжают функционировать отдельные формы кухонной керамики в виде горшков разного размера с расширяющимися и отогнутыми краями. Появляются также горшки с прямыми и валикообразными венчиками [97, т. IX₃, X₁₋₂]. Эта посуда или совсем не орнаментирована, или в верхней части обведена желобчатыми поясами или же поясом ногтеобразных вдавлений. Основное же украшение посуды каннелюры.

Сначала появляется посуда с широкими каннелюрами, а позже с более узкими, эта последняя группа является наиболее специфической для эпохи раннего железа. Каннелюрами украшена как кухонная керамика, так и изящная столовая посуда, среди которой судя по материалам могильников особо распространены являются кружки, кубки, вазы и появившиеся к концу исследуемого этапа на рубеже VII—VI вв. до н. э., кубки с изящной ножкой переходного типа и кувшинчики со сливом. Эти последние, и кубки с изящной ножкой, и кувшинчики со сливом становятся предвестниками начала нового периода, а в последствии определяющей посудой колхидской керамики VI—IV вв. до н. э.

Кружки можно разделить на четыре типологические разновидности.

К I группе разновидностей следует отнести кружки банкообразной формы разного размера с оттогнутым венчиком и несколько округлым корпусом (табл. XII₁₋₃). Как правило, банкообразные кружки неорнаментированы, разно обработаны у них и ушки: у одной части верхняя часть ушек заканчивается выступом (т. XII₂), у другой в верхней части рогообразные выступы или валикообразные поперечины (табл. XII₃). Есть экземпляр имеющий выступ вместо ушка (табл. XII₁).

Ко II разновидности относятся кружки, корпус которых резко суживается к низу (табл. XII₄₋₆). Большинство из них также не орнаментированы, хотя есть исключения. Ушки у этих кружек, простые с круглым отверстием у некоторых верхняя часть ушек заканчивается выступом (табл. XII₅).

III разновидность бочкообразные кубки (табл. XII₇₋₉) одна часть которых также не орнаментирована, а другая украшена каннелюрами и вертикальными полосками. По форме корпуса к этой разновидности следует отнести кружку со сливом с Урекского могильника (табл. XII₈).

IV разновидность представлена экземплярами, которые близко стоят ко II разновидности, но отличаются от последних тем, что у них начинает выделяться ножка (табл. XII₁₀₋₁₁). Они дают начало бокалообразным кубкам III типа (табл. XIII_{3,5}), которые появляются в комплексах рубежа VII—VI вв. до н. э. и становятся одним из ведущих элементов колхидской керамики VI—IV вв. до н. э.

Рассмотренные разновидности кружек засвидетельствованы на могильниках Уреки, Нигвзани [107] на всех четырех могильниках с. Эргета, на могильнике Красного Маяка [157, т. XVIII] в Северо-Западной Колхиде. Они наличествуют на всех поселениях и в культурных слоях Западной Грузии эпохи раннего железа. Аналогичные отдельные разновидности рассмотренных кружек засвидетельствованы, правда в малом количестве, на Тлийском могильнике [153, с. 71, рис. 60₁₋₅]. К сожалению тех

комплексов, в которых найдены указанные кружки, в полной публикации тлийских материалов нет [150, 151, 152], поэтому о времени их бытования трудно судить, однако, само по себе симптоматично сходство керамики Тлийского могильника, с кружками колхидских могильников, т. к. из Восточногрузинских археологических памятников Тлийский могильник обнаруживает наибольшую близость к Колхидской культуре.

Это не единственный случай, указывающий на близость колхидской керамики с керамикой Лиахвского бассейна. На тождественность керамического материала Колхиды и Юго-Осетии обратил внимание еще Б. А. Куфтин справедливо выделяя центральную часть Южного склона Кавказского хребта, как территорию одной ветви колхидской культуры эпохи поздней бронзы, где взаимодействовали западногрузинская и восточногрузинская культуры [79, с. 48, 62]. И в самом деле, привлекает внимание особая близость и по форме и по орнаменту колхидской керамики с посудой из культурного слоя с. Нули [ср. 79, с. 50, рис. 21₃], и верхнего культурного слоя холма Нацаргора [79, с. 56, рис. 24_{1, 9}; т. XLV—XLVIII; 31, т. VIII, рис. I, т. X, XI₁].

Специфической посудой данного этапа являются также бочалообразные кубки. В этих кубках можно различить три типологические разновидности.

I разновидность это воронкообразный кубок с отрым дном, каннелюрованным корпусом и роговидными выступами в верхней части ушка (табл. XIII₁).

II разновидность представлена также кубками воронкообразной формы, только с плоским дном и ушком по середине корпуса (табл. XIII_{2, 4}).

III разновидность представлена двумя вариантами: первый из них это экземпляры с воронкообразным корпусом, но с ножкой и в верхней части ушка рогообразными выступами (табл. XIII₅), второй же это кубки также с воронкообразным корпусом, но более выраженной высокой ножкой, рельефными поясами на корпусе и простой с овальным просветом ручкой (табл. XIII₃). Эту разновидность кубков можно считать последующим развитием вышеописанных кружек IV разновидности и типичным колхидским кубком, одним из специфических элементов колхидской керамики VI—IV вв. до н. э. [97, с. 56—57, т. XXXI]. Наличие этой разновидности в комплексах могильников раннежелезного века и сосуществование их в этих комплексах, с одной стороны, с кувшинами с ручками со сливом, также с одним из определяющих элементов керамики VI—IV вв. до н. э. и с керамикой с ручками в верхней части с рогообразными выступами, с другой [107, т. XXXVII—XXXVIII], указывает на то, что верхний хронологический рубеж этих комплексов следует отнести, по крайней мере, к рубежу VII—VI вв. до н. э.

К группе керамики данного этапа относятся и вазы, которые следует разделить на две типологические разновидности:

I разновидность это вазы с горлышком разной высоты и с двумя симметрично посаженными ручками. Эта разновидность представлена двумя вариантами; экземплярами с дифференцированной ножкой (табл. XIV₁₋₃) и плоским дном (табл. XIV₄₋₆).

II разновидность это вазы с одной ручкой и с вогнутым в сторону центра сосуда венчиком. Она также представлена двумя вариантами: сосуды с дифференцированной ножкой и в верхней части ушка с валикообразной поперечиной (табл. XIV₇) и экземпляры с плоским дном (табл. XIV₈).

Вазы как правило орнаментированы, в большинстве случаев каннелюрами.

К этой же группе керамики нужно отнести и кувшины со сливом, хотя, они являются одним из определяющих элементов керамики VI—IV в. до н. э. и в комплексах могильников Колхиды сосуществуют с вышеописанной керамикой. Форма кувшинчиков со сливом настолько стандартна, что их типологическая классификация затрудняется. Отдельные экземпляры отличаются друг от друга лишь по размерам, дифференцированностью дна, пропорциями и орнаменту (табл. XV).

Следует отметить также сосуды используемые в качестве погребальных урн [76, табл. XIX, XXI; 157, табл. XVI], относящиеся к самому концу эпохи поздней бронзы-раннего железа. Они в колхидской керамике не имеют предшествующих форм и явно тяготеют к колхидским пифосам, которые вместе с кувшинами со сливом и колхидскими кубками с ножкой широко распространяются в начале VI в. до н. э. и являются самой характерной посудой второй половины I тысячелетия.

Керамика второго этапа засвидетельствована и на поселениях повсеместно в Колхиде и в погребальных комплексах в полном составе и что особенно важно, вместе с предметами колхидской бронзы. Несколько иная картина на первом этапе. Погребения этого времени еще не обнаружены, а на поселениях металлических изделий почти нет. Они, как отмечалось выше, в основном представлены лишь в кладах. Поэтому керамика первого этапа и ранние изделия колхидской бронзы в качестве составных компонентов одной археологической культуры постулируются на основании территориального соответствия, очень часто непосредственного, находок бронзовых изделий и керамики, их синхроничности, а также совместных находок керамики и колхидской бронзы в могильниках второго этапа данной эпохи.

В кладах бронзовых изделий отразилось все многообразие металлической продукции Колхиды эпохи поздней бронзы-раннего железа. В них засвидетельствованы не только все ведущие типы изделий, но их многочисленные разновидности. Это в первую очередь являются топоры, топоры-цалди, мотыги, сегменты-

видные орудия, кельтообразные орудия и т. д., т. е. предметы, которые в совокупности придают колхидской бронзе особый, только ей присущий колорит.

Топоры в колхидской культуре отличаются многообразием форм, указывающих на их разное назначение. Среди них совершенством форм и универсальностью выделяется колхидский топор, чем следует объяснить не только его внедрение в качестве определяющего предмета в отдельных локальных культурах (например, в кобанской культуре), но и широкое его распространение по всему Кавказу и далеко за его пределами путями межплеменного обмена. [О распространении топоров колхидского типа далеко за пределами колхидской и кобанской культур см. 185, с. 37—38, рис. 3; 55 с. 165; 58, с. 30, рис. 3; 201, с. 269—271, рис. 3]. Факты обнаружения в количественном отношении абсолютного большинства этих топоров в исторической Колхиде, наличия здесь же большинства их типологических разновидностей, литейных форм этих последних, а также то обстоятельство, что здесь же найдены и самые древние первоначальные образцы этого топора и их прототипы с промежуточными формами, отсутствие которых в других областях (например на Центральном Кавказе) очевидно, стали основанием положения о возникновении и развитии колхидских топоров именно в колхской среде и о дальнейшем их распространении из этой области [55, с. 138; 57, с. 96; 59, с. 80, 122; 78, с. 16; 72, с. 70].

Как отмечалось выше по ряду элементов совершенно очевидна формально-типологическая связь между трубчатообушными и схожими с ними по форме тулова топорами Квишарского клада (с берега р. Обинела) и колхидскими топорами эпохи поздней бронзы [74, с. 310, рис. 11; 122, с. 1—5; 123, с. 185—186; 44, с. 291]. Промежуточной ступенью выглядят топоры из Пиленково, Гагра, Квишари (табл. VIII_{14, 15, 16}), Пицунды, которые наиболее близко стоят к полностью оформившимся колхидским топорам с сохранением некоторых признаков трубчатообушных топоров: в одном случае трубчатообушности — в топоре из Пиленково в большей мере, в топоре из Гагра — в меньшей, в другом случае (топоры Квишарского клада) — конфигурации тулова, схожей с формой тулова ранней группы трубчатообушных топоров (табл. VIII₂₋₃). Это одна линия в генезисе колхидских топоров, в которой явно прослеживается определенная зависимость колхидских топоров от трубчатообушных.

Другая линия развития [76, с. 230] проявилась в достижении симметричности тулова, в превращении круглого отверстия для рукоятки в овальное, в заострении обушной части, что, правда, чувствуется уже в гагрском экземпляре и топорах Квишарского клада, однако в этом отношении на окончательное становление одного из основных типов, т. е. I типа (о разных ва-

риантах типологической классификации колхидских топоров, которую мы пытаемся несколько упростить [см. 203, 181, 160, 185, 42, 68] колхидских топоров, надо полагать, повлияли более прогрессивные формы этого орудия, сложившиеся в Юго-Западном Закавказье. В начале этой линии развития стоит топор урекского клада из Юго-Западной Колхиды (табл. VIII₁₇), полностью повторяющий топор с могильника Кепри-Кеона [90, с. 76, рис. 37], найденного близ Эрзерума т. е. на территории непосредственно примыкающей к Юго-Западной Колхиде. Дальнейшее развитие урекского и эрзерумского топоров отражается в топорах типа топора из с. Эрге (табл. VIII₁₈) в Юго-Западной Колхиде и им подобных многочисленных экземплярах, которые уже всеми признаками являются древнейшими образцами колхидских топоров, сохранившими от предшествующих форм лишь выступ в нижней части овального отверстия рукоятки. Не удаляясь к более древним возможным прототипам урекско-эрзерумских топоров, следует отметить, что вполне справедливо указывают [78, с. 17—18, рис. 18; 68, с. 58] на их возможную генетическую связь с секирами, типа, найденных в одном из районов Тбилиси, Грмагеле и уже засвидетельствованных в нескольких пунктах Восточной Грузии (сс. Бодорна и Гумбати) и в Шамшадинском районе Армении 90 с. 60—61, рис. 26), что должно означать южно-кавказское их происхождение.

Секиры Грмагеле-Шамдинского типа датируют XIX—XVIII вв. [68, с. 100] или XVIII—XVII вв. до н. э. [90, с. 60 сл.]. Что же касается топоров Урекского клада и их Эрзерумской параллели, то они, по-видимому, относятся к периоду не позже XV в. до н. э. На это указывает не только своеобразное соотношение разновременных предметов в Урекском кладе [102, с. 36—38], но и датировка XV—XIV вв. до н. э. погребального комплекса с шестигранным топором Кепри — Кеойского могильника близ Эрзерума на основании грузинских (Самтавро, Банисхеви, Тли) аналогов клинков и булавок из данного комплекса и определенного сходства эрзерумского топора с топориком из гробницы № 10 анатолийского Кюль-тепе [90, с. 76].

Таким образом, имеются все основания предполагать, что процесс становления первого, одного из основных типов, колхидского топора (табл. VIII_{19, 20}) посредством генетического развития и непосредственно предшествующих ему топоров Урекско-Эрзерумского типа, которые формировались под влиянием южно-кавказских, грмагеле-шамшадинских секир, протекал в Юго-Западной Грузии, где наличествуют все звенья развития этих форм. За пределами Грузии колхидские топоры данного (1) типа, за редким исключением, не встречаются, наличие подобных топоров в Артвинском и Ордуйском кладах [195, 19] указывает в первом случае на их находку в одном из центральных областей исторической Колхиды, а во втором — в пределах расселе-

ния картвельских племен, засвидетельствованных в этом районе письменными источниками по крайней мере с раннеантичного времени. Этот тип дал начало последующим, широко распространенным на II этапе колхидским топорам с клиновидным обухом, симметричным туловом и закругленным лезвием (ср. т. VIII₂₈₋₃₁), а также, по-видимому, и другим орудиям колхидской бронзы — кельтообразному орудью, плоским топорам с плечиками (табл. XVI₂₁₋₂₅, 18-20) и т. д.

Другой ранний тип колхидского топора, который также, надо полагать, положил начало еще одной разновидности (с вариантами) этого орудия, является топор с молотообразным обухом из Сванети (т. VIII₂₁) [175, табл. XVIII₁] и аналогичный экземпляр из клада Сухумской горы [т. VIII₂₃ 61, с. 15, рис. 7]. Этот тип топора, в частности, экземпляр клада Сухумской Горы по ряду элементов гранения тулова, формой лезвия, овальностью отверстия для рукоятки близок к I типу, резко отличается однако от него большей ассиметричностью лезвия по отношению к тулову, молотообразным обухом, рельефной обработкой боковой обушной части и некоторым намеком вислообушности. Эта особенность, в частности, вогнутость с передней стороны обушной части, более отчетливо проглядывается на упомянутом сванетском экземпляре аналогичного топора (табл. VIII₂₁), который из-за меньшей дифференцированности и круглого отверстия для рукоятки, быть может, является более древним орудием, чем топор клада Сухумской Горы. К этому же типу в виде его более раннего варианта следует причислить и пицундские топоры с молотообразным обухом (табл. VIII₂₂), которые формой тулова явно тяготеют к одной из групп вислообушных топоров [175, т. III₁]. Эти топоры более специфичны для Северной Колхиды (Сванети, современная Абхазская АССР), однако более примитивные формы топора с молотообразным обухом засвидетельствованы и в Юго-Западной Колхиде [68, т. XI₁₀].

За пределами Грузии топоры II типа найдены в Прикубанье [59, рис. 15—20]. Большинство из них особую близость обнаруживают с пицундскими топорами, однако эти последние справедливо считаются более ранними [59, с. 100, 116].

Рассмотренные топоры посредством наиболее развитого варианта в виде топоров клада Сухумской горы, положили начало топорам с молотообразным обухом с вариантами (т. VIII₃₂₋₃₄), достигшим на II этапе эпохи поздней бронзы широкого распространения и в Западном Закавказье и за ее пределами в особенности в тех регионах, где явно ощущаются импульсы колхидской культуры.

Третий тип представлен также двумя вариантами. Первый из них (табл. VIII₂₄) отличается массивной двухскатной обушной частью, обработанной рельефными линиями, острым обухом, круглым отверстием для топорика, в передней части пря-

молинейностью тулова и ассиметрично округленным массивным лезвием. Формой тулова он почти полностью повторяет трубчато-обушный топор из Лечхуми [Предгорная Колхида; 68, т. XLIII₁], а также трубчатообушный топор из Махунцети, юго-западная Колхида [68 с. 74, рис. 66]. Другой вариант (табл. VIII₂₅) также двускатным острым обухом с рельефными линиями, но овальным отверстием для топорика, слегка округленным прямоугольным лезвием, формой тулова напоминает Пидундские топоры (табл. VIII₂₂) и также как они тяготеют к вислообушным экземплярам и к медным топорам типа топора из V эшерского дольмена (табл. VIII₄). Топоры II варианта характерны как будто для северной предгорной части Колхиды (Лечхуми), однако обнаружение такого топора (даже несколько более примитивного) в кладе колхидских изделий из Орду в Юго-Восточном Причерноморье [195, т. 15] говорит о том, что они также характерны для южных ареалов колхидской культуры (табл. V₂₆).

Топоры этого типа сравнительно мало распространены. Не видно генетически связанных с ними форм на втором этапе. Правда, указывают на топор, найденный в Юго-Западной Колхиде (Хулойский р-н) и отличающийся от остальных колхидских топоров данного периода прямолинейностью тулова с передней стороны и ассиметричностью лезвия при наличии острого клинообразного обуха [68, с. 61, XXXIV₁₀], однако этот топор больше походит на поздние варианты топора I типа и является, по-видимому, еще одним малораспространенным вариантом. С точки зрения распространения этого типа колхидского топора за пределами Колхиды, привлекает внимание топор, обнаруженный в 1934 году в Богазкейе за внешней стеною хеттского строения между двумя сосудами [178, с. 29, т. 10], топор который близко стоит к колхидским топорам второго варианта III типа (табл. VIII₂₇). Богазкейскому топору наиболее близок упомянутый выше топор, найденный вместе с другими типично южно-колхидскими вещами в Орду уже в непосредственной близости с хеттским миром (табл. VIII₂₆). Значение находки в Богазкейе топора колхидского типа трудно переоценить хотя бы потому, что она точно датируется 1400 г. до н. э., на основании ее увязки с найденной там-же печатью Супилулиумы [178, с. 29].

С точки зрения проникновения колхидских бронзовых изделий во внутрь Галисской дуги в хеттские центры, следует остановиться и на плоских топорах с плечиками, которые являются частью колхидской бронзы, характерной именно для юго-западного его очага. Топоры эти (табл. XVI₁₃₋₁₅) фрагментированы. Лишь один полностью сохранившийся экземпляр был обнаружен вместе с специфическим южно-колхидским инвентарем в кладе из Орду (табл. XVI₁₆). Одни полагают, что эти топоры являются явно кобанскими типами [195, с. 57—58], по мне-

нию других — малоазийскими [42, с. 297, 298]. Несмотря на то, что плоские топоры с плечиками описанного образца встречаются на ряде памятников Малой Азии (в IX горизонте Мерсинна, на Алишаре II, в III горизонте Богазкея), в результате специального изучения вопроса, не зная о существовании южноколхидских экземпляров, лишь на основании ордуиского топора, их все же считают продукцией местного населения северо-восточной Малой Азии, в том числе грузинских племен халибов [184, ст. 121, 211—212] и, наверное, тибаренов, которые в окрестностях Котиоры (современное Орду) упоминаются с конца первой половины I тысячелетия до н. э. [102, с. 114—158].

Первый этап эпохи поздней бронзы отмечен появлением еще одного совершенно оригинального орудия, функциональным назначением близкого к топору. По-грузински орудие это называется цалди. Оно представляет собой топор с крючкообразным концом (табл. XVI₁₋₁₂). Цалди чист колхидское явление и даже в самой Колхиде распространено в основном в юго-западной ее части, за исключением единичных экземпляров, найденных в Восточной Колхиде, в Даблагоми и с. Симонети, близ Кутанси. Форму бронзовых цалди повторяют железные. Наиболее близкий бронзовому цалди железный экземпляр хранится в Зугдидском музее (табл. XXIII₁₅). Несколько отличаются железные цалди античного периода [61, с. 42, 44 табл. X₇₋₁₀], форму которых, в основном, сохранили и современные цалди. В этнографической действительности железный цалди засвидетельствован во всей Западной Грузии, как неотъемлемая часть крестьянского быта. Это орудие, несколько упрощенной формы и в настоящее время широко распространено в Грузии, в особенности Западной. Когда оно достигло такого широкого распространения, трудно сказать, но в эпоху поздней бронзы их явная связь с районом морского побережья совершенно очевидна и указывает на специфику хозяйства прибрежной Колхиды, потребности которого должны были создать этот вид орудия. В этнографическом и современном хозяйстве цалди употребляется во время корчевки земельных участков, высвобождения их от кустарников, для очистки срубленных деревьев и в садоводстве.

За пределами Колхиды цалди засвидетельствовано лишь в кладе из Орду, т. е. как отмечалось выше, в пределах расселения западно-грузинских племен.

На первом этапе эпохи поздней бронзы появляется также еще одно наиболее специфическое для колхидской культуры бронзовое изделие — сегментовидное орудие (табл. IX₂₃₋₃₂). Ареал его распространения совпадает с пределами распространения мотыг. Сегментовидное орудие засвидетельствовано по всей Колхиде, включая горную ее часть, кроме Сванети, а также западные, наиболее подвергшиеся влиянию колхидской культуры, рай-

оны Восточной Грузии. Следует отметить, что сегментовидное орудие было обнаружено и за пределами Грузии на Алишаре [19, с. 265; 74, с. 320]. Этот факт, в связи с указанными выше фактами обнаружения на Алишаре топора с плечиками типа колхидских и в Богазской — топора сходного со вторым вариантом III типа колхидских топоров, приобретает определенный интерес.

Можно различить несколько типологических разновидностей [74 с. 318—319; 68, с. 91—95] сегментовидного орудия: экземпляры с резко покатыми плечиками и угловатой формой тулова (табл. IX₂₃), напоминающие по габитусу мотыги данного этапа (ср. табл. IX₉₋₁₁), экземпляры округлой рабочей частью тулова и вертикально сидящей ручкой (табл. IX₂₄₋₃₀), повторяющие форму самых распространенных колхидских мотыг и найденные в Боржомском ущелье, в крае влияния Колхидской культуры*, заступообразные образцы (табл. IX₃₁₋₃₂), у одного из которых привлекают внимание, имеющиеся на ручке плечики, подобные плечикам плоских топоров второго этапа (табл. XVI₁₈₋₁₉). Среди этих вариантов, самым распространенным является второй вариант с округлой рабочей частью тулова. Этот вариант дает начало многочисленным бронзовым сегментам второго этапа и их железным производным (табл. IX₂₄₋₃₀ XXI₆₋₉).

О назначении сегментовидного орудия высказано множество разноречивых мнений [74 ст. 318—319; 68, ст. 91; 81, с. 11, 112 сл.; 107, с. 26—27]. По всей видимости, правильное всего в сегментах видеть применяемое в садоводстве и в огородничестве земледельческое орудие. В пользу этого говорит совпадение мест находок сегментовидных орудий и мотыг, т. е. распространение сегментовидных орудий именно в наиболее земледельческих областях Колхиды и, в большинстве случаев, совместное их нахождение. Их присутствие в кладах колхидской бронзы, в которых представлены лишь только земледельческие орудия очевидно (клады Цихисдзирн—Самеба, Бобоквати, Зенити, Вакиджвари), и почти во всех могильных комплексах вместе с мотыгами, а в отдельных случаях, с такими земледельческими орудиями, как лемехи. Их обнаружение в погребальных комплексах Нигвзани и Эргета, в ярко выраженных могильниках земледельцев. И наконец, особая их многочисленность, массовость на обоих этапах эпохи поздней бронзы, должно исключить положение о возможном ремесленном назначении этого орудия.

* В этом же ущелье в разных местах были найдены колхидский топор и литейная форма точно такого-же топора 420, с. 194, рис. 4), явно указывающие на наличие здесь одного из очагов металлообработки колхидской бронзовой культуры.

На первом этапе эпохи поздней бронзы широкого распространения достигает мотыга, основное земледельческое орудие, которое в Колхиде, как отмечалось выше, появляется, по крайней мере, в конце III тысячелетия до н. э. Мотыга, также как сегментовидное орудие и цалди, сугубо колхское явление и с точки зрения пределов их распространения. Она распространена почти по всей исторической Колхиде. Сравнительно редки мотыги в Сванети, а также в северной части современной Абхазской АССР. В Абхазии помимо широко распространенных форм засвидетельствованы мотыги продолговатой формы (табл. IX₂₁₋₂₂; 22, т. XXXVI₂₅₋₂₆), аналогичные мотыгам, найденным в Сванети и на среднем течении р. Ингури в Джвари [74 с. 217, рис. 15₅]. Продолговатостью тулова эти мотыги как бы приближаются к более ранним экземплярам типа мотыги из клада Мелекедур (Юго-Западная Грузия, ср. табл. IX₆, но на одном из сванетских экземпляров наличие рельефного изображения черенкового наконечника стрелы (табл. IX₁₇), подобные которого в Колхиде, как отмечалось выше, встречаются с керамикой второго этапа эпохи поздней бронзы и в погребальных комплексах конца VII в. до н. э. [107, с. 42—44], «омолаживает» этот тип мотыги и сосуществование их с другими формами, указывает на специальное их назначение. Примечательно, что изображение такой же черенковой стрелы имеется и на бронзовых мотыгах из с. Теревгани [табл. IX₁₆; 68, с. 79, рис. 73₄, т. XXVI₁] и из клада в с. Тхмори (табл. IX₁₅). Что касается Восточной Грузии они найдены там в небольшом количестве в районах, где явно ощутимы импульсы колхидской культуры: в Месхет-джавахети (Южная Грузия), в Шида Картли (центральная Восточная Грузия, на крайнем ее западе и на территории современной Юго-Осетинской АО, [68, стр. 77—78]. Бронзовая мотыга найдена также в Триалети на могильнике Урартской эпохи Маралын—Дереси в комплексе явно отражающем связь с колхидской культурой [78 с. 51—52, рис. 50₁]. Мотыга к северу от хребта также как в Малой Азии осталась неизвестной (ср. Е. И. Крупнов, 1960, с. 80) и, по крайней мере, в археологических находках Богазкея она не встречается [179].

Различают несколько типов мотыг [74, с. 317; 68 с. 80—89], что говорит об их разностороннем функциональном назначении. Бронзовые мотыги продолжают функционировать и на втором этапе эпохи поздней бронзы, хотя их постепенно заменяют железные, а с конца VII в. до н. э. полностью вытесняют.

На этом этапе в Колхиде появляются также бронзовые серпы. Они представлены двумя разновидностями: полукруглые серпы заканчивающиеся стержнем для крепления в рукояти (табл. IX₃₅₋₃₆), существование которых в Закавказье в частности А. Иессеном не предполагалось [59 с. 108], и серпы крепившиеся в рукояти посредством гвоздей (табл. IX₃₃₋₃₄). Серпы первой

разновидности напоминают северокавказские серпы из Андрюковской станицы и из клада, хранящегося в Краснодарском музее [59 с. III, рис. 48].

Таковы основные, определяющие формы колхидской бронзы первого этапа эпохи поздней бронзы-раннего железа. Они, как отмечалось выше, встречаются или в составе кладов или в виде отдельных изделий, случайно находимых в разных уголках Колхиды. Однако, места нахождения и кладов и отдельных изделий полностью совпадают с пределами распространения колхидской керамики первого этапа, о хронологических рубежах которой речь шла выше. Что же касается хронологии колхидской бронзы, за последнее время все более настойчиво высказываются в пользу высоких дат ее начала. Основанием этому служат факты обнаружения изделий колхидской бронзы на стратифицированных памятниках и в отдельных, более или менее точно определяемых комплексах Восточной Грузии [42, 1953]. Однако следует учесть, что обнаружение изделий колхидской бронзы на памятниках Восточной Грузии прежде всего говорят об их широком распространении за пределами Колхиды, но не о начале их производства. Если комплексы Восточной Грузии (Сасиретский клад, Гостибский комплекс, Сурамская могила) в которых засвидетельствованы изделия колхидской бронзы датируются XIII—XII вв. до н. э. [6 с. 315, прим. 36], то возникновение этих предметов следует отнести к более раннему периоду, не говоря уже о начале процесса их становления и о непосредственно предшествующих им формах. Действительно, древнейшие образцы колхидского топора типа топоров из Гведи (табл. VIII₂₅), Орду (II вариант III типа, табл. VIII₂₆), как отмечалось выше не должны выходить за пределы XIV в до н. э. В кладах относимых к этому периоду [68 с. 11—14; 103—107; 133, с. 98—99; с. 20] из Эрге, Мелекедур, Лаилаши, Сухумской горы и Орду, встречаются уже совместно и в отдельности основные изделия колхидской бронзы: топоры I—III типов с вариантами, плоские топоры с плечиками, сегментовидные орудия, мотыги, т. е. почти все компоненты колхидской бронзы. Стало быть колхидская бронза по крайней мере к XIV—XIII вв. до н. э. носит уже вполне законченный характер. Однако нижний рубеж формирования колхидской бронзы первого этапа быть может следует отнести к несколько более раннему времени, так как топоры из клада Эрге (табл. VIII₁₈), которые следует считать ранними экземплярами I типа колхидских топоров и которые в силу своей непосредственной связи с топорами турекско-эрзерумского типа (табл. VIII₁₇), уже должны были быть сформированы к XV в. до н. э.

Таким образом, принимая исходным рубежом колхидской бронзы эпохи поздней бронзы-раннего железа XV в. до н. э., он приближается к нижней дате колхидских поселений того же периода, с одной стороны, и увязывается с периодизацией Малой

Азии, с другой, по унифицированному варианту которой эпоха поздней бронзы относится к 1600—1200 гг. до н. э. [191 с. XX]. Возможность увязки периодов поздней бронзы Колхиды и Малой Азии подтверждается такими фактами, как наличие однотипного плоского топора с плечиками на Алишаре, в Богазкёе, Язидликана в IX горизонте Мерсина в Орду и вкладах Юго-Западной Колхиды, или же обнаружение в Богазкёе топора типа колхидских топоров из кладов Гведи, Лаилаши, Орду, датированного 1400 г. до н. э. В этой связи следовало бы назвать и колхидское сегментовидное орудие, найденное по сообщению К. Бителю на Алишарском холме, которое, правда, там не стратифицировано, однако сам факт обнаружения этого орудия на Алишаре заслуживает в этом отношении пристального внимания.

Приведенные выше факты имеют не только важное историческое значение, они указывают также на возможность синхронизации периодов поздней бронзы Колхиды и Малой Азии.

Колхидская бронза второго этапа эпохи поздней бронзы раннего железа представлена вкладах и погребальных комплексах, а литейные формы отдельных бронзовых изделий, в основном топоров, засвидетельствованы в погребениях, а также на поселениях, например, в с. Чаладиди в окрестностях древнего Фасиса в культурных слоях, датированных VIII—VII вв. до н. э. [97, с. 40, т. X₁] в III слое Намчедури [104, т. 36₃₋₅], в погребении № 7, на Нигвзиданском могильнике датированном VI в. до н. э. [107, с. 92, т. XLV₁₁] и т. д. В бронзовых изделиях этого времени наблюдается ряд незначительных изменений, как формально-типологического характера, так и по составу. Не получил дальнейшего развития, как отмечалось выше, III тип колхидского топора. В этом отношении практически более оправданной оказалась форма топоров I и II типов (табл. VIII₁₈₋₂₃), которые дали начало топорам II этапа: первый тип — топорам с клинообразным обухом (табл. VIII₂₈₋₃₁), а второй — топорам с молотообразным обухом (табл. VIII₃₂₋₃₄). Топоры с клинообразным обухом фактически не изменились, они стали лишь более симметричными, чем их прототипы. Что же касается топоров с молотообразным обухом, здесь изменения более заметны: если одно направление развития пошло в сторону сохранения формы (табл. VIII₃₂₋₃₄) то второе, при сохранении почти всех формально-типологических элементов, в сторону получения дважды изогнутых вариантов (табл. VIII₃₅₋₃₈). В этой связи интересно, что в колхидской бронзе данного этапа имеется малораспространенная форма топора с дважды изогнутым корпусом, но с клинообразным обухом (табл. VIII₃₅) изклада с. Синатле Амбролаурского района [29 с. 566 сл., 68, с. 36—37], быть может указывающая на то, что процесс поисков изогнутой формы топора протекал именно в центральной Колхиде.

О специфичности для колхидской бронзы дважды изогнутых топоров говорит, также, с каждым годом увеличивающееся количество находок топоров данного типа в разных уголках Колхиды. В 1986 году дважды изогнутые топоры были найдены в Восточной Колхиде (в Саирхэ) в предантичном культурном слое, богато украшенные топоры с изображениями животных и орнаментов в комплексе погребальной ямы № 2 могильника № 4 в с. Эргета (Западная Колхида), датированном концом VII в. до н. э. (табл. VIII₃₈), а в 1987 году — в погребальной яме № 2 на могильнике в с. Дгваба, которая относится к рубежу VII—VI вв. до н. э.

Новшеством на втором этапе является также украшение топоров (да и других бронзовых изделий) с богатым орнаментом и изображениями животных. В некоторых комплексах засвидетельствованы топоры с скульптурными изображениями животных и людей (табл. XVIII) (о декоре Колхидской бронзы его классификации [125].

Среди топоров с графическими изображениями привлекает внимание дважды изогнутый топор, найденный в с. Мухурча в Центральной Колхиде [8, с. 52]. На плоскости лезвийной части этого топора волнистыми линиями явно изображена вода (море); Посередине воды изображены два округлых треугольника большой и малый. Малый треугольник, нижняя часть которого двумя линиями образует овальное дно (табл. XVII₅), напоминает парусник. То что вокруг этих треугольников изображена водная стихия, подтверждается подобными изображениями на топорах Тлийского могильника, где волнистыми линиями заполненная плоскость, посередине с треугольниками, окружена изображениями рыб [150 т. 34₁; 36₁]. Если эта интерпретация правомерна, то изображение водной стихии с парусником (да и без него), надо полагать, отражает представления народа приморской страны и что этот мотив не мог проникнуть в Колхиду извне. В этой связи быть может следует предположить, что на ряде топоров из Эшера и Ачандара (Северо—Западная Колхида) из Синатле и Оджола (Центральная Колхида) и т. д. изображения животных (в основном собакоподобных) с лапами в виде плазников (табл. XVII₁₋₄), т. е. животных одновременно и земных и водных [76 с. 193] часто в сочетании с изображениями рыб, символизируют именно морскую стихию.

На первый взгляд гравировка орнаментов или изображений животных на бронзовых изделиях характерна больше для археологического материала Северо-Западной Колхиды; коллекция этой области обогатилась еще сравнительно недавними находками чудесно разгравированных топоров из сс. Ачандара и Эшера [23, с. 260—264]. Однако, при детальном рассмотрении материала становится очевидным, что богато гравированные орнаментом и изображениями животных бронзовые изделия (топоры,

поясные пряжки, наконечники копьев, пояса листовой бронзы из Уреки [136 т. XXIII—XXIV] и из могильника № 1 в с. Эргета и т. д. распространены по всей Колхиде. В частности, гравированные изделия засвидетельствованы в Центральной Колхиде на среднем течении рр. Цхенисцкали и Риони в Цагерском и Амбролаурском районах, в окрестностях Кутанси, в Цхалтубском районе, в с. Мухурча, в восточной части Колхиды в Сачхерском районе, на нижнем течении р. Ингури (топоры из могильников Палури и Эргета), в междуречье Хоби и Ингури на могильнике в с. Дгваба в погребальной яме № 2, в Юго-Западной Колхиде в Гурии и Аджара и т. д. не говоря о находках колхидских гравированных бронз в северной периферии Колхиды, Сванети и непосредственно примыкающих к Колхиде с востока и юго-востока Картли и Месхет-Джавахети. Здесь же следует отметить, что в литературе справедливо подчеркивается «...типологическое и стилистическое единство украшений на колхидских бронзовых изделиях самых различных форм и назначений» [82 с. 42].

Что касается бронзовых топоров на обухе со скульптурными изображениями (табл. XVIII) животных и людей (всадников на экземпляре из с. Сулори), если к ним причислить и топор из Пасанаурского клада (табл. XVIII₁₁), на обухе которого изображение животного предельно стилизовано, то они представлены в количестве всего одиннадцати экземпляров. Примечательно, что скульптуры имеются (включая и единственный кобанский экземпляр из могильника Фаскау близ с. Галиат, табл. XVIII₁₀; [73 табл. LI] в большинстве случаев на топорах, считавшихся собственно колхидскими топорами, т. е. на наиболее специфических для Колхиды изделиях. Только топор Куланурхвского могильника (табл. XVIII₂) является топором II типа, который, однако, одинаково широко распространен, как в Колхиде, так и за ее пределами. Половина топоров со скульптурными изображениями (пять из десяти, не считая экземпляра коллекции де Бая, происхождение которого неизвестно) засвидетельствовано в Колхиде, а все остальные в сфере распространения колхидской культуры [129, с. 80]. Следует отметить, что комплексы, которым принадлежат топоры со скульптурами справедливо датируются рубежом VII—VI вв. до н. э. [125 с. 24—27]. К этому же периоду следует отнести и случайно найденный Сулорский топор. Это время, когда в Колхиде широко распространяется как зооморфная, так и антропоморфная малая пластика (табл. XXXVI) которая в большинстве случаев являясь частью погребальных комплексов надежно датируемых концом VII в. до н. э. отражает тенденцию, присущую колхидской культуре данного этапа, решать задачи идеологических воззрений пластическими средствами. Поэтому поиски элементов инокультурных традиций [129, с. 82—89] не приводят к более или менее явным аналогиям.

Второй этап рассматриваемой эпохи характеризуется также появлением новых форм известных ранее изделий и новых изделий, повторяющих формы функционально не соответствующих раннеизвестных предметов. Примером первого случая являются плоские топоры с плечиками (табл. XVI₁₇₋₂₀) из комплексов II этапа, разновидности которых встречаются и за пределами Колхиды и которые явно сформировались под влиянием распространенного на II этапе колхидского топора I типа, примером второго — новое орудие с вертикальным отверстием для рукоятки (табл. XVI₂₁₋₂₇).

Это орудие до настоящего времени было зафиксировано в составе кладов сс. Гантиади (Карадере), Чаисубани и Артвина в (Юго-Западной Колхиде), в фондах Батумского и Кутаисского музеев. Кутаисский экземпляр (т. XVI₂₇) по своим формальным особенностям стоит обособленно; он почти точно повторяет форму колхидских мотыг и сегментовидного орудия. Остальные орудия с вертикальным отверстием для рукоятки принципиально однотипны и точно повторяют форму колхидских топоров, с симметричным туловом, характерных для второго этапа эпохи поздней бронзы. Орудия с вертикальным отверстием повторяют эти топоры и сечением корпуса, а некоторые из них (один из экземпляров Батумского музея) имеют плечики, которые с одной стороны напоминают нижние выступы отверстий для топорищ колхидских топоров, с другой плечики колхидских плоских топоров (табл. XVI₂₆). Все упомянутые клады (из Артвина, Гантиади и Чаисубани), в которых были обнаружены орудия с вертикальным отверстием, в специальной литературе датируются XII—XI вв. до н. э. [68, с. 20—21, 113], некоторые авторы даже считают необходимым несколько удревить, в частности, клад из Чаисубани и датировать его XIII—XII вв. до н. э. [133, с. 99—100]. Учитывая, что в кладах часто попадают предметы разного времени, следовало бы отметить, что ни в одном из этих кладов за редким исключением нет таких вещей, которые не встречались бы среди материалов I половины первого тысячелетия до н. э., не говоря о таком сравнительно позднем элементе Чаисубанского клада, каким является, хотя бы массивное инкрустированное кольцо; даже точная аналогия прекрасной формы топора I типа из того же клада, который считают одним из древних элементов данного клада [133 с. 100, т. VI₂], найдена в погребальном комплексе конца VII в. до н. э. на могильнике № 1 в с. Эргета. В этой связи, особую значимость может приобрести и факт обнаружения в 1985 г. орудия с вертикальным отверстием для рукоятки в комплексе конца VII в. до н. э. погребальной ямы № 1 могильника № 4 в с. Эргета (табл. XVI₂₄). Это пока единственный случай, когда орудие с вертикальным отверстием найдено в хорошо датированном погребальном комплексе.

Новым орудием является также малораспространенное комбинированное орудие — топор-серп. Морфологически оно зависит от колхидских топоров II этапа и бронзовых серпов: одна половина этого орудия представляет собой колхидский топор с симметричным туловом, продолжение обушной части которого серповидное (табл. IX₂₇). Все эти новые или смешанные формы бронзовых изделий указывают, повидимому, на поиски новых форм орудий сообразно новым хозяйственным требованиям.

Но самым большим достижением второго этапа эпохи поздней бронзы является зарождение и развитие металлургии железа и производства железных изделий. Материальная культура начала этого этапа характеризуется не только своеобразием форм, но и своеобразием состава металлических изделий и своеобразием взаимосвязи отдельных ее элементов между собой и с предыдущими формами.

Самые ранние железные изделия, в комплексах с колхидской бронзой появляются в кладе из Уде, в котором, наряду свыше ста бронзовых предметов, были засвидетельствованы и железные изделия: два наконечника копья, кинжал, булава, и бронзовая поясная пряжка с железной инкрустацией [39, с. 60]. Несмотря на то, что количественное соотношение бронзовых и железных изделий в кладе говорит в пользу господствующего положения бронзовой индустрии, высокая техника изготовления железных вещей указывает на наличие в это время высокого уровня металлообработки железных изделий. Клад из Уде, который одни относят к концу XIII в. до н. э. [5, с. 324—326], а другие к XI—X вв. до н. э. [39, с. 61], по всей видимости, отражает больше ситуацию, характерную для центральной части Южной Грузии, где он найден и где находился один из древнейших очагов металлургии железа, чем обстоятельства, присущие колхиде. Правда, сопоставляя данные радиоуглеродного датирования и археомагнитных исследований с археологическим материалом, делается попытка самые ранние железоплавильные мастерские Юго-Западной Колхиды отнести к XI—X вв. до н. э. [163, с. 140]*, но разделить это мнение нет возможности, т. к. в колхидском археологическом материале нет ни одного железного предмета, и, учитывая особенности открытий последних лет, быть не может, который можно было бы отнести к этому времени. Дело в том, что самые ранние явления отражающие начало производства железных изделий зафиксированы в погребальных комплексах, относящихся ко времени не ранее конца VII в. до н. э. Имеется в виду в этих погребальных комплексах совместное присутствие не только бронзовых и железных предметов, но и

* В недавно вышедшей работе проф. Д. А. Хакутайшвили отдельные железоплавильные мастерские относит к середине и даже к первой половине II тысячелетия до н. э. [166, с. 109, 143, 150, 162, 218].

бронзовых прототипов с железными производными. Так например, в комплексе погребальной ямы № 3 Урекского могильника, который хорошо датируется концом VII в. до н. э. скифским наконечником стрелы первой хронологической группы, относимом специалистами к концу VII — и началу VI в. до н. э. бронзовые мотыги, колхидские топоры I и II типов (с клинообразным и молотообразным обухами), сегментообразные орудия, цельнолитой кинжал, наконечники стрел и т. д. оказались вместе с железными кинжалами, плоским топором с плечиками, наконечниками копьев, стрел [107, табл. X—XIV] и т. д.; более того в этом же комплексе сосуществуют бронзовые прототипы с железными производными: черенковые однотипные бронзовые и железные наконечники стрел [107, т. XII_{25, 26, 27, 37-39}], бронзовые и железные дугообразные фибулы [107, табл. XIII_{27, 40, 44, 48, 50, 51}], бронзовые и железные однотипные пряжки [107, табл. XIII_{16, 17, 23-26, 28, 29}]. На этом же могильнике засвидетельствован фрагмент кинжала с бронзовой рукояткой и железным лезвием (табл. XIX₁₀₃₂). Правда, он подобран из разрушенных погребений и состав комплексов, к которым он принадлежал, остался неизвестным, но учитывая то обстоятельство, что весь материал, обнаруженный вне погребальных комплексов и в разрушенных погребениях и бронзовые и железные изделия, и керамика [табл. XIX; ср. 107, табл. XXVII—XXX] абсолютно идентичны материалу, составляющего комплексы погребальных ям Урекского могильника; совершенно ясно, что он (кинжал с бронзовой рукояткой и железным лезвием) синхронен материалу погребальных комплексов. Примечательно, что точная аналогия этого кинжала (табл. XXIV₈) найдена на синхронном могильнике в с. Палури [124, табл. 12₃₇₉]. Из остатков разрушенных погребений на Урекском могильнике подобраны также железные колхидского типа топоры и бронзовый плоский топор с плечиками, точным повторением которого не только по форме, но и по размерам является железный плоский топор с плечиками погребальной ямы № 3 того же могильника (табл. XIX₁₀₁₈).

Аналогичная картина наблюдается и на других могильниках Колхиды, например, на могильнике в с. Нигвзани. Здесь на культовой площадке вместе с типичной керамикой рубежа VII—VI вв. до н. э., т. е. с посудой, которая не встречается после VII в. до н. э. (например, кружки с ушками в верхней части с валикообразными поперечинами или рогообразными выступами, [107, т. XXXII_{1, 35, 42}] и посудой, которая широко распространяется с VI в. до н. э. (кувшины со сливом, посуда с волнообразным орнаментом и т. д. [107, т. XXXII] зафиксированы бронзовые сегментовидные орудия и кинжалы, и железные кинжалы, мотыги, лемехи, ножи [107, т. XXXII—XXXIV]. Таково положение и в могильной яме № 1 того же могильника. Здесь вместе с анало-

гичной по составу, но куда более многочисленной и разнообразной керамикой рубежа VII—VI вв. до н. э. [107 т. XXXVII—XLI] засвидетельствовано вместе бронзовое (кинжалы, наконечники копья и стрелы) и железное (кинжалы, наконечники копьев) оружие [107, т. XLI].

Еще более наглядная картина, в этом отношении, наблюдается и на могильниках сс. Эргета и Дгваба. В с. Эргета на могильнике № 1 в комплексе погребальной ямы № 5 конца VII в. до н. э. вместе с бронзовым цельнолитым кинжалом третьей разновидности обнаружены точно такие же железные кинжалы (табл. XX). А на могильнике в с. Дгваба в комплексе погребения № 1 также конца VI в. до н. э., засвидетельствованы два экземпляра цельнолитых бронзовых кинжалов третьей разновидности вместе с точно повторяющим их форму и размеры железным кинжалом (ср. табл. XXIV₉; XXV₁₀).

Таким образом, картина сосуществования в одних комплексах бронзового и железного инвентаря, бронзовых прототипов с железными производными, керамики, прекращающей существование к концу VII в. до н. э. и распространяющейся с этого времени, наличия самых ранних железных предметов, повторяющих формы бронзовых прототипов (топоры колхидского типа, плоские топоры с плечиками, кинжалы, черенковые наконечники стрел, дугообразные фибулы и другие принадлежности одежды и туалета) и биметаллического (бронзово-железного) оружия, засвидетельствованная на колхидских могильниках конца VII в. до н. э., отражает специфический этап истории, когда производство бронзового оружия и орудия труда доживает свое существование, уступая место производству железных изделий, которое, по видимому, начинается со второй половины VII в. до н. э. Судя по количеству и разнообразию железного инвентаря колхидских могильников широкое освоение железа происходит сразу же после начала его производства при доживающем производстве бронзовой продукции. Окончательно же вытесняет железо бронзу из производства орудий труда и оружия в самом начале VI в. до н. э. Эта картина впечатляюще отражена в погребальном комплексе № 1 могильника № 3 с. Эргета (табл. XXI—XXII).

Особенностью второго этапа эпохи поздней бронзы-раннего железа является, как уже говорилось, полное повторение, ранними железными предметами форм бронзовых изделий (ср. табл. XXIII), указывающее на генетическую их связь, т. е. на то, что железное производство зародилось в недрах того же общества, которое создало мощное производство бронзы, процесс перехода которого к производству железа, как справедливо полагают, затянулся не столько из-за технических трудностей, связанных с освоением массового производства железной продукции, с которым население Кавказа уже давно было знакомо, сколько долгой, большой и устойчивой традицией и сравнительной лег-

костью добычи и обработки меднорудных месторождений [73, с. 209—210].

Характерной особенностью II этапа является также сравнительное обилие оружия и вплоть до VI в. до н. э. употребление бронзового оружия наряду с железным. Обилие оружия по сравнению с первым этапом, надо полагать, объясняется тем, что на втором этапе мы имеем дело с погребальным инвентарем, отсутствие которого среди памятников первого этапа воссоздает неполную картину материальной культуры Колхиды данной эпохи.

Оружие на втором этапе представлено, в основном, наконечниками стрел, о которых речь шла выше, и копьев, а также кинжалами, которые привлекают внимание количеством и многообразием.

Бронзовые кинжалы могильников Колхиды следует разделить на две типологические группы с вариантами: черенковые и цельнолитые (вместе с рукояткой) бронзовые кинжалы.

Черенковые со своей стороны представлены двумя вариантами: черенковые кинжалы с линзообразным поперечным сечением клинка (табл. XXIV₁₋₂) и черенковые кинжалы с продольными бороздками и ребрами и выпуклым поперечным сечением клинка (табл. XXIV₃₋₅).

Оба варианта черенковых бронзовых кинжалов широко распространены по всей Колхиде. По отдельным признакам они находят общее с кинжалами из комплексов Восточной Грузии, Кобани, за пределами Кавказа с кинжалами некрополя В в Силке, однако прямых близких аналогий вне Колхиды не видно. Это обстоятельство и факт повторения этих кинжалов железными кинжалами Колхиды, позволяют считать их характерным колхидским оружием. Это касается в особенности кинжальных клинков второго варианта, их форма, обработка поверхностей клинка получила широкое распространение среди железных кинжалов. Примечательно, что Б. А. Куфтин считая местными эти бронзовые кинжалы, не имея в наличии аналогичные им древние железные кинжальные клинки, отмечал близкое сходство бронзовых кинжалов второго варианта с железными кинжальными клинками Грузии нового времени [76 с. 158—159].

Оба варианта черенковых кинжалов сосуществуют не только на одних и тех же могильниках, но и в одних и тех же погребальных комплексах.

Бронзовые цельнолитые кинжалы по форме рукоятки следует разделить на три разновидности с вариантами.

Первая разновидность это кинжал из погребальной ямы № 3 Урекского могильника, с фигурной плоской рукояткой, продольной бороздкой на клинке и линзообразным в поперечном сечении клинком (табл. XXIV₆). Вариантами данной разновидности цельнолитых кинжалов являются кинжалы погребальной

ямы № 6 Эргетского могильника № 1: один фрагментированный, повторяющий, по-видимому, урекскую разновидность (табл. XXIII₇), а другой — с несколько удлиненной нижней частью рукоятки (табл. XXIV₇).

Аналогией этой разновидности цельнолитых кинжалов является бронзовый кинжал из материалов Тли, который выделяют в VII вариант IX типа кинжалов и на основании того, что он изготовлен из высококачественной бронзы, датируют XII—X вв. до н. э. [153, с. 107]. Если других более веских доказательств нет, эту датировку, после указанных находок, по-видимому, следует пересмотреть.

Пока известны 8 экземпляров первой разновидности цельнолитых кинжалов; шесть из них засвидетельствованы в Колхиде на Урекском и Эргетском могильниках и на могильнике в с. Дгваба (Зугдидский р-н), один — в Тли, один экземпляр хранится в музее г. Хашури и происходит, по-видимому, из западных окраин Восточной Грузии, где сильно ощущаются импульсы колхидской культуры эпохи поздней бронзы-раннего железа.

Здесь же следует отметить, что эту разновидность цельнолитых бронзовых кинжалов полностью повторяют железные кинжалы, железные рукоятки которых засвидетельствованы в погребальной яме № 5 на Эргетском могильнике № 1 (табл. XX, ср. табл. XXIII_{7, 18}), в погребальной яме № 1 Эргетского могильника № 4 и в погребальной яме № 2 на могильнике в с. Дгваба, которые относятся к концу VII в. до н. э. Еще один пример генетической связи между продукцией бронзовой и железной индустрии Колхиды, а также того, что ранние железные изделия, повторяющие форму бронзовых прототипов появляются не ранее второй половины VII в. до н. э.

Вторая разновидность цельнолитых бронзовых кинжалов это экземпляры с массивной рукояткой, верхняя часть которой по контуру напоминает верхнюю часть рукоятки кинжалов первой разновидности, только она не плоская, а массивная, а нижняя, непосредственно примыкающая к клинку, часть имеет форму усеченного конуса (табл. XXIV₈). Кинжалы данной разновидности в Колхиде обнаружены три экземпляра (два на Эргетских могильниках, один в разрушенном кувшинном погребении в с. Приморское, Абхазской АССР [76 т. X₅]; такого же типа один кинжал обнаружен на могильнике в Тли в комплексе погребения № 66, датированного раскопщиком XII—X вв. до н. э. [153 с. 101, рис. 39; 150 с. 6, 22, т. 51, рис. II₁]. Эту разновидность цельнолитых бронзовых кинжалов Б. А. Куфтин считал характерным для Кобани кинжалом [76 с. 140], по-видимому, из-за отсутствия тогда более близких аналогов. Цельнолитые бронзовые кинжалы из Кобани и Кумбульты [160 т. XXIX₁, XCVII₄] отличаются от цельнолитых кинжалов Колхиды и Тлийского могильника. Указывают о находках таких же кинжалов в погребении 2 кромлеха

10 Стырфазского могильника, а также в Палтури и Боржомском ущелье [153, с. 101]. Таким образом, кинжалы этой разновидности найдены в Колхиде (большая часть) или в непосредственно примыкающих к ней областях Восточной Грузии, где сильно ощущаются импульсы колхидской культуры. Это обстоятельство да и то, что отдельные экземпляры украшены, характерным для колхидской бронзы и керамики, узором, позволяют считать эту разновидность колхидским, а их обнаружение в Колхиде в комплексах (Приморское, Эргетские комплексы) рубежа VII—VI вв. до н. э. ставит вопрос либо о необходимости пересмотра ранних дат комплексов с кинжалами указанной разновидности, либо о допустимости многовекового их функционирования.

В этой связи привлекают внимание цельнолитые бронзовые кинжалы третьей разновидности. Эта разновидность бронзовых кинжалов представлена двумя экземплярами в погребальной яме № 5 Эргетского могильника № 1, в погребальной яме № 7 того-же могильника одним экземпляром, одним экземпляром в погребальной яме № 2 могильника № 3 и двумя экземплярами в погребении № 1 на могильнике в с. Дгваба (табл. XXIV₉₋₁₀). Они, по-видимому, восходят к кинжалам т. н. «переднеазиатского типа» наибольшую близость обнаруживая к кинжалам Хасанлу IV [128, с. 43, табл. III₁₀] и подтверждая мнение тех авторов, которые считают возможным довести верхнюю дату кинжалов подобного типа до 600 г. до н. э. [128 с. 45—46].

Аналогичные кинжалы засвидетельствованы на Тлийском могильнике в комплексах погребений № 236, 51, 97, выделены раскопщиком в 11 и 14 варианты IX типа кинжалов и датированы XI—IX вв. до н. э. [153, с. 106, рис. 89_{11, 14}, 150, т. 115; 151, с. 7, 8, т. 53, 54]. Если сравнить упомянутые комплексы Тлийского могильника с цельнолитыми кинжалами третьей разновидности с комплексом погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1, то увидим много общего между ними: кроме цельнолитых кинжалов третьей разновидности и в Тлийских и Эргетских комплексах наличествуют колхидские топоры, гравированные бронзовые пояса, гравированные поясные пряжки, однородные шейные гривны, бронзовые цепи, сферические сердоликовые бусы и т. д. Все это дает основание для синхронизации погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1 и погребения № 51, 97 и 236 Тлийского могильника с цельнолитыми кинжалами третьей разновидности. В этой связи следует отметить, что в погребальной яме № 5 Эргетского могильника № 1 цельнолитые кинжалы третьей разновидности сосуществуют не только с бронзовым инвентарем, но и железным, в том числе с железным кинжалом, повторяющим форму бронзового кинжала третьей разновидности, с несколькими десятками железных кинжалов другой формы и железными ножами (табл. XX), а также с ке-

раминой, которую трудно отнести к более раннему времени, чем конец VII в. до н. э. Более того, в погребальной яме № 1 могильника в с. Дгваба два цельнолитых бронзовых кинжала третьей разновидности засвидетельствованы также вместе с железным кинжалом, точно повторяющим форму этой разновидности бронзовых кинжалов. С другой стороны, привлекает внимание и то обстоятельство, что обнаружение всех разновидностей цельнолитых бронзовых кинжалов на могильниках Колхиды в комплексах одного периода, отображает характерное явление именно данного времени, а повторение их форм железными кинжалами указывает на одновременность бронзовых и железных экземпляров, что акцентируется их сосуществованием в отдельных погребальных комплексах.

Во второй половине VII в. до н. э. в Колхиде, как указывалось выше, распространяются железные кинжалы, которые, являясь самыми ранними железными изделиями, в основном засвидетельствованы в комплексах Колхидских могильников. Кинжальные клинки этих комплексов можно разделить на несколько разновидностей.

К первой разновидности относятся черенковые кинжалы, происходящие, как отмечалось выше, от бронзовых прототипов и подобно прототипам составляющие два варианта: кинжалы, в поперечном сечении, имеющие линзовидную форму (табл. XXV₁₋₂) и кинжалы с продольными бороздками и ребрами в сечении ромбообразными или высокими округленными выступами (табл. XXV₃₋₄). Оба варианта черенковых кинжалов были, по-видимому, широко распространены, они зафиксированы на многих могильниках Колхиды (в Уреки, Нигвзиани, Эргета, Палурри, Красный Маяк, Горадзири и т. д.).

Ко второй разновидности относятся железные кинжалы с прямоугольными рукоятками (табл. XXV₅₋₆). Кинжалы этой разновидности из колхидских могильников засвидетельствованы в погребальных ямах Урекского и Нигвзианского могильников [107, с. 37—38, т. XII_{2-5, 13-14}] в погребальных ямах № 5 и № 6 Эргетского могильника № 1 и в погребальной яме № 1 Эргетского могильника № 4.

Третья разновидность железных кинжалов с бронзовой фигурной рукояткой и железным клинком, представлена в двух экземплярах: один полностью сохранившийся экземпляр (табл. XXV₇) найден на Палурском могильнике [124 т. XII₃₇₉], а другой, от которого сохранилась бронзовая рукоятка и маленькая частица железного клинка, в остатках разрушенных погребений на Урекском могильнике [107, т. XXX₂₁]*.

* Не касаемся еще одной разновидности железных кинжалов, т. к. она представлена фрагментарно только на Урекском могильнике, не является специфическим изделием для колхидских материалов и относится к кинжа-

К четвертой разновидности относятся железные кинжалы с фигурной рукояткой (табл. XXV₈), повторяющие бронзовые цельнолитые кинжалы I разновидности (табл. XXIV₆₋₇).

Пятая разновидность железных кинжалов, по-видимому, является привнесенной извне формой (табл. XXV₉). Подобные кинжалы засвидетельствованы в Восточной Грузии, в том числе на Тлийском могильнике, в Армении, Азербайджане [5, с. 371, табл. XVII; 151, табл. 98₅, 106₂₆, 136₃; 126, рис. 18]. В Колхиде до открытия погребальной ямы № 6 их было сравнительно мало на Брильском могильнике [32, т. XLIV—XLV] и один экземпляр на Куланурхском могильнике [156, с. 130, т. V₁]. На Эргетском могильнике № 1 только в одной погребальной яме № 6 оказался 21 кинжальный клинок этой разновидности, а в погребальной яме № 1 Эргетского могильника № 4 18 штук, указывающие должно быть на то, что в конце VII в. до н. э. эта разновидность железных кинжалов была частью вооружения колхов.

То же самое следует сказать и о железных акинаках (табл. XXII₁₉₋₂₁), которые в том или ином количестве засвидетельствованы почти на всех могильниках Колхиды VII—VI вв. до н. э.

Шестая разновидность — это кинжалы, повторяющие бронзовые кинжалы третьей разновидности и восходящие к т. н. кинжалам «переднеазиатского типа» (табл. XXV₁₀).

Не останавливаясь на анализе других предметов материальной культуры второго этапа эпохи поздней бронзы — раннего железа Колхиды (принадлежностей одежды, туалета, украшений и т. д. см. табл. XXVII—XXXIII) они рассмотрены в других работах [107, с. 39—71, 81—88; 193], необходимо остановиться на рассмотрении железных лемехов, которые являются не только одним из самых больших достижений второго этапа эпохи поздней бронзы—раннего железа, но и предвестником начала новых, качественно высоких форм хозяйства древней Колхиды.

Колхидские железные лемехи представлены в двух вариантах: лемехи посередине с суженным корпусом и округлым рабочим концом (табл. XXXIV₁) и лемехи с прямым корпусом и прямоугольным окончанием (табл. XXXIV₂). Железные лемехи в Колхиде засвидетельствованы на Нигвзианском и Эргетском могильниках. На Эргетском могильнике № 3 только в одной погребальной яме № 1, выделяющейся особым обилием и разнообразием

лам «Севанского» типа; отметим только, что крайней северной точкой обнаружения этих кинжалов считали Триалети [90, с. 206]. Урекская находка этот рубеж переставила далеко на северо-запад и наряду с другими находками, в частности, колхидского материала в Армении (колхидского топора, дугообразных фибул, поясных пряжек 90, с. 276, сл. табл. XXXVI_{6, 15, 16}; 167, с. 21—22), указывает на наличие в эпоху раннего железа непосредственных взаимоотношений между Колхидой и Арменией [107, с. 51].

разием железных земледельческих орудий, в том числе и железных производных бронзовых прототипов, было найдено 19 железных лемехов (табл. XXXV). Количество лемехов обнаруженных на могильниках сс. Нигвзиани и Эргета превышает три десятка. Железный лемех был найден М. М. Трапшем и на горе Гуадику в раннеантичном культурном слое [157, с. 223].

Железные лемехи, с появлением которых начинается качественно новый этап в развитии земледелия, в античном мире встречаются с VI в. до н. э. в более северных районах Европы в периоде Гальштата. Появление втульчатых лемехов приурочивают Латенскому периоду и увязывают с кельтами [69, с. 68]. В Малой Азии появление железных лемехов совпадает с фригийским периодом и в Богазкее, где были найдены пять экземпляров железных лемехов, они датируются периодами Бюю—келе II (по К. Биттелю 750—659 гг.) и Бюю—Келе I (по К. Биттелю 650—500 гг.). Аналогичные лемехи из других мест датируются VIII, VII или VI вв. до н. э. и только единственный экземпляр приурочивают к X в. до н. э. [179, с. 17, прим. 2, с. 154].

Если колхидские лемехи сравнить с лемехами Богазкея или Восточной Европы, не трудно будет заметить разницу, тогда как между лемехами Богозкея и Восточной Европы есть определенное сходство [179 т. IV₁₆₁₄₋₁₆₁₈; 70, с. 103—113, рис. 2—4]. Надо полагать, что тот тип лемехов, который обнаружен на колхидских могильниках был выработан в Колхиде с учетом местных земледельческих условий и задач. Появление в Колхиде железных лемехов имело место в общем одновременно с распространением того же орудия в постхеттской Малой Азии, в античном мире и Европе. Железный лемех во всех этих странах, в том числе в Колхиде, был продуктом наивысшего развития производства железа, поднявшим земледелие на еще более высокую ступень, положившим начало новому этапу развития общества. Примечательно, что в древнеиранском языке слово, обозначающее лемех, превратилось в слово, обозначающее железо [176, с. 22]. В этом языковом факте, как видно, нашло отражение явление, которое означало полную победу железа, связанную с появлением железного лемеха. В этой связи привлекает внимание то обстоятельство, что в тех погребальных комплексах, где засвидетельствованы железные лемехи, или совершенно нет бронзового инвентаря, или он наличествует в абсолютно незначительном количестве. В этом отношении наиболее характерную картину отражает металлический инвентарь погребальной ямы № 1 Эргетского могильника № 3 (табл. XXI—XXII, XXXV).

С конца VII в. до н. э. как отмечалось выше, появляются также железные топоры, мотыги, серпы, сегментовидные орудия, изогнутые ножи, используемые в виноградниках и садовод-

стве (табл. XXI; XXXIV). Железные изделия в основном однородные по форме получают глобальное распространение и их обилие на отдельных памятниках Колхиды создает впечатление о поразительных для того времени масштабах их производства. Перестают функционировать бронзовые орудия труда, по крайней мере в Центральной и Южной Колхиде и бронза используется лишь для изготовления украшений, принадлежностей одежды и малой скульптурной пластики.

Весь этот богатый и разнообразный материал металлической индустрии, не считая случайных находок, засвидетельствован на могильниках в разных районах Колхиды. Несмотря на то, что обнаруженный на этих могильниках инвентарь почти абсолютно идентичен и формально-типологически и по составу погребальных комплексов, с точки зрения погребального обряда наблюдается ощутимое различие. Различие в погребальных обрядах наличествует не только в масштабе всей Колхиды, но и в пределах, сравнительно маленьких ее регионов. В этом отношении «пестротой» отличается Северо-Западная Колхида, где ни то что в крае в целом, но на одном только Красномаяцком могильнике в погребениях, относимых раскопщиком к VIII—VI вв. до н. э. [157, с. 149—150] одновременно сосуществовали три типа погребального обряда.

Первый и второй типы обрядов объединяются ингумационным характером погребения, но различаются положением покойника в могиле в первом случае с вытянутым положением в длинных ямах, во втором — скорченным на правом боку. Ямы, как правило, вымощены галькой. Третий тип—это обряд вторичного погребения: когда кости покойника укладывались в специально вырытую округлую яму или в сосуд который ставился в яму горловиной вниз [157, с. 149], причем здесь налицо не захоронение человека в урне, а именно части костей человека (а не полного скелета) в оссуарии [76, с. 180—181].

Погребения разных типов разбросаны в перемежку и ни один тип не составляет особую, обособленную группу захоронений. Судя по инвентарю все типы погребений сосуществуют в один определенный период, определяющий раскопщиком VIII—VI вв. до н. э. [157, с. 150].

На Красномаяцком могильнике преобладает первый тип погребений, который засвидетельствован в Северо-Западной Колхиде и на Куланурхвском могильнике того же периода [156, с. 102—112, 164 сл.]. Однако, это не значит, что данный тип погребального обряда следует считать ведущим, т. к. и тип вторичного погребения в оссуариях неоднократно засвидетельствован в разных местах Северо-Западной Колхиды в с. Приморском [147, с. 107] в с. Эшера близ Сухуми [53, с. 58; 76 с. 178—181].

То же самое следует сказать и о типах погребального обряда, зафиксированных на старшем, современном, упомянутых выше

некрополях, могильнике Гуадику (близ Сухуми). Здесь выделяется два типа погребального обряда: к первому типу относят захоронения с полной кремацией покойника, когда в округлых грунтовых могильных ямах диаметром в 50—60 см, кладут пепел сожженного на стороне покойника и остатки инвентаря, ко второму — захоронения в длинных ямах с частичной кремацией покойников до обугливания костей. По наблюдениям раскопщиков обряд кремации совершался непосредственно в могильных ямах, ориентированных с востока на запад с небольшими отклонениями [157, с. 45—46]. Второй тип засвидетельствован также в северной Горной Колхиде в верховьях р. Риони [33 с. 186; 10, с. 111].

Первый тип погребального обряда с полной кремацией покойников и с захоронением инвентаря в округлых ямах диаметром в 50—60 см. засвидетельствован и в Юго-Западной Колхиде на могильнике в Уреки [107, с. 10—14]. Однако здесь, также как и в некрополе с. Нигвзиани засвидетельствованы и сравнительно большие округлые погребальные ямы с захоронением инвентаря, а в отдельных случаях побывавших в огне костей и зубов покойника сожженного вне погребальной ямы [99, с. 33—39; 107, с. 71]. Погребальный инвентарь иногда завернут в ткани или в коже, фрагменты которых подобно Эшерским оссуариям [76, с. 131] зафиксированы и на отдельных группах металлического инвентаря могильных ям № 2 и № 3 Урекского некрополя. Такая же картина и на других могильниках прибрежной и внутренней Колхиды в сс. Нигвзиани, Эргета, Палури, Мерхеули, Мухурча. В некоторых из этих некрополей выделяются индивидуальные погребения, в большинстве же случаев наличествуют большие коллективные погребальные ямы в отдельных случаях (например, на могильниках в с. Эргета), занимающие площадь около 40 м² с захоронениями только инвентаря с мелкими остатками костей покойников или в пределах погребальных ям с наличием специальных ям для погребения мелкодробленых костей покойников.

Таким образом, объяснение разности в одних случаях и общности в других, засвидетельствованных на некрополях Колхиды погребальных обрядов суммарно датируемых VIII—VI вв. до н. э., на данном этапе затруднительно, т. к. еще не найдены и не изучены некрополи непосредственно предшествующего и более раннего времени, чтобы проследить генезис воззрений и различить — что генетически местное, и что воспринято извне, как это, более или менее, четко прослеживается на археологическом материале. Увязывать погребальные обряды данного периода с обрядами засвидетельствованными в эпоху энеолита и ранней бронзы (в иных случаях даже неолита, и в отдаленных от Колхиды регионах, [157, с. 153—155 сл.] без наличия

промежуточных ступеней, неубедительно. В таких случаях можно говорить лишь о формальном сходстве, что для сферы воззрений не может иметь решающего значения. Другое дело сходство отдельных определяющих деталей погребального обряда, зафиксированных на данном этапе по всей Колхиде: полной и частичной кремации, вторичного захоронения остатков покойника с инвентарем или только инвентаря, принципиальной идентичности состава погребального инвентаря, идентичности инвентаря, идентичности воззрений, отраженных в мелкой пластике, в особенности в скульптурах божеств (табл. XXXVI; [76, т. XXIII₂] и т. д. Здесь при явном различии отдельных отмеченных выше деталей, нельзя не заметить самую тесную взаимосвязь.

Следует отметить также, что обряды полной и частичной кремации, вторичного захоронения, в отдельных погребальных ямах захоронения только инвентаря, или символического захоронения вместе с инвентарем отдельных частей покойника, во всех этих деталях, засвидетельствованных в Северо-Западной Колхиде, явно проглядывают импульсы с Юга, т. к. все эти детали характерны для всех могильников Южной и Центральной Колхиды тогда, как в северо-западной они проявляются то в одном типе погребального обряда, то в другом, и указывают, по всей вероятности, на восприятие этих южных веяний отдельными группами населения Северо-Западной Колхиды.

Привлекают внимание и отдельные особенности погребального обряда, а именно, обычай захоронения вместе с личным инвентарем покойника, скульптур, обожествленных животных и божеств, в частности, богинь по-разному передающих, по-видимому, идею Великой Матери, культ которой широко был распространен во всех странах Передней Азии под разными именами и разной атрибуцией.

Среди этих скульптур, олицетворяющих Великую Богиню Мать (табл. XXXV₁₋₆) особое внимание привлекает бронзовая статуэтка голыи женщины с ребенком, левой рукой прижатым к груди, из погребения № 3 Урекского могильника [табл. XXXVI₄, 107, с. 62—69, 103].

Функция ребенка в данной скульптурной группе заключается в акцентировании сути божества, у которого тщательно выведены груди, нос, рот, разрез глаз и в особенности уши. На лбу до ушей заметна дуга, по-видимому, диадема. Сзади до плеч спадают волосы.

Нет сомнения, что эта скульптура изображает Богиню Мать, которая по ряду определяющих деталей (прижатый к груди ребенок, на лбу диадемовидная дуга) повторяет утерянную скульптуру богини с ребенком, упоминаемую в одном из отчетов Московского исторического Музея, которая считается частью известного Бомборского клада из Северо-Западной Кол-

хиды [76 с. 238—239, табл. XXIII₂]. После обнаружения урекской скульптуры предположение о принадлежности утерянной статуэтки к Колхиде вполне правомерно. То обстоятельство, что утерянная скульптура изображает Богиню-Мать в стоячем положении (табл. XXXVI₃), а урекская — сидячем, не может разрушить смысловую идентичность этих скульптур, хотя-бы потому, что существуют скульптуры соответствующих стоячих богинь с ребенком. Так, например, скульптура стоячей Богини-Матери с ребенком из Эрмитажа, которую относят к Кобанской культуре [160 с. 64, рис. 59]. Однако, сидячая поза в иконографии богини-матери для конкретизации этого божества все-же может иметь определенное значение. Как тематически, так и композиционно прямой аналогией урекской скульптуры Богини-Матери является скульптура Богини-Матери с ребенком, обнаруженная в Герайоне (в южном Темзосе) Самоса. Но самосская скульптурная группа пополняется третьим элементом — лошадью. Самосская Богиня-Мать подобно урекской скульптуре изображена в сидячей позе, на коленях у нее также ребенок, левой рукой прижатый к груди, на лбу диадемообразная дуга, сзади до плеч вниз спадают волосы, которые на самосской скульптуре изображены более четко и напоминают прическу богини на колхидских триболах. Самосская богиня сидит на сидалище со спинкой, установленном на лошади, с опущенными на правую сторону лошади ногами. (табл. XXXVI₅), [189, стр. 80, табл. 81₄₅₂]. Таким образом, поза, вся композиция и манера исполнения урекской и самосской богинь совершенно идентичны; кроме лошади в этих скульптурных группах другой разницы нет. Эта скульптурная группа находит много общего с культурной группой богини на лошади из могильника с. Мухурча (табл. XXXVI₆).

Самосская скульптура издателем, несмотря на то, что он не знаком с новейшим кавказским материалом, вместе с колокольчиками, явно колхидскими поясными пряжками и изображениями животных, признана кавказским предметом из-за своеобразного стиля этих предметов, который не проявляет близость с другими, между собой связанными восточными стилистическими кругами [189 с. 39, 82—83].

Изображения богинь с ребенком известны начиная с неолита до эллинистического периода включительно, как на Востоке, так и в Эгейском мире, в античных городах Северного Причерноморья, а также в Триполье и в Придунайских странах [174, с. 189; 24, с. 30; 94, с. 91, рис. 34; 157, т. 1, с. 76; 76, с. 247—256; 38, с. 31—32, 52, табл. XI—M91—M92; XVII—M141]. Однако, достаточно сравнить с ними урекскую скульптуру Богини-Матери с ребенком, не учитывая идейно-тематическую и, тем самым, композиционную идентичность, чтобы убедиться в со-

вершенно ином характере урекской скульптуры, в совершенно иной манере ее исполнения.

С другой стороны, также достаточно сравнить урекскую скульптуру с самосской, чтобы убедиться, что оба (урекский и самосский) варианта скульптуры Богини-Матери не только тематически и композиционно, но и несколько наивной манерой исполнения, которую называли «детской» [189, с. 84] и рядом других деталей, относится к одному и тому же кругу пластического мышления. По тем же признакам этому же кругу принадлежит и упомянутая скульптура из эрмитажа, которую считают предметом кобанской культуры [160, с. 64; рис. 59].

Так как эти скульптуры наибольшую близость обнаруживают с урекской скульптурой, которая документально зафиксирована в погребальном комплексе колхидского могильника и кроме Колхиды точно таких скульптур нигде нет, следует считать, что самосская скульптура богини-матери не общекавказская, а именно колхидская. На это указывает, как отмечалось выше, и наибольшая близость самосской скульптуры также со скульптурой богини из могильника раннежелезного века в с. Мухурча, восседавшей подобно самосской богини на установленном на коне сидалище с явно различимыми следами прижатого к груди ребенка (табл. XXXVI₆).

Что же касается вопроса о широком распространении и хронологически длительном существовании, с тематической и общиконографической точки зрения, аналогичных скульптур, то совершенно, очевидно, что они олицетворяют божество, которое почиталось во всем древнем мире. Эти божества плодородия и материнства среди разных народов были известны под разными именами: Шумерская Иннана, Вавилонская Иштар, египетская Иссида, Финикийская Аштарт, имя которой восходит к имени Иштар, древне-иранская Анахита и, наконец, широко распространенная в эпоху раннего железа, в том числе и среди грузинских племен, малоазийско-фригийская Кибела и ее греческое соответствие Рея. Колхидскую разновидность этих божеств и изображают, по-видимому, рассмотренные урекская, бомборская, мухурчинская и самосская скульптуры.

С этой точки зрения примечательно, что Великую Богиню-Мать, например, Астарту, часто изображали голой или одетой, в стоячей или сидячей позе, как Кибелу-Рею, с тимпаном в руке, но вместо тимпана и с ребенком на руках, подобно египетской Иссиде, или подобно голой, с распущенными волосами Иштар с ребенком, не только имя которой заимствовано Астартой, но и иконографическая идея, наличествующая и в колхидских скульптурах. Интересно, что в литературе упоминается скульптура Берлинского музея, изображающая голую богиню, стоящую на львах с башнеобразной тiarой на голове и с прижатым к груди ребенком [7, с. 78—79; 76, с. 250].

Синкретизм этой скульптуры явно указывает на то, что для иконографического образа богини-матери одинаково характерны как изображение ее голой на руках с грудным ребенком, так и с атрибутами Кибелы-Рей: с башнеобразной тиарой, тимпаном в руке и с львами у ног.

Таким образом, не должно быть сомнения, что, помимо других «упрощенных» вариантов существовало два варианта иконографического образа Великой Богини-Матери: Богиня-Мать на руках с грудным ребенком и Богиня-Мать с тимпаном в руке и с другими упомянутыми атрибутами. В Колхиде, и, по-видимому, в сфере кобанской культуры в эпоху раннего железа господствовало изображение Великой Богини-Матери с ребенком, хотя, судя по данным письменных источников, Колхиде не был чужд и образ Богини-Матери с атрибутами (в руке тимпан, у ног львы), подобными атрибутам Кибелы-Рей. Арриан описывает скульптуру именно такой богини восседавшей на сидалище, с тимпаном в руке и со львами у ног, которая стояла у устья р. Фасис и напоминала Арриану скульптуру Рей Фидия. Он называет ее *Ἡ Μ Φασισιανὴ Θεός* [161, с. 39]. Таким образом, по сведениям историка-очевидца Арриана у устья главной реки Колхиды Фасиса, перед одним из древнейших городов Колхиды-Фасисом стояло изваяние богини Фасисаны, что указывает на непосредственное отношение изображения богини с рекой и городом Фасис. Место где была воздвигнута скульптура богини Фасисаны, описанной Аррианом, указывает, по-видимому, на одну из главных функций Богини-Матери. Вспомним, что Великая Богиня-Мать Кибела, по сведениям Александра Полигистора (I в. до н. э.), сохранившимся у Стефана Византийского, являлась основательницей городов [30, с. 282].

Месторасположение скульптуры богини Фасисаны указывает на то, что она, подобно переднеазийским великим богиням, являлась и божеством рек и наподобие Фригийской великой богини-матери — покровительницей городов, символом чего была башнеобразная тиара на ее голове.

Из антропоморфных скульптур привлекает внимание итифалическая фигура мужчины, обнаруженная на Нигвзианском могильнике (табл. XXXVI₇). Итифалические фигуры часто встречаются в археологических находках Грузии эпохи раннего железа. Все эти скульптуры по отдельным деталям отличаются друг от друга, но в данном случае, главное, их смысловая идентичность, отражающая представления одной эпохи. Возникает вопрос не представляют ли эти итифалические фигуры изображения оплодотворяющего божества Босло-Котро, сохранившегося в этнографических пережитках Грузии до настоящего времени. На основании анализа большого этнографического и кавказского языкового материала было установлено, что Босло-

котро первоначально было божеством-быком, а на определенном этапе идеологического мышления превратилось в итифалическое божество-мужчину [15, с. 181, 191; 16, с. 107]. Ни эту ли связь отражает изображение коленопреклоненного фантастического существа с головой быка и человеческим телом на древнейших колхидских монетах I типа VI в. до н. э., с изображением лежащего льва-гермофродита на аверсе [62, с. 28₁; 50, с. 59—60, 64]. Во всяком случае в Колхиде это превращение происходит, по-видимому, с начала VI в. до н. э., когда появляются итифалические фигуры в виде рассмотренной нигвзианской скульптуры, фигуры винопийца из бемборского клада, фигуры божества-всадника из с. Абгархук (Северо-Западная Колхида) [84, табл. XVIII₁; XXIII; 76, с. 238—247, рис. 52, 55] и т. д.

Среди скульптур животных следует выделить фигурку быка из того же Урекского могильника, в котором находилась и статуэтка богини с младенцем. Эта скульптура явно культового назначения, что акцентируется с круглозагнутыми в сторону лба стилизованными рогами (табл. XXXVI₉). Нет сомнения, что данная статуэтка быка является изображением быка-божества, обожествленной тягловой силы плужного земледелия.

Культ быка почитался в Колхиде также в эллинистическую и румскую эпохи.

В этом отношении привлекают внимание изображения фантастических быков на колхидских бронзовых ажурных бляхах [76, с. 82, рис. 19а]. Но с точки зрения непрерывности почитания культа быка, особое значение приобретает то обстоятельство, что изображение человека-быка имеется на упомянутых выше древнейших колхидских монетах I типа VI в. до н. э., а быка на колхидках IV в. до н. э. на реверсе которых изображение быка если с одной стороны указывает на то, что и после возникновения городской жизни в представлениях народа-земледельца — колхов первенствующее значение сохраняет культ быка и на монетах его изображение является эмблемой основной деятельности народа, с другой стороны он является явно атрибутом богини, которая изображена на аверсе и представляет главное изображение монеты. Сочетание на «колхидках» изображений богини и быка указывает на суть богини. Ясно, что она олицетворяет Богиню—Мать, главную богиню колхов, божество плодородия, покровительницу земледелия и животных [76, с. 254]. Быть может, в этой связи неслучайно, что скульптура быка была обнаружена вместе с скульптурой богини с ребенком в одном погребальном комплексе погребальной ямы № 3 Урекского могильника, где, кстати, были найдены и другие атрибуты Великой Богини-Матери, в частности, скульптурные изображения распластанных львов или леопардов (табл. XXXVI₁₃₋₁₄).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ металлического инвентаря, отличающегося большим многообразием, и связанных с их изготовлением моделей, литейных форм, показал не только местное происхождение металлических изделий, формирование на месте их формально-типологических серий, но и богатые автохтонные традиции металлургии и металлообработки. Но эти важные отрасли металлической индустрии могли развиваться и на основании привозного металла. Не останавливаясь подробно на вопросе о меднорудных ресурсах Колхиды и о возможных центрах горно-рудного дела (об этом подробно писал еще А. А. Йессен [55], следует назвать два важных очага. Один из них бассейн верховьев р. Куры и Чорохи и прилегающая к последнему восточная часть Северного Тавра, где с древнейших времен засвидетельствованы именно западно-грузинские племена-металлисты [105], отличающийся необычным обилием рудных богатств [55, с. 44—46, 60, 156] и считавшийся главным металлургическим очагом центральной и западной Анатолии [196, с. 71], не говоря уже о Колхидском мире. Именно поэтому Южная Колхида стала одним из основных и древнейших очагов металлургического производства Древней Колхиды, где представлены не только все, причем наиболее ранние компоненты колхидской бронзы, но где прослеживается и процесс становления ведущих ее форм. Это обстоятельство, наряду с другими стало, по-видимому, одним из факторов способствующих возникновению упоминаемых ассирийскими и урартскими источниками древнейших царств Данаени и Колха, вооруженных соответственно стандартам эпохи и преграждавших путь своим грозным соседям к Черному Морю. Следует отметить, что по сведениям ассирийских источников войско Данаени (сб идентичности царств Данаени и Кулха (Колхиды) [93, с. 52; 106, с. 137—147], как и ассирийское, было оснащено боевыми колесницами [51, № 2]. В этой связи надо отметить бронзовую скульптуру возничего колесницы, найденного на могильнике VII—VI вв. до н. э. в с. Мухурча (Центральная Колхида, табл. XXXVI₈).

Минуя предполагаемые, такие древние медно-рудные центры как Лечхуми (ущелье р. Цхенис-Цкали), Сванети (ущелье Ингури) известные не только следами древних выработок, но и прекрасными и древнейшими изделиями из меди и бронзы,

об одной части которых речь шла выше, следовало бы уделить внимание еще одному медно-рудному очагу — бассейну верховьев р. Риони, где в результате проведенных исследований засвидетельствованы древние разработки меди, мышьяка, сурьмы и полиметаллов [10, с. 109]. В настоящее время эти разработки исследуются с точки зрения историко-технических, историко-горноинженерных критериев. Причем постулируется мысль, что глубокие многоярусные рудники должны относиться к более развитым этапам бронзы, которым предшествовали сравнительно простые штольнообразные или вертикальные выработки, одноярусные, двоярусные и открытые карьеры.

В верховьях Риони добыча руды засвидетельствована и подземными и открытыми выработками.

Открытая добыча, отражающая наиболее ранний этап освоения техники горно-рудного дела, представлена здесь вертикальными, горизонтальными и наклонными углублениями (в 2—5 м), канавами, траншеями и небольшими карьерами.

Подземная добыча представлена горизонтальными наклонными и вертикальными выработками и их сочетанием. Длина горизонтальных и наклонных выработок колеблется от 10—20 до 159—200 м, а сечение выработок от 0,6—2,0 м² при проходе и до 200—300 м² при очистной выемке (см. 113; 114; 115; 116; 117).

Что касается возраста этих рудников, вопрос этот сложен и трудноразрешим, т. к. в штольнях кроме каменных молотов, которыми откалывалась раскаленная и под воздействием воды растресканная порода, гранитных и деревянных сосудов для дробления и выноса руды, ничего не найдено [10, с. 109—110]. На основании горно-инженерных критериев Т. П. Муджири наиболее сложный медный рудник относит к концу эпохи бронзы. Радиоуглеродное определение образцов древесины из данного рудника (участок Чхорнали) дало даты 930 и 955 гг. до н. э. [114, с. 86—87]. Любопытно, что в отвалах переработанной руды, расположенных примерно в 500—600 м от данного рудника, был найден бронзовый кинжал, посредством которого эти отвалы были датированы первыми веками первого тысячелетия до н. э. [34, с. 19—20].

Таким образом, горно-рудное производство, которое постепенно усложнялось, по мере развития металлической индустрии и роста до массового потребления металлических изделий (оружия, орудий труда, принадлежностей одежды, украшений и т. д.), металлургия и литейное дело — вот основные отрасли производства колхидского общества, развитие которых протекало в течении всего II тысячелетия до н. э. и с точки зрения совершенствования сплава, достижения совершенства и многообразия форм и массового производства изделий достигло своего апогея в первой половине I тысячелетия до н. э. С середины

VII в. до н. э. начинается новая эра в развитии металлической индустрии Колхиды. На основании богатой многовековой металлургической традиции осваивается новый металл—железо.

В результате новейших исследований Западная Грузия предстает одним из крупнейших центров производства железа, объединяющих несколько очагов и, в настоящее время, не имеющих себе равных на всем древнем Ближнем Востоке [164, с. 170—179; 165, с. 97—103]. Каждый железопроизводящий очаг имеет свой центр и состоит из 100, а то и более железоплавильных мастерских. В Западной Грузии насчитывают четыре таких очага. Самый южный из них расположен в бассейне р. Чорохи, в крае с богатейшими и многовековыми металлургическими традициями. Ареал Чорохского производственного очага железа, как и медно-бронзового, распространяется дальше на юг и юго-запад за пределами государственной границы СССР. В Чорохском бассейне археологически изучены две железоплавильные мастерские «Чарнали 1/1» и «Чарнали 1/2» [28, с. 47—49, рис. 15; 163, с. 120, 121, рис. 2].

Второй железопроизводящий очаг, насчитывающий до 100 объектов, расположен к северу от Чорохского, в 40—50 км от Батуми и в техническом отношении идентичен с Чорохским очагом. На территории данного очага археологически было исследовано II железоплавильных мастерских: Джиханджури I/1—3; Легва I/1—2; Джиханджури II—IV; Цецхлаури I—III [28, с. 38—47; 163, с. 120].

Третий очаг, самый крупный из железопроизводственных очагов древней Колхиды, расположен в бассейне рр. Супса и Губазоули (тоже в Юго-Западной Колхиде). Здесь отмечены остатки более 100 железоплавильных мастерских, из которых пока раскопано лишь 7: Аскана I, Аскана II/1—2, Аскана III/1—3.

Четвертый железопроизводящий очаг выявлен в ущелье р. Очхамури в горной части центральной Колхиды, далеко от морского побережья. Здесь были раскопаны лишь три железоплавильных мастерских: Чога I—III [163, с. 123—134].

Одним из важных очагов производства железа была, по-видимому, и Север-Западная Колхида [17, с. 11—12].

Из вышесказанного видно, что из четырех железопроизводящих очагов три расположены в непосредственной близости от морского побережья и лишь четвертый в отдалении от него на южных склонах Большого Кавказа. Такое расположение очагов металлургии железа естественно ставит вопрос о сырьевой базе. Нет сомнения, что три прибрежных очага в качестве сырья применяли магнетитовые пески, которые расположены в довольно большом, имеющем и до настоящего времени определенное значение, количестве на пляжах у устьев рр. Чорохи, Чолоки, Натанеби, Супса. Что касается четвертого нагорного

очага, она питалась, по-видимому, горно-рудными ресурсами, конкретно какими точно пока не установлено.

Такое большое количество железоплавильных мастерских красноречиво говорит о масштабах производства железа и потребности на него. Эти масштабы отражены и в археологическом материале: на небольшом могильнике № 3 в с. Эргета только в одной погребальной яме № 1 было найдено изделий из железа: мотыг — 140 экземпляров, 19 лемехов плуга, 14 серпов, 7 сегментовидных орудий, множество ножей разной формы и т. д. Большое количество железных изделий было обнаружено также на Урекском и Нигвзианском могильниках [107].

Химико-технологическое исследование железных изделий из Урекского и Нигвзианского (Юго-Западная Колхида) могильников, выполненное кандидатом технических наук Г. Инанишвили показало, что эти изделия изготовлены в сыродутных горнах из сварочного железа и стали с разным процентным составом углерода. Выясняется, что колхидские металлисты мастерски владели способами термической обработки стали: закалкой, высоким отпуском и т. д. Для изготовления оружия использовалась средне- и высокоуглеродная сталь (0,3—0,7%С). В земледельческих орудиях (мотыги, лемехи) используется низкоуглеродный металл (0,1—0,2%С). Высокого уровня достигла такжековка железа. Применялась, как простая, так и сложнаяковка. Железные изделия отличаются точностью форм. Однородность металла всех этих изделий указывает на то, что они происходят из одного производственного центра [107, с. 94—99].

Не касаясь других отраслей ремесленного производства — гончарного дела, ткачества, в частности, производства высококачественного льна, расценивавшегося наравне с египетским, деревообделочных ремесел, художественных ремесел, отраженных и в мелкой пластике (табл. XXXVI) и в украшениях бронзовых изделий (табл. XVII, XVIII, XXVII—XXX) и керамики и т. д. следует упомянуть еще один из самых основных и важных, определяющих облик колхидского общества, отраслей хозяйства — земледелие и скотоводство.

Многобразие и большое количество земледельческих орудий и колхидской бронзы говорит о древнейших традициях и ведущей роли в жизни колхов с конца III тысячелетия до н. э. многоотраслевого земледелия.

В конце III тысячелетия, как было отмечено в разделе о колхидской средней бронзе, появляется бронзовая мотыга и уже в I половине II тысячелетия формируется несколько типов этого орудия, свидетельствующие на разное их назначение в хозяйстве [74, с. 317], с конца III тысячелетия металлическая мотыга становится основным земледельческим орудием, а мотыжное земледелие ведущей отраслью хозяйства колхов. Следует отметить, что судя по этнографическим материалам мотыга, в

особенности в горных условиях, являлась и пахотным орудием [139, с. 200; 44, с. 200—201, 49, с. 65]. В конце III тысячелетия до н. э., судя по находке в нижнем слое центрального холма в с. Пичори, применялась также деревянная соха.

В этой связи примечательно, что в нижнем слое Анаклиа I были найдены зерна просо, ячменя и двух пшениц [168, с. 210; 83, 256, 260; 77, с. 251—252], одна из которых относится к оригинальной эндемной пшенице маха—*Triticum macha* Dek. et. Men [с. 684]. В специальной литературе указано, что маха является одним из древнейших видов хлебных злаков и что она выведена из дикого вида пшеницы. Интересно, что этот вид пшеницы сохранился в предгорьях Западной Грузии, за пределами же Грузии эта пшеница нигде не известна. [37, с. 5, 35; 96, с. 684—685].

Карбонированные зерна пшеницы спельты (*Triticum Spelta*) в большом количестве были обнаружены в V слое поселения Намчедури. Там же была зафиксирована связка стеблей с колосьями пшеницы [104, с. 24, табл. 58₂]. А в разведывательном раскопе на холме «Мамулиебис дахагудзуба», в с. Эргета на левобережье р. Ингури, были засвидетельствованы в самом нижнем слое с керамикой с отпечатками циновок и ткани—компактная мягкая пшеница (*T. aestivo compactum*), двузернянка (*T. dicoccum* Shubl), однозернянка (*T. monococcum*), спельтоидная маха (*T. macha spelta*), в верхних же слоях VI—V вв. до н. э. найдены зерна той же компактной мягкой пшеницы, двузернянки и спельтоидной махи, свидетельствующие о наличии в Колхиде вековой традиции применения в земледелии указанных видов зерновых. Таким образом, уже с самых ранних стадий средней бронзы в Колхиде отмечается высокий уровень развития зернового хозяйства, выработавшего уже к этому времени эндемную породу пшеницы.

Именно с развитием зернового хозяйства связаны кремневые вкладыши серпов (табл. XXXVII) и зернотерки, встречаемые на всех колхидских поселениях без исключения. Кремневые вкладыши серпов были, по-видимому, основным уборочным орудием, которые не теряют своего значения с появлением в Колхиде бронзовых серпов и с успехом сосуществуют с ними [79, с. 59].

Почти на каждом колхидском поселении встречаются косточки винограда, каштаны, орешки, желуди, свидетельствующие об их широком применении населением Колхиды.

О развитии садоводства с ранних времен свидетельствует появление некоторых видов мотыг и сегментовидного орудия [74, с. 317/319].

Особого развития земледелие достигает в эпоху раннего железа, когда производство железных мотыг намного превышает производство бронзовых и, что самое главное, когда появляется железный лемех плуга, сыгравший революционную роль в развитии земледелия. Следует отметить, что железные лемехи подобного типа долго функционировали в Западной Грузии, на что указывает их наличие в этнографических коллекциях Кутаисского музея.

С этого времени в погребальных комплексах, как отмечалось выше встречаем большое количество железных земледельческих орудий, в том числе и лемехов, что является редчайшим фактом в мировой археологии [172, с. 148], указывающим на первостепенное значение земледелия в колхидском обществе. Об этом же свидетельствуют появление бронзовых статуэток быков с стилизованными рогами (табл. XXXVI₉), подчеркивающими их культовый характер в качестве обожествленной тягловой силы плужного земледелия [107, с. 60, 61 сл.]. Быть может эти представления древних колхов отражены и в стилизации ручек колхидской керамики в виде рогообразных выступов. На ведущее, высокопочитаемое место земледелия в хозяйстве и воззрениях колхов указывает и сказание об аргонавтах, в котором царь колхов Айет предстает не воином, не героем, а выдающимся земледельцем своего народа; только он один мог впрягать огнемечущих, медноногих быков в ярмо железного плуга и за один день вспахать землю, засеять ее и собрать урожай. В этом сказании отражаются также достижения колхов и в изготовлении металлических пахотных орудий [106, с. 130—132].

Другой немаловажной отраслью хозяйства было скотоводство, в котором колхи также преуспели. Почти на всех поселениях Колхиды (Анаклия I и II, Зурга) встречаются кости животных, как крупного рогатого скота, так и мелкого — козы, овцы и свиньи. Кости крупного рогатого скота свидетельствуют наличие низкорослого скота, подобного местной хевсурской породы коров. В этой связи заслуживают внимания сведения древнегреческих письменных источников о том, что колхидские коровы хотя и низкорослые, но отличаются большой продуктивностью [65, с. 40]. Не исключена возможность, что известная грузинская порода хевсурских коров берет начало с тех отдаленных времен.

С точки зрения видового состава следует отметить сравнительную малочисленность на колхидских поселениях овцы (на Анаклия I ее вовсе нет) и большое количество свиньи (на поселениях и Анаклия I и Зурга). Эта особенность характерна для всей Колхиды. Повидимому, леса Колхиды создавали благоприятные условия для развития свиноводства. Овцеводство по-видимому, больше было распространено в горной Колхиде, о-

чем свидетельствуют множество изображений овец реальных и стилизованных в материалах Брильского могильника [10, с. 114, т. XI₁₃ и XII_{1,9}], указывающих на возведение этой отрасли хозяйства в культ.

На основании имеющихся в настоящее время данных, трудно воссоздать полную картину развития земледелия и скотоводства древней Колхиды. Явно чувствуется недостаточность соответствующего материала, однако уже в том, что есть, улавливается одно важное обстоятельство, ставившее Колхиду в ряду регионов высокоразвитого земледелия и скотоводства. Имеется в виду материал, позволяющий предположить в Колхиде к концу III тысячелетия до н. э. выведение эндемных пород пшеницы и коровы, нашедших свое дальнейшее развитие и распространение только в Грузии и сохранившихся здесь до настоящего времени.

Это еще одно обстоятельство, указывающее на теснейшую преемственную взаимосвязь не только между материальной культурой, хозяйственными формами и особенностями быта отдельных древних эпох, но и с характерными особенностями быта Западной Грузии последующих периодов — в виде сохранившихся отдельных древних элементов вплоть до настоящего времени типа жилищ (срубных жилых и хозяйственных помещений, отдельных типов сельскохозяйственных орудий (мотыги, цалди), отдельных форм древнейших зерновых культур — пшеницы маха, некоторых пород скота и т. д. И эта линия генетического развития прослеживается, как это указывалось выше, с конца III тысячелетия до н. э. опять-таки в типе жилищ и поселений, отличающихся большой консервативностью, в керамике, в орнаментации и декоративных атрибутах керамической посуды, в направлении развития ведущих форм металлических изделий, в сохранении этих форм даже после перехода на железную индустрию, повторяемость мотивов украшения бронзовых изделий второго этапа эпохи поздней бронзы на керамике и золотых предметах последующего периода и т. д. и т. д. Процесс становления всего этого протекал в соприкосновении с культурами Древнего Ближнего Востока и Кавказа. В условиях этого соприкосновения создавались например висло- и трубчатобушные топоры, их производные-прототипы колхидских топоров и т. д., однако в результате творческой переработки на местной основе, сообразно с местными условиями и потребностями, устанавливались оригинальные формы, присущие только Колхиде и определяющие ее материальную культуру. Со своей стороны и колхидские культуры оказывали большое влияние на становление других культур.

С этой точки зрения, в первую очередь, привлекает внимание кобанская культура. Полное совпадение ряда кобанских

бронзовых изделий в том числе руководящих (топоров, поясных пряжек, фибул, гривен их орнаментации) с аналогичными предметами колхидской бронзы, конечно, не случайно и его возникновение нельзя считать лишь результатом межплеменных сношений.

Справедливо отмечал А. А. Иессен, что «первоначальной базой возникновения кобанского комплекса металлических изделий является Западное Закавказье» [57, с. 96]. В другой работе он писал: «В области же Центрального Кавказа при наличии в ряде моментов несомненных связей с предшествующими формами изделий и с ранее освоенной техникой, наоборот, в основном можно наблюдать разрыв преемственности в развитии металлических изделий и как бы наложение новых, привнесенных извне, главным образом из Западного Закавказья, форм и технических приемов, неизвестных в предшествующее время» [59, с. 80] и ниже: «...верхнекобанский могильник, в основном, дал находки IX—VII вв. до н. э., но совершенно несомненно, что кобанская культура и, в частности, кобанское производство металла, возникли ранее могильника Верхнего Кобана, который соответствует только определенному, и не начальному, отрезку в истории развития этого производства. Ранние формы кобанского и колхидского металла особенно четко выявляются сейчас в Западной Грузии, где, очевидно, и следует искать первичный очаг появления новых форм и новых технических приемов, широко распространившихся затем в районе Центрального Кавказа» [59, с. 119].

Такого же мнения придерживался и Б. А. Куфтин, указывая, «что прямые свидетельства о местном производстве кобанских бронз связаны уже не с кобанским могильником Северной Осетии, а с территорией Грузии, откуда происходят единственные известные нам пока литейные формы для настоящих кобанских топоров» [76, с. 218].

На влияние колхидской культуры на кобанскую и на то, что ряд типов материальной культуры в кобанскую культуру привнесены из Западной Грузии указывал и Е. И. Крупнов [72, с. 70].

Не останавливаясь на рассмотрении аналогичных суждений других авторов [54, с. 58; 61, с. 111], которые кобанскую культуру считали культурой колхов, следует отметить, что об инфильтрации из Колхиды в Центральный Кавказ отдельных этнических потоков говорят не только археологические данные. В этой связи привлекают внимание весьма любопытные языковые факты, установленные проф. В. И. Абаевым.

В. И. Абаев в осетинском языке засвидетельствовал слова «с бесспорными чертами мегрело-чанской или занской ветви

картвельских языков» [2, с. 20]. Более того, по мнению автора этот лексический материал «составляет неотъемлемую часть основного словарного фонда и входит в него так же органически, как индоевропейский слой» (В. И. Абаев, 1978, стр. 47). Таким образом, по мнению автора, здесь мы имеем дело не с заимствованием, а субстратным лексическим слоем [2, с. 22; 3, с. 47, 48]. Любопытно, что в осетинском сохранились и такие занские (западно-грузинские) формы, которые в занском в настоящее время не существуют и могут быть восстановлены посредством данных осетинского языка [3, с. 48]. Такой же субстратный занский слой засвидетельствован и в армянском языке [3, с. 48]. Если наличие в армянском занской лексики [63] сравнительно легко объяснить многовековым непосредственным соприкосновением в районе верховьев рр. Аракса, Куры и Чорохи армянских и занских (западно-грузинских) племен, что привело к образованию смешанного армяно-занского населения в лице армен-халибов (*gens Armenochalibes*), упоминаемых Плинием (Plin., NH., VI, 29), то в случае взаимоотношений колхов с осетинскими племенами дело обстоит сложнее, т. к. по имеющимся данным, они никогда не соприкасались непосредственно между собой. Единственный явный след соприкосновения колхидского мира с Центральным Кавказом проявляется с одной стороны в проникновении в Центральный Кавказ колхидской бронзы, а с другой в наличии колхидской лексики, в качестве субстратного пласта, в осетинском языке. Нам кажется, естественным, возможность увязки этих двух явлений. Существует возможность и их общей синхронизации. Дело в том, что территории Колхиды, которые непосредственно примыкали к Центральному Кавказу и откуда должны были проникать заноязычные этнические потоки, как будет показано ниже, по крайней мере, с середины I тысячелетия до н. э. подверглись интенсивной картизации (грузинизации), так что проникновение заноязычных элементов явление более раннее.

Таким образом, Центральный Кавказ, по-видимому, стал тем местом, где носители колхидской культуры принесли свою бронзовую культуру, смешались с местными племенами, а впоследствии, слившись с предками осетинского народа, их речь и образовала субстратный языковый пласт осетинского языка. На инфильтрацию колхских элементов в кобанский край, имевшей место, по-видимому, и раньше, быть может указывает колхидская керамика из могильника Верхней Рутхи, на которую, в свое время, обратил внимание Е. И. Крупнов, [71, с. 36].

В этой связи привлекает внимание то обстоятельство, что почти во всех районах, где засвидетельствовано проникновение колхидской бронзы, везде в местной топонимии наличествует занский (западногрузинский, мегрело-чанский) языковый пласт.

Так обстоит дело в Арагвском ущелье, где обнаружены клады колхидского бронзового инвентаря и где в местной топонимии до сих пор бытуют занские названия [137, с. 139]. Еще более насыщена занскими названиями топонимия Месхети (Центральная часть Южной Грузии) в течении всего исторического периода картоязычного края, непосредственно примыкающего к древнейшему очагу колхидской культуры—Чорохскому бассейну. Более того, в топонимии данного края засвидетельствованы занские окаменевшие формы, которые претерпели последующие изменения в живой мегрельской речи и в топонимии Центральной Колхиды и указывающие на наличие в центральной части Южной Грузии (Месхети) древнейшего занского слоя [155, с. 170—171; 102, с. 28].

В археологическом отношении в Месхети наблюдается типологически аналогичная с Северной Осетией картина. Здесь широко распространены определяющие формы колхидской бронзы — почти все варианты колхидского топора, мотыга, сегментовидное орудие, колхидские гравированные поясные пряжки, отдельные формы колхидской керамики. Находки колхидского материала в Месхети увеличиваются с каждым годом. Здесь в с. Теловани была найдена литейная форма колхидского топора, которой полностью соответствует колхидский топор, найденный в с. Митарби того же края [120, с. 100; 49, № 2, с. 47], свидетельствующие о местном производстве отдельных колхидских орудий. Однако, в Месхети наряду с элементами колхидской культуры, сильно ощутимы и элементы восточно-грузинской культуры и отдельные элементы, характерные именно этому краю. Таким образом, Месхети в эпоху поздней бронзы представляется нам областью смешения разных соседствующих культур, которой присущи и характерные для этой области элементы*.

То же самое можно сказать и о Северной Осетии эпохи поздней бронзы-раннего железа. Несмотря на то, что на втором этапе эпохи поздней бронзы не трудно заметить много общих элементов в культурах Колхиды и Центрального Кавказа, их все-же следует различать, т. к. помимо ощутимого хронологического разрыва между начальными этапами этих культур, они резко отличаются друг от друга типом жилищ и поселений, особенностями быта, погребальным обрядом, керамикой, способом орнаментации и орнаментом глиняной посуды, комплексом металлических орудий, основные элементы (топор-цалди, мотыга, сегментовидное орудие) которого, кроме колхидского топора, совершенно чужды кобанской культуре. Поэтому, по-видимому, правомерны мнения А. А. Иессена и Е. И. Крупнова, которые

* Такие области в немецкой археологической литературе назывались *Mischzone* (см. с. 188, 16—18, 23—24).

различали колхидскую культуру Западной Грузии и кобанскую культуру Центрального Кавказа [59, с. 80; 73, с. 80 сл.].

Что касается возможных путей проникновения в Центральный Кавказ колхидского этно-культурного потока, то они проходили, повидимому, через Рионское ущелье к северной части современной Юго-Осетинской Автономной Области, а оттуда через перевальные дороги в современную Северную Осетию и быть может, вниз по течению Большого Лиахви в Картли. В этом отношении показателен Цхинвальский клад, комплекс, в котором почти одинаково представлены предметы колхидской и восточно-грузинской бронзы. Отсутствие в Тлийских комплексах эпохи поздней бронзы восточно-грузинского бронзового инвентаря, в частности, секир [150, 151, 152], наличествующих в Цхинвальском кладе почти в равном количестве с колхидскими топорами должно указывать на то, что колхидская бронза в Картли распространялась и с севера по Лиахвскому ущелью и что одной из точек соприкосновения колхидской и восточно-грузинской (иберийской) культур было среднее течение Большого Лиахви [79, с. 18—19].

Таким образом, из вышеизложенного вполне очевидно, что в Колхиде в эпоху средней и поздней бронзы засвидетельствованы совершенно своеобразные, отличающиеся от соседних культур и генетически тесно взаимосвязанные материальные культуры. Исходным для этих культур являются памятники конца III тысячелетия, в частности, поселения Испани, Пичори, Анаклия II, в особенностях которых уже наличествует ряд элементов, нашедших свое дальнейшее развитие в последующих культурах Колхиды.

Основными очагами культур эпохи средней и ранней этапов поздней бронзы, где эти культуры представлены комплексно всеми составными компонентами (типом жилищ и поселений, однородными керамикой и орнаментом глиняной посуды, однородными формами и составом металлических изделий) являлись бассейны рр. Чорохи (Гарпас, Акампис, Апсар — древних авторов) и верховьев Куры, по-видимому, один из самых древних очагов, Риони (Фасис античных авторов), Цхенисцкали (Гиппантичных авторов) и Ингури. Судя по прототипным формам колхидского топора (гагрский и пицундский топоры), при отсутствии пока других компонентов, одним из древнейших очагов колхидской культуры следует считать и Северо-Западную Колхиду.

Колхида та страна, которая уже с VIII в. до н. э., т. е. с эпохи поздней бронзы-раннего железа в урартских и древнегреческих источниках одновременно упоминается под именем страны колхов именно там, где локализуется древнейший очаг производства и становления колхидской бронзы, и на юге которой уже в это время существует государственное образование

этого народа [106]. И в последующем периоде, в середине I тысячелетия, на обширной территории от р. Аpsар (р. Чорохи) до Диоскурии, (современный Сухуми) античными авторами упоминается лишь один народ—колхи, что указывает не только на этническую однородность населения этой страны, но и на политическую ее целостность [106, 102, глава I и IV].

Что же касается вопроса этнической принадлежности колхов, создателей и носителей этих культур, то они относятся к западно-грузинским-заноязычным (мегрело-лазский) племенам*. О тождестве колхов и лазов (чанов), до настоящего времени живущих в Юго-Западной Колхиде и в примыкающем к ней Турецком Лазистане, кроме прямых указаний источников (анонимного источника V в. н. э. и византийского писателя VI в. н. э. Агафия) говорит полное совпадение пределов распространения рассмотренного выше археологического материала и древнейшей топонимии не только Центральной Колхиды, где занская (мегрельская) речь и сейчас в обиходе, но и Северо-Восточной (Рача-Лечхуми) Восточной (Имерети) и Юго-Восточной Колхиды (Гурия, Аджария, Месхети), грузинизация (картизация) которых началась, по крайней мере, в середине I тысячелетия до н. э., а в IV в. до н. э. нашла свое отражение в политических актах правителей Иберии, назначавших правителями упомянутых частей Колхиды своих ставленников [64, с. 24]. С этого времени в северо-восточной, восточной и юго-западной частях Колхиды широко распространились грузинские географические названия в то время как сравнительно малочисленный занский (мегрело-лазский) топонимический пласт, отражающий следы первичного населения края, представлен в виде реликта.

Как отмечалось выше в топонимии отдельных из этих исторических областей Колхиды, в частности, Юго-Западной Грузии, засвидетельствованы, древнейшие, окаменевшие формы географических названий, которые претерпели закономерное изменение в той части Колхиды, где мегрельская речь по сей день в употреблении (об этом подробно [101, с. 26—29; 102, с. 9—75]).

Таким образом, заноязычные (мегрело-лазские) топонимы Восточной и, что самое главное, Южной Колхиды, одного из древнейших очагов колхидской бронзы, где представлен полный комплекс колхидских бронзовых изделий и наиболее четко прос-

* О времени распада грузино-занского языкового единства существуют разные мнения. В свое время мы попытались показать, что процесс выделения занского этнического единства от грузино-занского был завершен к началу II тысячелетия до н. э. [102, с. 3—75]. Весьма важно, что известные советские лингвисты Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов на основании открытия ими в греческом языке заимствования картвельских форм «...с характерным занским вокализмом»..., «...распад грузино-занского диалектного единства» относят к началу II тысячелетия до н. э. [27, с. 909].

леживается развитие ведущих форм этих изделий, явление, возникшее до середины I тысячелетия до н. э. Более позднее возникновение занских (мегрело-лазских) топонимов в этих краях полностью исключается в виду происходящего процесса грузинизации.

Исходя из этих данных с одной стороны и из очевидной преемственной связи между рассмотренными выше культурами с другой, в которых не замечаются более или менее ощутимые следы культурной инфильтрации извне, создателями и носителями этих культур представляются колхи. Поэтому эти культуры, справедливо называть колхскими, а выделяющиеся в их развитии периоды древнейший, древний, средний и поздний, соответственно-протоколхским, (ПРК) древнеколхским (ДРК), среднеколхским (СРК), позднеколхским (ПК) периодами (табл. XXXVII).

Не касаясь среднеколхского и позднеколхского периодов, умещавшихся между VI в. до н. э. и VI в. н. э., надо отметить, что на основании имеющегося, в настоящее время, материала протоколхский период быть может следует разделить на два этапа, первый из которых вмещает вторую половину или конец III тысячелетия и представлен поселением Испани, нижним слоем Пичори, Анаклиа II. Этот этап характеризуется появлением первых образцов трубчатообушных топоров и бронзовых мотыг, наряду с простой, черной и серой керамики, распространением чернолощеной посуды, наличием керамики с отпечатками ткани и циновок. Второй этап охватывает I половину II тысячелетия и представлен поселениями Анаклиа I (II—III слои), Носири (I—II слои), а также случайно обнаруженными изделиями металлической индустрии (табл. XXXVII). Для этого этапа характерны: появление богатоорнаментированной желобчатым и жаберным орнаментом керамики, широкое распространение трубчатообушных топоров, появление прототипов колхидских топоров.

Характерным типом поселений протоколхского периода было, по-видимому, хуторное поселение с срубными жилыми и хозяйственными постройками.

Древнеколхский период тоже следует разделить на два этапа. Первый этап, который охватывает вторую половину II и, по-видимому, начало I тысячелетия до н. э. и представлен поселениями Цкеми, Саэлиаво, Зурга, Наохваму, V слоем Намчедури и т. д., а также множеством кладов бронзовых изделий, горнорудными выработками. Первый этап древнеколхского периода отличается бурным развитием бронзовой индустрии, окончательным формированием ведущих типов колхидских топоров, появлением таких орудий, как цалди, плоский топор, сегментовидное орудие новых форм керамики, украшенных сочетанием желобчатого узора с гребенчатым.

Второй этап охватывает первые века I тысячелетия до н. э. до конца VII в. и представлен культурными слоями в с. Чаладиди, с. Носири, на жилом холме Намарну средним слоем Даблагоми, верхним слоем Наохваму, верхним горизонтом Тамыша, поселением Сухумской горы и т. д., а также могильниками Уреки, Нигвзиани, Мухурча, Эргета, Палури, Мерхеули, Красный маяк, Гуадику, Куланурхва, поздними кладами бронзовых изделий, железоплавильными мастерскими и т. д. Этот этап является переломным и характеризуется глобальным распространением форм, как керамических, так и металлических изделий по всей Колхиде, образованием мощных железопроизводящих очагов, последовательным вытеснением бронзовых орудий труда и оружия железными, появлением железного лемеха, началом новой эры в развитии колхидского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббаев В. И. Мегрелизмы в осетинском. В сб.: Осетинский язык и фольклор. Москва, 1949.
2. Аббаев В. И. Типология армянского и осетинского языка и кавказский субстрат. В кн.: Sprache und Gesellschaft, Iena, 1970.
3. Аббаев В. И. Ammeno—Ossetica. ВЯ № 6, 1978.
4. Абесадзе Ц., Бахтадзе Р., Двали Т., Джапаридзе О., К истории меднобронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958.
5. Абрамишвили Р. М., К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV—XI вв. до н. э.), СГМГ, т. XXII—В., 1961 (на груз. яз. с русским резюме).
6. Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на самтаврском могильнике. СГМГ, т. XIX—А и XXI—В, 1957 (на груз. яз. с русским резюме).
7. Амيرانашвили Ш. Я. История грузинского искусства. Тбилиси, 1944 (на груз. яз.).
8. Апакидзе Дж. Недавно найденные бронзовые топоры в двуречье Ингури и Абаша. В ж. «Дзеглис мегобари» («Друг памятника»), 57, 1981 (на груз. яз.).
9. Археологические экспедиции Государственного музея Грузии I—VI, Тб., 1971—1978.
10. Археология Грузии, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
11. Барамидзе М. В., Пхакадзе Г. Г., Бжания В. В., Шамба Г. К., Чигишвили Т. Э., Квирквелия Г. Т., Хубутия Г. П., Отчет археологической экспедиции Абхазии., ПАИ—1979, Тбилиси, 1982.
12. Барамидзе М. В. и др. Основные итоги работ археологической экспедиции Абхазии. ПАИ—81, Тбилиси, 1984.
13. Барамидзе М. В. и др. Основные итоги работ археологической экспедиции Абхазии. ПАИ—82, Тбилиси, 1985.
14. Бардавелидзе В. В. Главное божество древнегрузинского пантеона Гмерти. В сб. «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952.
15. Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
16. Бардавелидзе В. В. Образцы грузинского (сванского) обрядового графического искусства. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).
17. Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии, Тбилиси, 1983.

18. Б ж а н и я В. В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии, СА, № 1, 1966.
19. Б и т т е л ь К. Археологические остатки бронзовых изделий из Артвина. Изв. ИИЯМК, II₂, 1938 (на груз. яз.).
20. Б ю л л е т е н ь комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, М.-Л., 1949.
21. В е р х н и й п л е й с т о ц е н. Стратиграфия и абсолютная геохронология. М., 1966.
22. В о р о н о в Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
23. В о р о н о в Ю. Н., Г у м б а М. М. Новые памятники Колхидской культуры в Абхазии, СА, № 2, 1978.
24. В у л л и В. У р Х а л д е е в. Москва, 1961.
25. Г а б е л и я А. Н., Поселения колхидской культуры (автореферат канд. диссертации), М., 1984.
26. Г а м б а ш и д з е О. С. Тхморский клад. Тбилиси, 1963 (на груз. яз., с русским резюме).
27. Г а м к р е л и д з е Т. В., И в а н о в В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы, ч. II, Тбилиси, 1984.
28. Г з е л и ш в и л и И. А. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964.
29. Г з е л и ш в и л и И. А. Клад колхидских топоров из Амбролаурского района. Изв. АН ГССР, т. XII, № 4, 1951.
30. Г е о р г и к а (греческие тексты византийских источников с грузинским переводом и комментариями С. Г. Каухчишвили), т. III, Тб., 1936.
31. Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Холм Нацаргора близ гор. Сталинири. В сб. «Мимомхилвели», II, 1951.
32. Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии, Тбилиси, 1952 (на груз. языке).
33. Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургия в окрестностях с. Геби. Сообщения АН ГССР, т. XIII, № 3, Тбилиси, 1952.
34. Г о б е д ж и ш в и л и Г. Ф. Памятники древнего горного дела в Раче. В Журнале «Дзеглис-мегобари» («Друг памятника»), № 6, 1966 (на груз. яз.).
35. Г о г а д з е Э. М. Культура поселений Колхиды эпохи бронзы и раннего железа. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
36. Г о г а д з е Э. М. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры (по материалам Носири-Мухурча). Вестник Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашия, XXXVII—V, Тбилиси 1984.
37. Д е к а п р е л е в и ч Л. Л. Основные культуры эпохи Шота Руставели. «Материальная культура эпохи Руставели, Тбилиси, 1938.
38. Д е н и с о в а В. И. Коропластика Боспора. Ленинград, 1981.
39. Д ж а в а х и ш в и л и А. И., Ч у б и н и ш в и л и Т. Н. Удийский клад. «Сабчота Хеловнеба» (Советское искусство). № 4, 1959, (на груз. яз.).
40. Д ж а в а х и ш в и л и А. И., Г л о н т и Л. Н. Урбиси, I, Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).

41. Джанашиа С. Н. Общественные науки в Советской Грузии к 20-й годовщине Октябрьской Социалистической Революции. Изв. ИИЯМК, I, 1937 (на груз. яз.).
42. Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953.
43. Джапаридзе О. М. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
44. Джапаридзе О. М. Земледельческие орудия Западной Грузии. Труды Тбилисского Госунта, 49, Тбилиси, 1953 (на груз. яз. с русским резюме).
45. Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз. с русским резюме).
46. Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии меднобронзовой культуры, Тбилиси, 1961 (на груз. яз. с русским и английским резюме).
47. Джапаридзе О. М. Дольменная культура Грузии, Труды Тбилисского университета, т. 77, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
48. Джапаридзе О. М. Эпоха средней бронзы в Грузии. Очерки истории Грузии, т. I, Тбилиси 1970 (на груз. яз.).
49. Джапаридзе О. М. Западная Грузия в позднебронзовом периоде. Изв. АН ГССР (серия истории, археологии, этнографии и истории искусства), Тбилиси, 1982, № 1 и № 2.
50. Дундуа Г. Ф. К генезису колхидок с изображением льва. В ж. «Мацне», серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1972, № 1.
51. Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, № 2.
52. Збенович В. Г. Позднетриольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.
53. Ивашенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935.
54. Ивашенко М. М. Материалы к изучению культуры колхов. МИГК, вып. 2, Тб., 1941.
55. Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935.
56. Иессен А. А. Сухумская экспедиция. ГАИМК, СА, 1937, III.
57. Иессен А. А. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.-Л., 1939.
58. Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ленинград, 1947.
59. Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, М.-Л., 1951.
60. Кавтарадзе Г. А. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии, Тбилиси, 1983.
61. Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953 (на груз. яз. с русским резюме).

62. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
63. Капанкян Гр. О взаимоотношении армянского и лазско-мегрельского языков. Ереван, 1952.
64. Картлис Цховреба (История Грузии), т. I (грузинский текст), Тбилиси, 1955.
65. Каухчишвили Т. С. Известия греческих писателей о Грузии (древнегреческие тексты с грузинскими переводами, комментариями), II, Тбилиси, 1969.
66. Кинк Х. А. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. М., 1970.
67. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант, Москва, 1977.
68. Коридзе Д. Л. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965 (на груз. яз., с русским резюме).
69. Краснов Ю. А. Древние и средневековые рала Восточной Европы, СА, № 3, 1982.
70. Краснов Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий. СА, № 4, 1978.
71. Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, М.-Л., 1951.
72. Крупнов Е. И. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, № 1.
73. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, Москва, 1960.
74. Куфтин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. Сообщения Гос. музея Грузии, XII—В, 1944.
75. Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII.
76. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949.
77. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II, Тбилиси, 1950.
78. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
79. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.
80. Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа, Ленинград, 1970.
81. Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси, 1978.
82. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида (миф и археология). Тбилиси, 1979.
83. Лукин А. Л. Неолитическое селище Кистрых близ Гудаут. СА, XII, 1950.
84. Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, Ленинград, 1941.
85. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысяч. до н. э.), М., 1960.
86. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
87. Марковин В. И. О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа. КСИА—161, М., 1980.

88. Марковин В. И. К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе. КСИА, 169, 1982.
89. Марковин В. И. Новейшие вопросы изучения дольменов Западного Кавказа в связи с проблемой их происхождения. КСИА, № 177, 1984.
90. Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.
91. Маруашвили Л. И. Физическая география Грузии, ч. I, Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
92. Маруашвили Л. И. Физическая география Грузии, ч. II, Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
93. Меликишвили Г. А. Наир-Урарту, Тбилиси, 1954.
94. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации древнего Востока, Москва, 1982.
95. Мелюкова А. И. Вооружение скифов, Москва, 1964.
96. Менабде В. Л. Ботанико-систематические данные о хлебных злаках древней Колхиды. Сообщ. груз. филиала АН СССР, т. I, № 4, Тбилиси, 1940.
97. Микеладзе Т. К. Археологические исследования в низовьях р. Риони (материалы к истории древнего Фасиса), Тбилиси, 1978 (на груз. яз. с русским резюме).
98. Микеладзе Т. К. «Анабасис» Ксенофонта. Древнегреческий текст с грузинским переводом, введением и комментариями. Тбилиси, 1967.
99. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. Колхский могильник VII—VI вв. до н. э. в с. Нигвзиани. КСИА, 151, М., 1977.
100. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. О некоторых итогах исследований в Колхидской низменности в зонах новостроек. Сб.: «Археологические исследования на новостройках Груз. ССР», Тбилиси, 1976.
101. Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (автореферат докторской диссертации), Тбилиси, 1969.
102. Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья, Тбилиси, 1974 (на груз. яз. с русским и английским резюме).
103. Микеладзе Т. К., Мухелишвили Д. Л., Хахутайшвили Д. А. Колхидская археологическая экспедиция: ПАИ—1978, Тбилиси, 1981.
104. Микеладзе Т. К., Хахутайшвили Д. А. Древнеколхидское поселение Намчедури. Тбилиси, 1985.
105. Микеладзе Т. К. К локализации племен металлургов Юго-Восточного Причерноморья. Мацне (Орган отделения общественных наук АН ГССР), т. III, 1966 (на груз. яз.).
106. Микеладзе Т. К. К вопросу о периодизации истории древней Колхиды. «Вопросы древней истории» (Кавказско-ближневосточный сборник, IV), Тбилиси, 1973.
107. Микеладзе Т. К. Колхидские могильники эпохи раннего железа (Урекский и Нигвзианский могильники), Тбилиси, 1985 (на груз. яз. с русским резюме).

108. Микеладзе Т. К., Хахутайшвили Д. А. Отчет о полевых исследованиях Колхидской археологической экспедиции, ПАИ—1979, Тб., 1982.
109. Микеладзе Т. К. Основные результаты полевых исследований Колхидской археологической экспедиции, ПАИ—1980, Тбилиси, 1982.
110. Микеладзе Т. К., Мигдисова Н. П., Папуашвили Р. И., Исследования Колхидской археологической экспедиции, ПАИ—1981, Тбилиси, 1984.
111. Микеладзе Т. К., Мигдисова Н. П., Папуашвили Р. И. Основные итоги полевых исследований Колхидской экспедиции, ПАИ—1982, Тбилиси 1985.
112. Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. Изв. Арх. ком. вып. 33, СПб, 1909.
113. Миндели Э. Д., Чанишвили В. Ф., Муджири Т. П. К истории добычи медных и сурьмяных руд в древности. «Пхерви симпозиум по истории на миного дело в Юговосточна Европа». Сборник, доклады. Варна, 1975, т. II, София, 1976.
114. Муджири Т. П. О технике проходки и крепления подземных выработок в древней Грузии (Верхняя Рача) в эпоху бронзы. В сб. «Горное давление и крепление выработок», III, Тб., 1977.
115. Муджири Т. П. Исторические сведения о добыче и переработке руд в древней Грузии. В сб. «Технология добычи и обогащения полезных ископаемых в Грузии», Тбилиси, 1975.
116. Муджири Т. П., Квирикадзе М. В. Полевые исследования техники древних медных хрзаботок Грузии и в верховьях р. Бзыбь. В сб. «Рациональные методы добычи и обогащения полезных ископаемых Грузии», Тб., 1978.
117. Муджири Т. П., Чанишвили В. Ф., Тогонидзе Г. И. К истории техники добычи медных и сурьмяных руд в древней Грузии. В сб. «Вопросы истории естествознания и техники АН СССР», вып. 3—4 (56—57), Москва, 1977.
118. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
119. Мухелишвили Л. В. Отчет о работе в 1933 г. Фонды института рукописей им. К. Кекелидзе АН ГССР. Архив Л. Мухелишвили № 27 (на груз. яз.).
120. Ниорадзе Г. К. Археологические разведки в ущелье р. Куры. Вест. Музея Грузии XIII—V, Тбилиси, 1944 (на груз. яз.).
121. Ниорадзе Г. К. Археологические раскопки в Колхиде. Сообщ. ИИЯМК, т. X, 1941 (на груз. яз.).
122. Ниорадзе Г. К. Археологические памятники Квишари. Сообщ. ГМГ, XV—V, Тбилиси, 1948 (на груз. яз.).
123. Ниорадзе Г. К. Археологические находки в селе Квишари. СА, XI, 1949.
124. Окропиридзе Н. И., Барамидзе М. В., Палурское «Садзвле» (итоги работ 1968 г.). Материалы к археологии Грузии и Кавказа, Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).
125. Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культуры (автореферат канд. дисс.), Тбилиси, 1975.

126. Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. I, Ереван, 1950.
127. Пиотровский Б. Б. Поселения медного века в Армении. СА, XI, М. Л., 1949.
128. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке, Москва, 1977.
129. Погребова М. Н., Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1884.
130. Полевые археологические исследования. Тб., 1973—1979.
131. Пхакадзе Г. Г. Барамидзе М. В. Бжания В. В., Шамба Г. К., Квирквелия Г. Т.
132. Чиггошвили Т. Э., Хубутия Г. П. Основные итоги работ археологической экспедиции Абхазии, ПАИ—1978, Тбилиси, 1981.
133. Рамишвили А. Т., Из истории материальной культуры Колхети, Батуми, 1974 (на груз. яз. с русск. резюме).
134. Рамишвили А. Т. Прибрежные стоянки в Кобулетском районе. Тр. Батумского НИИ, III, Тб., 1964 (на груз. яз.).
135. Рамишвили А. Т. О назначении стоянок с «текстильной керамикой» Восточного Черноморья. СА, 1975, № 4.
136. Рамишвили А. Т. К датировке прибрежных стоянок в Пичвнари. Мацне, 1974, № 2.
137. Рамишвили Р. М. Некоторые вопросы взаимоотношений между горными и низменными районами Восточной Грузии по новым археологическим материалам Арагвского ущелья. В сб.: Жинвальская экспедиция». Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
138. Резепкин А. Д. О распространении дольменов Западного Кавказа. КСИА, вып. 169, 1982.
139. Рехвиашвили Н. Кузнечество в Раче. Тбилиси, 1953, стр. 155—156 (на груз. яз.).
140. Сахарова Л. С. Бронзовые клады из Лечхуми. Тб., 1976 (на груз. яз. с русским резюме).
141. Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Труды АБИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1958.
142. Соловьев Л. Н. Погребение дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. Труды АБИЯЛИ, т. XXXI, Сухуми, 1960.
143. Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. СА, XIV, 1950.
144. Соловьев Л. Н. Энеолитическое селение у Очамчирского порта в Абхазии, Сухуми, 1939.
145. Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире. Труды АБГМ, вып. I, Сухуми, 1947.
146. Спидин А. А. Карта бронзового века Восточной Европы, Seminarium Kondakovianum, II, Prague, 1928.
147. Стражев В. И. К азантскому дольмену. Изв. Абхазского научного о-ва, вып. IV, Сухуми, 1926.
148. Стражев В. И. Бронзовая культура в Абхазии. Изв. Абх. научн. о-ва, вып. 4, Сухуми, 1926.

149. Такайшвили Е. С. О сачхерском кургане Шорапанского уезда. Известия Кавказского отделения Московского археологического о-ва, вып. 3, Тифлис, 1913.
150. Техов Б. В. Тлийский могильник, I, Тбилиси, 1980.
151. Техов Б. В. Тлийский могильник, II, Тбилиси, 1981.
152. Техов Б. В. Тлийский могильник, III. Тбилиси, 1985.
153. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. Москва, 1977.
154. Техов Б. В. Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974.
155. Топурия Г. В. О реальности одной гипотетической формы из ареала занского языка. Ж. «Мацне» («вестник»), 1968 (на груз. яз.).
156. Трапш М. М. Труды, I, 1970.
157. Трапш М. М. Труды, II, 1969.
158. Тураев Б. А. История древнего Востока, I, Ленинград, 1936.
159. Тураев Б. А. История древнего Востока, II, Ленинград, 1936.
160. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900.
161. Флавий Арриан. Путешествие вокруг Черного моря (греческий текст с грузинским переводом и комментариями Н. Кечегмадзе), Тбилиси, 1961.
162. Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа, МИА, 102, 1962.
163. Хахутайшвили Д. А. К хронологии колхидско-халибского центра древнежелезной металлургии «Вопросы древней истории». (Кавказско-Ближневосточный сборник), V, Тбилиси, 1977 (на руск языке).
164. Хахутайшвили Д. А., К истории древнеколхидской металлургии железа. «Вопросы древней истории (Кавказско-Ближневосточный сборник)», IV, Тбилиси, 1973.
165. Хахутайшвили Д. А. К вопросу о первичных центрах зарождения и развития металлургии железа. Сб., посвященный 100-летию со дня рождения акад. И. Л. Джавахишвили, Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
166. Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде, Тбилиси, 1987.
167. Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширвана, Ереван, 1975.
168. Хоштария Н. В. Диха Гудзуба, Древнейшее поселение Колхидской низменности. Сообщ. АН ГССР, т. V, № 2, Тбилиси, 1944.
169. Хоштария Н. В. Археологические исследования Уреки. В сб.: «Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I, Тбилиси, 1955.
170. Цвинария И. И. Археологические раскопки в селе Отхара в 1975 году. В сб.: «Материалы по археологии Абхазии». Тбилиси, 1979.
171. Цвинария И. И. Раскопки дольмена № 1 с кромлехом в с. Отхара Гудаутского р-на, ПАИ—1976, Тбилиси, 1979.
172. Чайльд Г. Прогресс и археология, М., 1949.
173. Чайльд Г. У истоков европейской цивилизации, Москва, 1952.
174. Чайльд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. Москва, 1956.
175. Чартолани Ш. Г. Археологические памятники эпохи бронзы из Сванети (Каталог), Тбилиси, 1977.
176. Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь Осетии. Тбилиси, 1977 (автореф. докторской диссертации).
177. Шамба Г. К. Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974.

178. Bittel K., Güterbock H. G. Bogazköy, Berlin, 1935.
179. Boehmer R. M. Die Kleinfunde von Bogazköy, Berlin, 1972.
180. Branigan K. Aegean metalwork of the early and middle Bronze age. Oxford, 1974.
181. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. II, Paris, 1886.
182. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase, Paris-Lyon, 1886.
183. Čičikova M. Frührakische Siedlungen in Bulgarien. Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa, Bratislava, 1974.
184. Garstang J. Prehistoric Mersin (Jüyük Tepe in Southern Turkey), Oxford, 1953.
185. Hancar F. Die Beile aus Koban in der Wiener Sammlung kaukasischer Altertümer. Wiener Prähistorische Zeitschrift, XXI, Wien 1934.
186. Jvaščenko M. M. Beiträge vorgeschichte Abchasiens, ESA, VII, Helsinki, 1932.
187. De Jesus P. S. The development of prehistoric mining and metallurgy in Anatolia. Oxford, 1980.
188. Jahn M. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völker in der Vorgeschichte. Berlin, 1953. (рукопись).
189. Jantzen U. Ägyptische und orientalische Bronzen aus dem Heraion von Samos. Samos, VIII, Bonn, 1972.
190. N. Koligz. Die Frühbronzezeit in Nordost-Ungarn (Abriss der Geschichte des 19—16 Jahrhunderts v. U. Z.), Budapest, 1968.
191. Lloyd, S. Early Anatolia, The Archaeology of Asia Minor before the Greeks. London and Tonbridge, 1956.
192. Maxwell-Hyslop R. Western Asiatic Shaft-hole axes. „Iraq“, vol. XI. part 1, 1949.
193. Mikeladze T. K. Die früh eisenzeitlichen Grabstätten in der Zentralen Kolchis, 1983. (рукопись).
194. Mikeladze T. K. und D. A. Chachutashvili. Niméhuri ein bronze-bis eisenzeitlicher Siedlungshügel am Schwarzen Meer—: „Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie“, B. 6. 1984.
195. Przeworski St. Der Grottenfund von Ordu, AO, 8, 1936.
196. Przeworski St. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit vom 1500 bis 700 vor chr. Internationales Archiv für Ethnografie, XXXIV, Leiden, 1939.
197. Rostovzev M. L'âge de cuivre dans le Caucase Septentrional. Revue archéologique, XII, Paris, 1920.
198. Rostovzev M. The Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922.
199. Safflund G. Le tarramare delle provincie di Modena, Reggio Emilia, Parma, Piacenza. Leipzig, 1939.
200. Snodgrass A. Early Greek Armour and Weapons from the end of the Bronze Age to 600 b. c. Edinburg, 1964.
201. Sulimirski T. Eine Kobaner Frachtart von Winiza (Ukraine), Festschrift Franz Hancar. Wien, 1962.

202. T a l l e g r e n A. M. Kaukasus Bronzezeit, Reallexikon der vorgeschichte, VI, Berlin, 1927—1928.
203. V i r c h o v R. Das Graberfeld von Koban in Lande der Osseten, Berlin, 1883.
204. Virchov R. Kaukasische Prähistorie, Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1881.
205. V i r c h o v R. Über die Kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus und Transkaukasischen Gräbern, Berlin, 1895.
206. Wilke G. Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donaugebietes. Zeitschrift für Ethnologie, H. I, Wien, 1908.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБГМ — Абхазский государственный музей.
ВДИ — Вестник древней истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. ИИЯМК — Известия Института истории, языка и материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
ПАИ — Полевые археологические исследования
СА — Советская археология
СГМГ — Сообщения Государственного музея Грузии
Труды АБИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории
ЦАИ АН ГССР — Центр археологических исследований Академии наук Грузинской ССР
АО—Archiv orientalinī
ESA—Eurasia Septentrionalis Antiqua

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

- Абаев Б. И. — 75—76
 Агафия — 79
 Айэт — 73
 Александр Полигистор — 66
 Амиранашвили Ш. Я. — 82
 Анакидзе Дж. — 9
 Аннолоний Родосский — 4
 Арриан — 65
 Барамидзе М. В. — 9, 33
 Багдавелидзе В. В. — 82
 Биттель К. — 9, 60
 Болтунова А. И. — 7, 13
 Воронцов Ю. Н. — 9
 Габелиа А. Н. — 15, 133
 Гамбашидзе О. С. — 9
 Гамкредидзе Т. В. — 79
 Ганчар Ф. — 9
 Геродот — 4
 Гзелишвили И. А. — 9
 Гобеджишвили Г. Ф. — 9
 Гогадзе Э. М. — 9, 14, 15, 22, 25, 33
 Гоголишвили В. М. — 7
 Гунба М. М. — 9
 Джавахишвили А. И. — 9
 Джанашиа С. Н. — 10
 Джаларидзе О. М. — 5, 6, 9, 15
 Доманский Я. В. — 9
 Иванов В. В. — 79
 Иващенко М. М. — 5, 9, 10
 Иессен А. А. — 8, 9, 10, 11, 12, 42, 68, 75, 77
 Иванишвили А. К. — 9
 Иванишвили Г. В. — 71
 Картарадзе Г. Л. — 26
 Каландадзе А. Н. — 9
 Кварквелиа Г. Т. — 9
 Кларк Р. М. — 25
 Коридзе Д. Л. — 9, 14
 Крупнов Е. И. — 46, 75, 76, 77
 Куфтин Б. А. — 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 28, 35, 38, 55, 56, 75
 Лордкипанидзе О. Д. — 9
 Макалатиа С. И. — 7
 Марковин В. И. — 6
 Микеладзе Т. К. — 22
 Миллер А. А. — 5
 Молотков А. Н. — 22
 Муджири Т. П. — 69
 Мунчаев Р. М. — 6
 Мухелишвили Д. Л. — 86
 Мухелишвили Л. В. — 9
 Ниорадзе Г. К. — 8, 9, 13
 Окропиридзе — 9
 Паничава Л. Н. — 9
 Плиний — 76
 Пржееский Ст. — 9
 Пхакадзе Г. П. — 33
 Рамишвили А. Т. — 9
 Рамишвили Р. М. — 88
 Резенкин А. Д. — 6
 Сахарова Л. Г. — 9
 Соловьев Л. Н. — 5, 6, 9
 Спицын А. А. — 9
 Стефан Византийский — 66
 Страбон — 4
 Стражев В. Н. — 9
 Супидулуума — 43
 Talligmen А. М. — 91
 Трапиш М. М. — 9, 60
 Тураев Б. А. — 89
 Уварова П. С.
 Фидий — 66
 Формозов А. А. — 89
 Хакхутайшвили Д. А. — 22, 51
 Хоштариа Н. В. — 9, 14
 Хютт Т. И. — 22

Чантуриа А. И. — 8, 13

Чартолани Ш. Г. — 9

Челидзе З. А. — 22

Чибиров Л. А. — 89

Чубинишвили Т. Н. — 9

Цвиная И. И. — 89

Шамба Г. К. — 9

Элиава Г. К. — 9

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абаша р. — 14, 31

Абашский р-н — 16

Абхазия — 15

Абхазская АССР — 5, 42, 45, 46

Абгархук с. — 67

Аджара — 5, 79

Адлер — 4, 25

Азербайджан — 59

Акампене р. — 4, 78

Алак — 29

Амбролаурский р-н — 48, 50

Анаклия с. — 7, 8, 13, 14, 16, 17, 18,
20, 24, 26, 31, 34, 35, 72, 73, 78, 80

Анатолия — 68

Апсар р. — 4, 78, 79

Арагви р. — 77

Аракс р. — 9, 76

Армения — 29, 41, 59

Артвин — 32, 41, 51

Асфана — 70

Атлантический бассейн — 4

Ачандара — 49

Балканы — 29

Батуми — 14, 51, 70

Бедени — 20

Бериклдеби — 20

Берлин — 65

Ближний Восток — 74

Бобсквати — 45

Богазкей — 43, 44, 45, 48

Бедорна с. — 41

Болгария — 21

Большой Кавказ — 4, 32, 70

Большой Лиахви р. — 78

Бомбора — 63

Боржомское ущелье — 57

Брили — 6, 27, 29, 59, 74

Вакиджвари — 45

Бедицкари — 33

Верхний Кобан — 75

Верхняя Рутхи — 76

Внутренняя Картли — 24

Восточная Грузия — 4, 6, 7, 23, 24,
29, 36, 41, 45, 46, 47, 55, 56, 57,
59, 63

Восточная Европа — 9, 21, 60

Восточное Закавказье — 23

Восточная Колхида — 44, 49

Восточное Средиземноморье (Хана-
ан) — 24

Гагра — 5, 28, 40, 78

Галнат с. — 29—50

Галис р. — 43

Гантцеди с. — 28, 29, 51

Герпас р. — 4, 78

Греди с. — 47, 48

Гипп — 78

Горадзири — 58

Горная Колхида — 62

Грмагеле — 41

Грузинская ССР — 4

Грузия — 7, 9, 10, 14, 23, 41, 42, 44,
45, 55, 66, 72, 74

Гуадику г. — 60, 72, 81

Губазаули р. — 70

Гульрипи — 14

- Гульрипшский р-н — 14
 Гумбати с. — 41
 Гурия — 59, 79

 Даблагоми — 20, 24, 36, 44, 81
 Дгваба — 49, 59—54, 56, 57
 Джвари — 46
 Джиханджури — 70
 Дигора — 7
 Диоскурия — 79
 Дунайский бассейн — 21

 Европа — 60

 Закавказье — 7, 9, 11, 32, 46
 Западная Анатолия — 68
 Западная Грузия — 4, 5, 7, 8, 10, 12, 17, 27, 37, 44, 70, 72, 73, 75, 78
 Западная Колхида — 49
 Западное Закавказье — 4, 6, 9, 10, 23, 29, 42, 75
 Западное Причерноморье — 12
 Згудери — 25
 Зенити — 45
 Зугдидский р-н — 8, 17, 56

 Иберия — 79
 Имерети — 79
 Ингури р. — 4, 7, 8, 13, 14, 16—22, 27, 30, 31, 46, 50, 68, 72, 78
 Ингульская долина — 8
 Ингульская Сванетия — 27
 Ипари — 27
 Италия — 18

 Кавказ — 5, 6, 10, 11, 12, 40, 54, 74
 Кавказский хр. — 38
 Калининкай — 29
 Карс — 32
 Картли — 20, 50—78
 Кастионе — 18, 23, 25
 Квалони с. — 7, 16
 Квасатали — 7
 Квишари — 28, 40
 Квемо Чаладиди — 14
 Кепри-Кеон — 41
 Киш — 28

 Кобан — 9, 55, 56, 64
 Кобулет — 14, 16, 18
 Кодори — 33, 34, 35
 Колхида — 4, 5, 6, 7, 8, 10, 13, 14, 15, 16, 19, 21, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79
 Колхидская низменность — 4, 8, 16, 18
 Колхидская равнина — 4
 Котиора (совр. Орду) — 4
 Краснодар — 25, 46
 Красный Маяк — 37, 58, 61, 81
 Куланурхва — 50, 59, 61, 81
 Кулбакеви — 29
 Кумбульта — 56
 Кура р. — 9, 68, 76, 78
 Курзия — 16
 Кутаиси — 16, 44, 50, 51
 Лазистан — 4
 Лаилаши — 48
 Легва — 70
 Лемнос — 29
 Лентехи — 27
 Лечхуми — 43, 68
 Лиахвский бассейн — 38
 Лиахвский хр. — 32
 Луристан — 28

 Малая Азия — 9, 11, 29, 36, 44, 46, 48, 60
 Малый Кавказ — 4
 Мартвильский р-н — 16
 Марелин Дереси — 46
 Махунцети — 43
 Мачара — 14, 25, 31
 Меджврисхеви — 29
 Мелекедури — 46
 Мерхеули — 62, 81
 Мерсин — 44, 48
 Месопотамия — 9, 11
 Месхети — 77, 79
 Месхет-Джавахеги — 46, 50
 Митарби с. — 77
 Мухурча — 49, 50, 62, 64, 68, 81

Натанеби р. — 10, 70
Нигвзани — 37, 53, 58, 59, 62, 66,
71, 81
Новосвободная — 6
Носири с. — 14, 16, 17, 19, 20, 21, 22,
24, 25, 26, 33, 34, 80, 81
Нули — 7, 38

Обинела р. — 40
Оджола — 49
Орду — 32, 41, 43, 44, 47, 48
Очамчире — 20, 24, 25, 33
Очхамури р. — 70

Палури — 50, 53, 57, 58, 62, 81
Парма — 35
Пасанаури — 50
Патрикети — 16
Передняя Азия — 63
Пиленково — 28, 40
Пицунда — 28, 40, 42, 78
Пичори с. — 16, 18, 19, 20, 22, 23, 24,
25, 26, 30, 72, 78, 80
Пичори р. — 14, 19
По р. — 18, 21
Придунайские страны — 64
Приингурье — 31
Прикубанье — 42
Приморское с. — 35, 56, 57, 61
Причорохский край — 10
Причерноморье — 43
Псоу р. — 25

Рача — 29
Рача-Лечхуми — 79
Риони р. — 4, 7, 9, 14, 16, 27, 31, 50,
62, 69, 78
Рионская низменность — 8, 14, 78
Россия — 29

Саирхе — 49
Самеба — 45
Самос — 64
Сардиния — 21
Сачхере — 5, 6, 24, 27, 30, 50
Сачхерский р-н — 50

Саэлиава с. — 14, 16, 32, 33, 34, 35,
80
Сванети — 28, 29, 42, 44, 46, 50, 68
Северная Горная Колхида — 42
Северная Осетия — 75, 77, 78
Северное Причерноморье — 12, 24, 64
Северный Кавказ — 11, 29
Северный Тавр — 68
Северо-Восточная Малая Азия
Северо-Восточное Причерноморье —
25
Северо-Западная Колхида — 5, 6, 14,
15, 25, 37, 49, 63, 67
Северо-Западный Кавказ — 6
Сенакский р-н — 46
Сналк — 55
Симонети с. — 44
Синатле с. — 48, 49
Сочи — 25
Стырфаз — 23
Сулори с. — 50
Сухуми — 61, 62, 79
Сузы — 29
Супса — 70
Сурамский (Лихский) хр. — 4

Тамыш — 33, 81
Тбилиси — 41
Теловани — 77
Теменос — 64
Тепе—Хазинех — 28, 29
Терегвани — 46
Терско-Рионский водораздел — 9
Техури р. — 14, 31
Тли — 23, 37, 38, 56, 57, 78
Триалети — 24, 46, 59
Триполье — 64
Туапсе — 4
Турецкий Лазистан — 79

Уде — 51
Ур — 28
Уреки — 28, 30, 37, 41, 50, 53, 56, 58,
59, 62, 63, 67, 71, 81
Уруп с. — 29

Фаси, гора — 4
Фасис р. — 4, 66, 78
Фаскау — 50
Франция — 35

Хашури — 56
Хоби — 50
Хулойский р-н — 43

Цагерский р-н — 50
Центральная Анатолия — 29
Центральная Колхида — 14, 31, 35,
49, 68, 77, 79
Центральный Кавказ — 40, 75, 76, 77,
78
Цецхлаури — 70
Цихидзири — 45
Цкеми с. — 14, 16, 18, 19, 32, 33,
34, 35, 80
Цхалтубский р-н — 50
Цхенискали р. — 50, 68, 78
Цхинвали — 78

Чансубани — 51
Чаладиди с. — 18, 32, 81
Чарнали — 70
Черное море — 4, 68
Черноморское побережье — 5
Чога — 70
Чолоки р. — 70

Чорохи р. — 4, 70, 76, 78, 79
Чорохский бассейн — 70, 77
Чорохский край — 10
Чхорнали — 69

Шамшадинский р-н — 41
Швейцария — 35
Шида Картли — 46

Эгейский бассейн — 29, 36, 64
Элам — 23, 28
Эрге с. — 41
Эргета с. — 24, 37, 45, 49, 50, 51,
54, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 71, 72, 81
Эрзерум — 29, 41
Эстонская ССР — 22
Эшера — 5, 35, 49, 61, 62

Юго-Восточная Колхида — 79
Юго-Западная Грузия — 46, 79
Юго-Западное Закавказье — 41
Юго-Западная Колхида — 14, 24, 41,
53, 50, 53, 58, 70, 79
Юго-Осетинская А. О. — 38, 46, 78
Южная Грузия — 46, 51, 77
Южная Колхида — 79
Южный Кавказ — 7, 11, 29

Язиликая — 48

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ

Абгархук — 67
Акинак — 59
Алишар — 44, 45, 48
Анаклия I — 8, 13, 14, 16, 18, 19,
20, 21, 22, 24, 26, 31, 33, 34, 73, 80
Анаклия II — 14, 17, 18, 19, 20, 21,
22, 23, 24, 26, 27, 30, 31, 33, 35,
73, 78, 80
Анатолия — 68
Анахита — 65
Андрюковская станица — 40
Аргонавты — 73
Астрата (Аштрата) — 65

Археология Грузии — 7, 14
Археология Колхиды — 13, 14, 15
Археоманитная датировка — 52

Бадья — 33, 36
Бериклдееби — 20
Ближний Восток — 74
Бляхи бронзовые, ажурные — 67
Боказ—Кей — 43, 44, 45, 46, 48, 60
Бомборский клад — 63
Босло—Котро — 66, 67
Булава — 52
Булавка — 6, 41

Бусы — 60
 Бык (божество) — 67, 73
 Бюю—Келе — 60

 Ваза — 37, 38
 Ваза с симметрично посаженными ручками — 39
 Ваза с одной ручкой и вогнутым венчиком — 39
 Виноград (виноградные косточки) — 17, 72
 Вкладыши серпов, кремневые — 34, 72
 Вторичное захоронение — 63
 Выработки (Штольнообразные, вертикальные) — 69

 Галька — 18, 61
 Гальштатский период — 60
 Горное дело — 10, 11, 63
 Горн сыродутный — 71
 Горшок — 33, 36
 Гостибский клад — 47
 Гофрированная поверхность — 21
 Гривна — 57, 75
 Грузино—Занское языковое единство — 79

 Данаен — 68
 Джаргвали — 19
 Диха—Гудзуба — 7, 18, 13
 Днище — 24
 Дольмен (-ы) — 5, 6, 23
 Дольмены абхазские — 6
 Дольмены северокавказские — 6
 Дольменная культура — 6
 Древнеколхский — 13, 18, 19, 80
 Дренаж — 19

 Железо — 70
 Железо сварочное — 71
 Железные изделия — 52
 Железоплавильные мастерские — 52
 Железопроизводительные очаги — 52
 Колхиды — 70, 81
 Желудь — 72
 Жилище — 19, 32, 73, 77

Западнотурецкие племена (мегрело-чаны и сваны) — 10, 31, 68
 Земледелие — 71, 73, 74
 Земледелие мотыжное — 26, 31
 Зурга — 14, 16, 18, 32, 33, 34, 35, 73, 80

 Инана — 65
 Испани — 14, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 31, 35, 78, 80
 Иссида — 65
 Иштар — 65

 Калибрационная дата — 26
 Калибрационная кривая — 26
 Каменная индустрия — 24, 25
 Каменная мотыга (-ы) — 34
 Каменные орудия — 34
 Каменный ящик — 7
 Каннелюры — 21, 35, 36, 37
 Картвельские племена — 42
 Картвельский язык — 75, 79
 Кастионе — 18, 20, 23, 25
 Каштан — 17, 72
 Квасатальский могильник — 7
 Квишарский клад — 28, 40
 Кекелури Зуга — 21, 22, 26
 Кельты — 60
 Кельтообразное орудие (-ия) — 40, 42
 Керамика — 7, 12, 15, 19, 20, 22, 26, 30, 31, 33, 35, 36, 37, 38, 46, 53, 54, 58, 71, 74, 77, 80
 Керамика с отпечатками ткани и циновки — 22, 24, 72, 80
 Керамика куро—араксского типа — 24
 Керамика кухонная — 24, 36, 37
 Кибела (Рея) — 65, 66
 Кинжал — 54, 55
 Кинжал бронзовый, цельнолитный — 53, 54, 56, 57, 58, 69
 Кинжал бронзовый черенковый — 55, 58
 (железный)
 Кинжал железный — 52, 53, 54, 57, 58, 59

- Кинжал железный с бронзовой рукоятью — 53, 58
- Кинжал «переднеазиатского» типа — 57, 59
- Кинжал ромбовидный в поперечном сечении — 55, 58
- Кинжал линзовидный в поперечном сечении — 55, 58
- Кинжал севанского типа — 59
- Клад (-ы) — 14, 16, 26, 31, 47, 48, 51, 77, 81
- Клад Мелекедур — 46
- Клад с. Сипатле — 48
- Клад Сухумской горы — 42
- Клад Уде — 52
- Клинок (-) — 41, 58
- Клинок листовидный медного кинжала — 23
- Кобанский вариант колхидской бронзы — 12
- Кобанская бронза — 10, 75
- Кобанская культура — 40, 464, 66, 74, 77
- Кобанский могильник — 9, 75
- Кобанский период — 8
- Колха — 68
- Колхи — 31, 71, 73, 75, 78, 79
- Колхида — 4, 5, 6, 7, 8, 10, 13, 15, 16, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79
- Колхидки — 67
- Колхидская бронза — 9, 10, 39, 40, 42, 43, 45, 47, 48, 49, 52, 57, 68, 76, 77, 78, 79
- Колхидская гравированная бронза — 50
- Колхидская керамика — 21, 27, 31, 36, 38, 39, 47, 57
- Колхидская культура — 9, 10, 11, 38, 40, 42, 43, 44, 46, 50, 56, 57, 74
- Колхидские культуры (протоколхская, древнеколхская, среднеколхская, позднеколхская) — 31, 80
- Колхидский могильник (-и) — 36, 38, 39, 53, 54, 55, 58, 60, 65
- Колхидские поселения — 8, 12, 14, 16, 18, 19, 26, 30, 31, 32
- Колхидско—кобанская культура — 12
- Колхидско—кобанская эпоха — 13
- Кольца височные (в полтора оборота) — 6, 23, 24
- Корчага — 33
- Красномаяцкий могильник — 37, 61
- Кромлех (-и) — 5, 6, 56
- Кружка (-и) — 20, 33, 34, 37, 38, 53
- Кружка банкообразная — 37
- Кружки бочкообразные — 37
- Кружки на ножке (бокалообразные) — 37
- Кружки с суживающимся низом — 37
- Кружка со сливом — 36, 37
- Кубок (-и) — 37, 39
- Кубок бокалообразный 37, 38
- Кубок с острым дном, воронкообразный — 38
- Кубок с плоским дном, воронкообразный — 38
- Кувшинчик со сливом — 37, 38, 39, 53
- Куланурхвинский могильник — 50, 59, 61, 81
- Кулха — 68
- Култ Быка — 67
- Культовые памятники — 32
- Культовая площадка — 53
- Курганные погребения — 6
- Культуры Восточной Грузии — 6
- Кюль—Тепе — 41
- Лазы (чаны) — 79
- Латенский период — 60
- Лезвие — 42, 43
- Лемех (-и) — 45, 53
- Лемех втульчатый — 60
- Лемех железный — 59, 60, 71, 73, 81
- Литейная форма (-ы) — 31, 45, 68
- Литейные формы бронзовых изделий — 48
- Литейные формы бронзовых мотыг — 25, 30

Литейные формы трубчатообушных топоров — 26, 27, 29
Литейная форма колхидского топора — 29, 77
Льен — 71

Магнетитные пески — 70
Мамулинебис Диха—Гудзуба — 24, 72
Мачарское поселение — 14, 31
Маха (эндемная порода пшеницы) — 72, 74
Мегалитическое сооружение — 6
Мегрело—чаны (заны) — 75, 79, 80
Медь — 69
Мелкая пластика — 50
Мерсина — 48
Металлические изделия — 7, 11, 27, 69
Металлический инвентарь — 68
Металлическая индустрия — 60, 68, 69, 70
Металлообрабатывающие очаги Колхиды — 30, 45
Металлообработка — 11, 68
Металлоплавильные мастерские — 32
Металлургия — 11, 68—69
Металлургия бронзовая — 11
Металлургия железа — 52
Металлургические центры — 10
Моги́льник (-и) — 12, 32, 35, 37, 45, 60, 63
Моги́льник Верхней Рутхи — 76
Моги́льник Кепри—Кеойе — 41
Моги́льники Марелин—Дереси — 46
Модель (деревянная, трубчатообушного топора) — 29
Мотыга (-и) — 27, 29, 31, 39, 44, 45, 46, 47, 51, 71, 72, 74, 77
Мотыга бронзовая — 27, 46, 53, 80
Мотыга каменная — 25, 26
Мотыги продолговатой формы — 46
Мотыга каменная, Сочи—Адлерского типа — 23
Мотыга железная (-ые) — 53, 60, 71, 73
Мышьяк — 69
Мышьяковая бронза — 28

Наконечник
Наконечник копья (-ев) — 35, 50, 52, 53, 54, 55
Наконечник роговой (пирамидальный) — 23
Наконечники стрел — 53, 54, 55
Наконечник стрелы бронзовый, вгультчатый — 35
Наконечник стрелы бронзовый, черенковый — 36, 46, 53
Наконечник стрелы, железный (черенковый) — 36
Наконечник стрелы кремневый (с выемчатым основанием) — 24, 34
Наконечник стрелы кремневый (с симметричной выемкой) — 23, 24
Наконечник стрелы кремневый, черенковый — 24, 25, 26, 34
Наконечник стрелы обсидиановый — 23
Наконечник стрелы скифский — 53
Намарну — 19, 81
Намчедури — 14, 16, 18, 19, 22, 32, 33, 34, 35, 36, 48, 72
Наохваму — 7, 8, 9, 13, 14, 16, 17, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 80, 81
Настил галечный — 33
Настил деревянный — 18, 33
Настил плетневый — 18, 19
Насыпь — 16, 17
Нацаргоре — 21, 38
Начвис Зуга — 21, 22, 26, 34
Неолит — 8, 64
Нигвзиани — 37, 45, 48, 53, 58, 59, 62, 66, 71, 81
Нож изогнутый — 60
Нож железный — 53, 71
Носирское поселение — 24, 25
Носирский холм — 26
Носители колхидской культуры — 6
Нульский моги́льник — 7
Обжиг (черный, серый, коричневатый) — 20, 21, 33
Обряд сооружения дольменов — 6
Обух — 41, 50
Обух клинообразный — 42
Обух опущенный — 12

- Обух острый, двускатный — 43
- Обух трубчатый (трубчатость о.) — 12, 28
- Олово — 28
- Ордуйский склад — 43, 44
- Орех — 72
- Орнамент — 21, 33
- Орнамент гребенчатый — 33, 36, 80
- Орнамент волнообразный — 20, 21, 53
- Орнамент глиняной посуды — 20, 77
- Орнамент жаберный (жаброобразный о.) — 21, 33
- Орнамент желобчатый — 21, 22, 33, 34, 80
- Орнамент зигзагообразный — 20, 21
- Орнамент «паркетный» — 34
- Орнамент лунчатый — 33
- Орнамент спиральный — 21
- Очаг — 19
- Очамчирское поселение — 24
- Очамчирский холм — 20

- Палурский могильник — 50, 53, 57, 58, 62, 81
- Пасанаурский клад — 50
- Плетень — 18, 19
- Пифос колхидский — 39
- Плуг — 73
- Погребение — 48
- Погребальный инвентарь — 7, 55
- Погребальный комплекс (-ы) — 23, 24, 36, 39, 45, 48, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 60, 61, 65, 73
- Погребение кувшинное — 50
- Погребальный обряд — 6, 61, 62, 63, 77
- Погребальное сооружение (-ия) — 6
- Погребальная яма — 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 63
- Подвески медные, мотыгообразные — 30
- Позднетрипольский — 24
- Полная кремация — 62, 63
- Поселение (-ия) — 12, 15, 16, 17, 22, 24, 26, 31, 32, 33, 34, 48, 74, 77, 80
- Поселение бронзового века — 9
- Поселения Колхиды — 16
- Поселение полузащищенного типа — 19
- Поселения приморские, промысловые — 32
- Посуда столовая — 37
- Пояс бронзовый, гравированный — 57
- Пояс листовой бронзы — 50
- Пояс из ногтеобразных вдавлений, сосуда — 36
- Пряжка поясная — 53, 59, 64, 75
- Пряжка поясная, бронзовая, с железной инкрустацией — 52
- Пряжка поясная, гравированная — 50
- Предкобанский период — 8

- Радиоуглеродное датирование (р-ый метод датирования) — 22, 52, 69
- Раннединастический период — 29
- Раннетрактийские поселения — 21
- Ремделло — 25
- Рудники — 69
- Ров — 19
- Роговые наконечники (пирамидальные) — 20
- Ручки, горизонтальные — 20, 22, 35
- Ручки шишкообразные — 21
- Рукоятка плоская, фигурная — 55
- Ручки с катушкообразными выступами — 34
- Ручки с вертикальными выступами — 34
- Ручки с роغوобразными выступами — 34, 53, 73
- Ручки — «птичья грудка» — 34
- Ручки с валикообразными поперечниками — 35, 36, 53
- Рукоять прямоугольная — 58
- Рукоять фигурная — 59

- Саелинаво — 14, 16, 32, 33, 34, 35, 80
- Самосский Герайон — 64
- Самтавро — 41
- Самтавройский могильник — 23

Сасиретский клад — 47
 Сачхерские курганы — 5, 6, 26, 27
 Сачхерский могильник — 30
 Северокавказская культура — 25
 Сегментовидное орудие (-ия) — 39, 44, 45, 46, 47, 51, 53, 60, 71, 72, 77, 80
 Сегментовидное орудие мотыгообразное — 45
 Сегментовидное орудие заступообразное — 45
 Секира — 41
 Серпы бронзовые — 46, 52, 72
 Серпы железные — 60, 71
 Серпы с гвоздевым креплением — 46
 Сналк — 55
 Симagre — 16, 17, 18
 Скотоводство — 71, 74
 Скульптуры — 63, 64, 65, 66, 67, 68
 Солонка — 20
 Сосуд с сосковидными выступами — 20
 Сосуды яйцевидной формы (с ленточными ушками) — 20
 Соха — 26
 Сруб — 19
 Срубная кладка — 17, 18
 Срубная культура — 29
 Срубная постройка — 18, 31, 74, 80
 Срубные сооружения — 26
 Срубный дом — 32, 33
 Сталь — 71
 Стратиграфия — 8, 13
 Стырфазский могильник — 56
 Сулори — 50
 Супилуилума — 43
 Супса — 70
 Сплав — 69
 Сурьма — 69
 Сурамская могила — 47
 Сухумская гора — 42, 47, 81

 Т — образные булавки — 6
 Твлепиа—Цкаро — 30
 Теменос — 30
 «Текстильная керамика» — 20, 24

Тепе—Хазинех — 28, 29
 Террамары — 18, 21, 23, 24, 35
 Тибарены — 44
 Тиара — 65, 66
 Тимпан — 65, 66
 Тлийский могильник — 23, 27, 32, 49, 57, 59
 Топонимия — 31, 77, 80
 Топор (-ы) — 12, 26, 39, 40, 47, 49, 50, 75
 Топорище — 29, 43
 Топор бронзовый — 53
 Топор вислообушный — 27, 28, 29, 42, 43, 74
 Топор висло—трубчатообушный — 12
 Топор гибридного типа, с дважды изогнутым корпусом, но с клинообразным обухом — 48, 49
 Топор гравированный, дважды изогнутый —
 Топор дугообразно изогнутый, узкокорпусный («Сачхерский» тип I) — 27
 Топор железный — 53, 60
 Топор из Гведи — 47, 48
 Топор каменный (просверленный) — 25
 Топор с клинообразным обухом — 48, 53
 Топор с крючкообразным концом (цалди) — 44
 Топор кобанский — 12
 Топор колхидский — 12, 30, 40, 41, 42, 43, 45, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 57, 59, 74, 77
 Топор малодифференцированный с круглым отверстием в обушной части — 23
 Топор медный — 43
 Топор с молотообразным обухом — 42, 48, 53
 Топор пицундский — 42, 43, 78
 Топор плоский, с плечиками — 42, 43, 44, 45, 47, 48, 51, 53, 54, 80
 Топор—серп — 27, 52
 Топор со скульптурами — 49, 50
 Топор трубчатообушный — 6, 27, 28, 29, 30, 31, 40, 43, 74, 80

- Топор—цалди — 39, 77
 Торфяник — 14
 Тулово — 40, 42, 43, 45, 46
 Тулово симметричное — 52
 Тхмөрский клад — 46

 Урекский клад — 30, 41
 Урекский могильник — 37, 53, 55, 58, 62, 63, 67, 71, 81
 Урна — 39
 Усататовское поселение — 24
 Ушко (ленточные ушки) — 20

 Фаскау (могильник) — 29, 50
 Фассиана (богиня) — 66
 Фатьяновская культура — 29
 Фестоны — 34
 Фибула — 75
 Фибула дугообразная, — 53, 54, 59
 Фибула смычковидная — 35

 Халибы — 44
 Хасаплу — 57
 Хуторное поселение — 33, 80

 Цалди — 44, 46, 74, 80
 Цепи бронзовые — 57
 Циклопическое поселение

 Триалети — 24

 Цхинвальский клад — 78

 Частичная кремация — 62, 63
 Черная керамика — 80

 Чернолощенная керамика — 20, 21, 22, 26, 80
 Чернофигурная керамика — 17

 Шевроны — 34, 37
 Шишковидные ушки — 33
 Шишкообразные выступы — 21, 22, 33, 34
 Шуацецхли — 19
 Штамп зубчатый — 33, 34
 Штольная (-и) — 69

 Эллинистический период — 17, 64
 Эпоха бронзы — 9, 15, 16, 17, 18, 19, 35
 Эпоха микенская — 35
 Эпоха поздней бронзы — 8, 9, 10, 12, 14, 15, 22, 23, 25, 28, 28, 29, 32, 33, 35, 36, 38, 40, 42, 44, 45, 46, 48, 52, 77
 Эпоха поздней бронзы раннего железа — 30, 32, 39, 47, 48, 54, 56, 59, 59, 77, 78
 Эпоха средней бронзы — 5, 6, 7, 8, 12, 14, 16, 19, 23, 25, 27, 30, 31
 Эпоха ранней бронзы — 29
 Эпоха раннего железа — 15, 32, 37, 65, 66, 73
 Эпоха ранних металлов — 25
 Эргетские могильники — 37
 Этническая однородность населения — 7
 Эшерский дольмен — 5, 43
 Эшерское кувшинное погребение — 35

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

I. Деревянные сооружения поселения Анаклиа II: 1. Сектор NO, 2. Сектор NW, деревянный настил.

II. Поселение Анаклиа II: 1. Кладка срубного сооружения; 2. Четырехугольное помещение.

III. Чернолощенная керамика из поселения Анаклиа II.

IV. 1—6 чернолощенная керамика из поселения Испани; 7—8, 10—11 простая керамика из поселения Анаклиа II; 9, 12 — посуда с отпечатками циновки и ткани из Анаклиа II.

V. Простая керамика из поселений Анаклиа II (1—8) и Испани (9—18).

VI. Образцы орнаментированной керамики из поселения Анаклиа II.

VII. Инвентарь из поселений Испани, Анаклиа II, Носири (I слой): 1—4 кремневые наконечники стрел из Испани; 5 — кремневый наконечник стрелы из I слоя Носири (по Е. М. Гогодзе); 6—10 — обсидиановый и кремневые наконечники стрел из Анаклиа II, II — костяной наконечник стрелы и 12—13 — литейные формы мотыг из Анаклиа II; 14—15 — литейные формы мотыги и топора из нижнего слоя поселения Пичори (по М. В. Барамидзе); 16, 18 — каменные топор и мотыга из нижнего слоя поселения Носири (по Е. М. Гогодзе); 17 — фрагмент литейной формы трубчатообушного топора из Испани.

VIII. Схема развития колхидских бронзовых топоров: 1—2 — топоры из Гантиади и Брили (по Д. А. Коридзе); 3, 5—10 — топоры из Сванети (по Ш. Г. Чартолани); 4 — топор из Эшерского V дольмена (по Б. А. Куфтину); 11—13 — топоры Урекского клада (по Д. А. Коридзе); 14—15 — топоры из Пиленково и Гагра (по А. А. Иессену); 16 — топор Квишарского клада (по Г. К. Нионадзе); 17—20 — топоры Урекского клада, из Эрге из Уреки и из Мелекедури (по Д. Л. Коридзе); 21 — топоры из Ипари (по Ш. Г. Чартолани), 22 — Пицунды (по А. А. Иессену) и 23 — Сухумского клада (по А. Н. Каландадзе); 24—27 — топоры Сухумского клада (по А. Н. Каландадзе), из Гведи (по Д. Л. Коридзе), из Орду (по Ст. Пржеворскому) и из Богазкея (по К. Биттелю и Г. Гютербоку); 28—29 — топоры из Рачи (по Д. Л. Коридзе); 30—31, 33 — из Абхазии (по Ю. Н. Воронову), 32, 34 — из Сванети (по Ш. Г. Чартолани), 35 — из Синатле (по И. А. Гзелишвили), 36 — из Мухурчи по Дж. Апакидзе, 37 — из Сурмуши (по В. Л. Коридзе), 38 — топор из погребения № 2 Эргетского могильника № 4; 39—40 — топоры из Брили (по Г. Ф. Гобеджишвили), 41 — топор из могильника Фаскау с. Галиат (по В. И. Марковину); 42 — топор из Урупа (по А. А. Иессену), 43 — топор из Сванети (по Ш. Г. Чартолани).

IX Земледельческие бронзовые орудия: 1—2 — контуры мотыг по литейным формам из Анаклиа II; 3—5 — мотыги из нижнего слоя центрального холма в с. Пичори (по М. В. Барамидзе); 6—8 — мотыги из Мелекедур и Урекского клада (по Д. Л. Коридзе); 9—14 — мотыги из Гурии и Аджарии (по Д. Л. Коридзе); 15—16 — мотыги из клада с. Тхмори (по О. С. Гамбашидзе) и с. Теревани (по Д. Л. Коридзе); 17—18 — из Сванети (по Ш. Г. Чартолани); 19—20 — из Зугдидского музея; 21—22 — из Абхазии (по Ю. В. Воронову); 23—30 — сегментообразные орудия из Аджарии, Кутаиси и Нижней Нога; 31—32 — из Теловани (по Д. Л. Коридзе); 33—34 — серпы из с. Опшквити по (Б. А. Куфтину); 35—36 — из Сванети (по Ш. Г. Чартолани); 37 — серп-топор из с. Окуреша (по Д. Л. Коридзе).

X—XI. Образцы керамики из разных поселений Колхиды.

XII—XV. Керамика погребальных комплексов раннежелезного века.

XVI. Бронзовые орудия: 1—10 — топоры-цалды из Юго-Западной Грузии (Гурия, Аджария, по Д. Л. Коридзе); 11—12 — топоры-цалды Экалаторского клада (по А. Т. Рамишвили); 13—15 — плоские топоры с плечиками из кладов Цихисдзир, Вакиджвари, Шрома (по Д. Л. Коридзе); 16 — плоский топор из Орду (по Ст. Пржеворскому); 17—19 — плоские топоры из Имерети (Багинети) Квишари и Гари (по Д. Л. Коридзе и Г. К. Ниорадзе); 20 — плоский топор из Урекского могильника; 21—23 — орудия с вертикальным отверстием для рукояти из Гантиади, Чайсубан и Артвина (по А. Т. Рамишвили и К. Биттелю); 24 — из погребальной ямы № 1 Эргетского могильника № 4; 25—26 — из Батумского музея (по О. С. Гамбашидзе) и 27 — из Кутаисского музея (по О. С. Гамбашидзе).

XVII. Колхидские гравированные топоры: 1 — из Ачандара (по Ю. Н. Воронову и М. М. Гунба); 2 — из Оджольского клада (по Д. Л. Коридзе); 3 — из Эшера (по Б. А. Куфтину); 4 — из Синатле (по И. А. Гзелишвили); 5 — из Мухурча (по Дж. Апакидзе).

XVIII. Колхидские топоры с скульптурными изображениями на обухе: 1 — из с. Сулори (по О. Д. Лордкипанидзе); 2 — из могильника Куланурхва (по М. И. Трапшу); 3—4 — из Гудаути (по А. Л. Лукину); 5—6 — из Тли (по М. Н. Погребовой); 7 — из с. Ожора (по Д. Л. Коридзе); 8 — из коллекции де Бая (по Д. Л. Коридзе); 9 — из Переви (по Д. Л. Коридзе); 10 — из Фаскау (по М. Н. Погребовой); 11 — из Пасанаурского клада.

XIX. Археологический материал из разрушенных погребений Урекского могильника.

XX. Определяющая часть инвентаря погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1 (составил Р. И. Папуашвили).

XXI—XXII. Определяющая часть инвентаря погребальной ямы № 1 Эргетского могильника № 3.

XXIII. Материал генетической связи бронзовых и железных изделий: 1 — бронзовый топор из погребальной ямы № 3 Урекского могильника; 2 — бронзовый плоский топор с плечиками из с. Анаклиа; 3 — бронзовый топор с плечиками из разрушенных погребений Урекского могильника; 4 — бронзовый топор — Цалди из с. Гантиади (юго-западная Грузия, по Д. И. Коридзе); 5 — бронзовая мотыга из погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1; 6 — бронзовое сегментообразное орудие из погребальной ямы № 5

Эргетского могильника № 1; 7 — рукоятка бронзового цельнолитого кинжала из погребальной ямы № 6 Эргетского могильника № 1; 8 — рукоятка бронзового кинжала из погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1; 9 — бронзовый кинжал из погребения № 47 Урекского могильника; 10 — бронзовый нож из погребальной ямы № 2 Эргетского могильника № 1; 11 — бронзовый наконечник стрелы из погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1; 12 — железный топор из погребальной ямы № 6 Эргетского могильника № 4; 13 — железный плоский топор с плечиками из погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1; 14 — железный плоский топор с плечиками из погребальной ямы № 3 Урекского могильника; 15 — железный топор-цалди из фондов Зугдидского музея; 16 — железная мотыга из погребальной ямы № 6 Эргетского могильника № 1; 17 — железный сегмент из погребальной ямы № 1 Эргетского могильника № 3; 18 — железная рукоятка железного кинжала из погребальной ямы № 1 Эргетского могильника № 4; 19 — железная рукоятка железного кинжала из погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1; 20 — железный кинжал из погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1; 21 — железный нож из погребальной ямы № 1 Эргетского могильника № 4; 22 — железный наконечник стрелы из погребальной ямы № 3 Урекского могильника.

XXIV. Типологические разновидности бронзовых кинжалов: 1 — кинжал из погребальной ямы № 2 Эргетского могильника № 1; 2 — кинжал из погребальной ямы № 1 Нигвзианского могильника; 3 — кинжал из погребения № 47 Урекского могильника; 4 — кинжал из Эргетского могильника № 2; 5 — кинжал из погребения № 18 Урекского могильника; 6 — кинжал из погребальной ямы № 3 Урекского могильника; 7 — кинжал из погребальной ямы № 6 Эргетского могильника № 1; 8 — кинжал из погребальной ямы № 2 Эргетского могильника № 1; 9 — кинжал из погребальной ямы № 1 Дгвабского могильника; 10 — кинжал из погребальной ямы № 6 Эргетского могильника № 1.

XXV. Типологические разновидности железных кинжалов: 1 — кинжал из Эргетского могильника № 1; 2 — кинжал из погребальной ямы № 1 Эргетского могильника № 4; 3 — кинжал из погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1; 4 — кинжал из погребальной ямы № 1 Эргетского могильника № 1; 5 — кинжал из погребальной ямы № 3 Урекского могильника; 6 — кинжал из погребальной ямы № 6 Эргетского могильника № 1; 7 — кинжал с бронзовой рукояткой из Палурского могильника (по Н. Окропирдзе и М. Барамидзе); 8 — рукоятка кинжала из погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1; 9 — кинжал из погребальной ямы № 6 Эргетского могильника № 1; 10 — кинжал из погребальной ямы № 1 Дгвабского могильника.

XXVI. Определяющая часть инвентаря погребальной ямы № 6 Эргетского могильника № 1: 1—3, 6—7 — керамика; 4, 9, 10—17, 24, 29 — железо; 5, 8, 18—23, 25—28, 30—32 — бронза.

XXVII. Бронзовые подвески, пряжки, фибулы из могильников Уреки, Нигвзиани, Дгваба, Эргета.

XXVIII. Бронзовые пинцеты (1—7, 9—20, 22, 26, 27), серебряная ажурная пряжка (8), железные пинцеты (21, 23—25) из могильников Уреки, Нигвзиани, Эргета, Дгваба.

XXIX. Бронзовые шейные гривны (1—18), золотые височные кольца (19), бронзовые височные кольца и браслеты (20—60) из могильников Уреки, Нигвзиани, Эргета.

XXX. Гравированный пояс из листовой бронзы из погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1 (1) и бронзовые пряжки с разных погребений Урекского и Эргетского могильников (2—38).

XXXI. Бусы из Урекского и Эргетского могильников: 1 — тальковые типа домино (погребальная яма № 5 Эргетского могильника № 1); 2 — сардовые и сардоликовые (погребальная яма № 3 Урекского могильника); 3 — пастовые (из погребальной ямы № 5 могильника № 1).

XXXII. Бусы из Эргетских могильников: 1 — гишеровые, 2 — опаловые (?).

XXXIII. Золотые бусы (1, 6, 11—20) и кольца из разных погребений Урекского, Эргетского и Двагбского могильников.

XXXIV. Железные и бронзовые сельскохозяйственные орудия из Урекского, Нигвзианского и Эргетского могильников: 1—2 — железные лемехи плугов, 3, 7, 9 — бронзовые изогнутые ножи, 4—5, 8, 10 — железные изогнутые ножи.

XXXV. Железные лемехи плугов из погребальной ямы № 1 Эргетского могильника № 3.

XXXVI. Бронзовая пластика: 1—2 — статуэтки богинь из погребальных ям № 6 Эргетского могильника № 1 и № 1 Эргетского могильника № 4; 3 — статуэтка богини с младенцем из Бомборского клада (по А. Л. Лукину); 4 — скульптура богини с младенцем из погребальной ямы № 3 Урекского могильника; 5 — скульптура богини с младенцем на лошади из Самосского герайона (по У. Янтцену); 6 — скульптура богини на лошади из Мухурчинского могильника; 7 — итифалическая скульптура мужчины из погребальной ямы № 6 Нигвзианского могильника; 8 — колесничий из Мухурчинского могильника (по Г. В. Элиава); 10 — скульптура быка и косули (?) из погребальной ямы № 3 Урекского могильника; 11—12 — скульптура лошади из погребальной ямы № 5 Эргетского могильника № 1 и быка с культурного слоя Эргетского могильника № 2; 13—14 — скульптуры леопардов (?) из погребальной ямы № 3 Урекского могильника.

XXXVII. Сводная таблица.

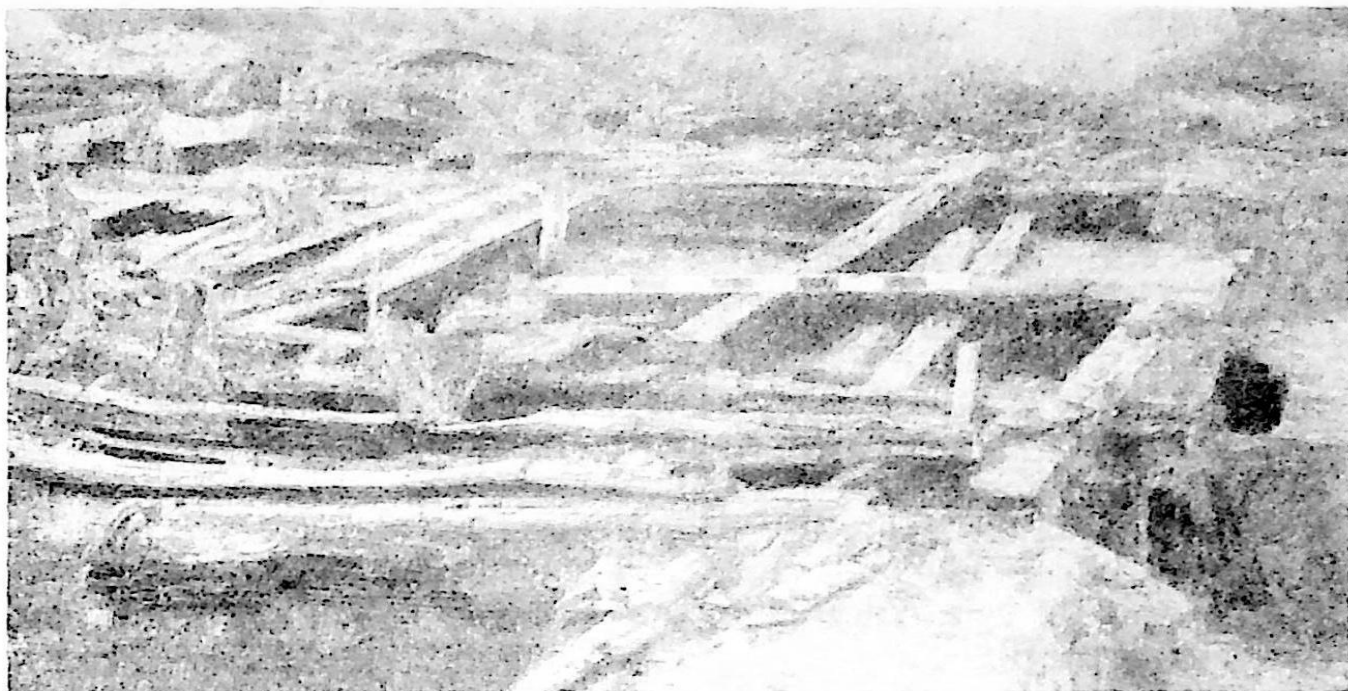
1

1

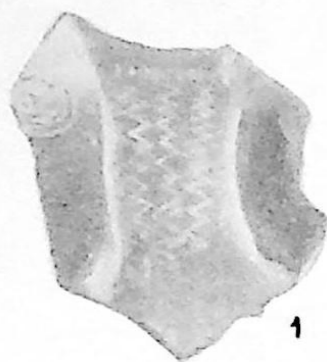
2

1

2

1

2

3

7

4

5

6

8

9

10

11

12

13

14

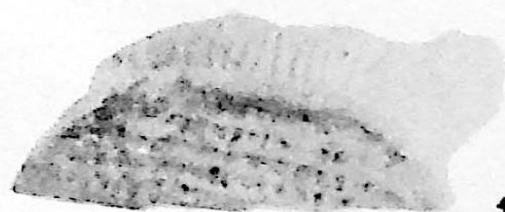
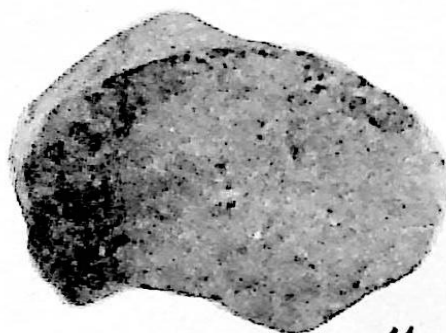
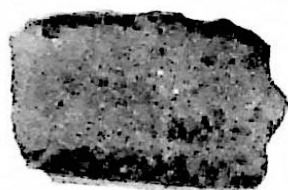
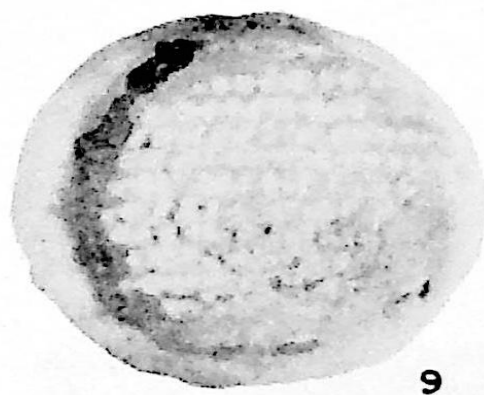
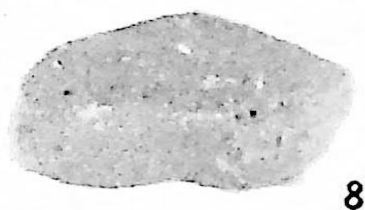
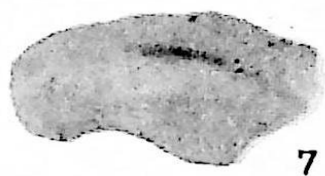
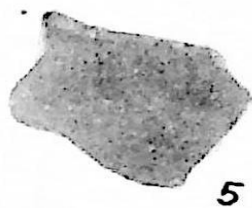
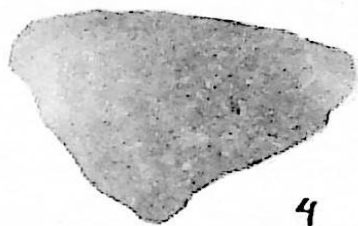
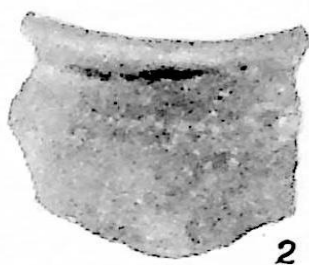
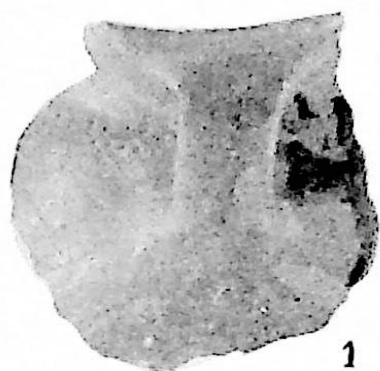

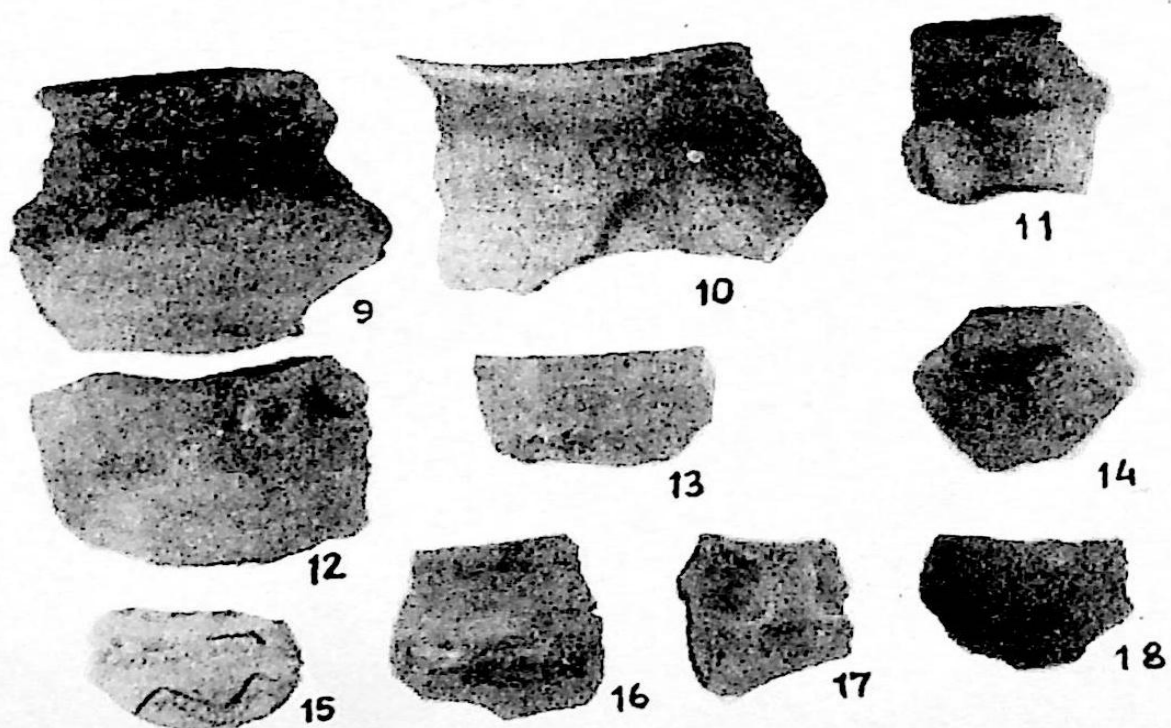
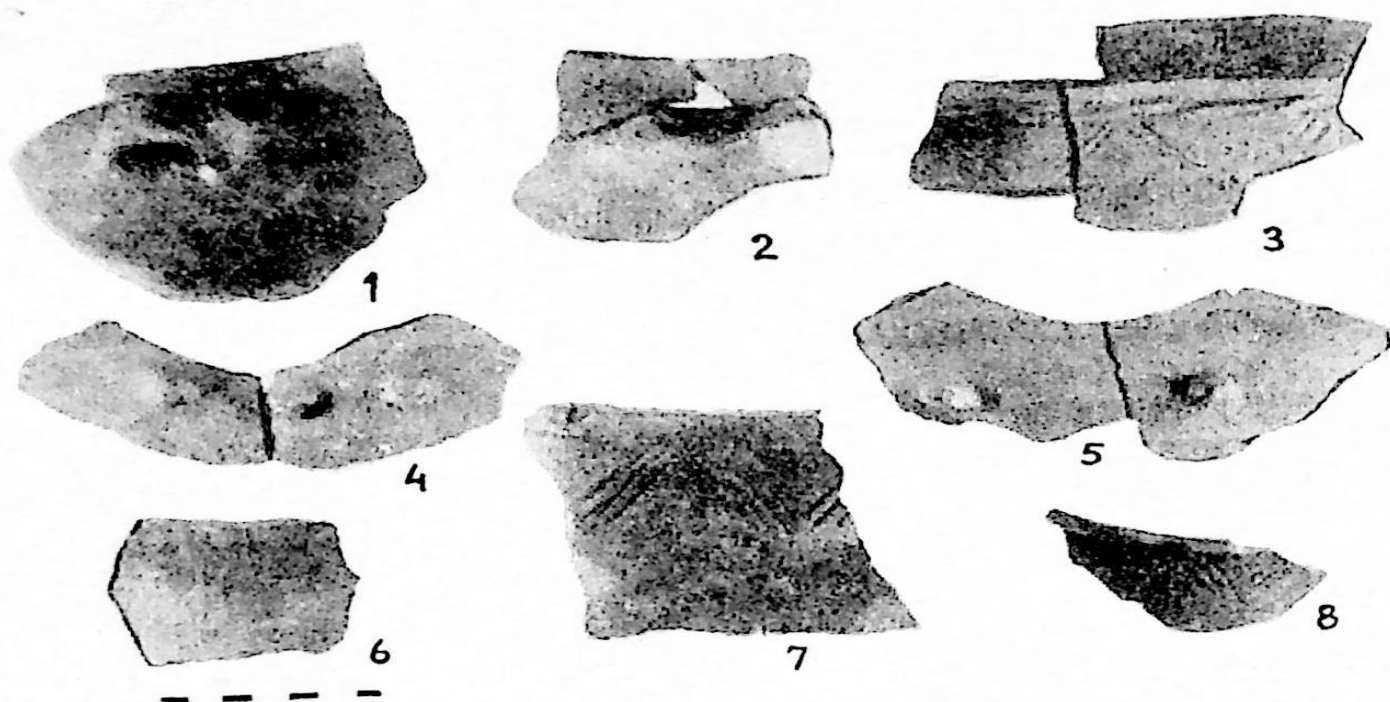
15

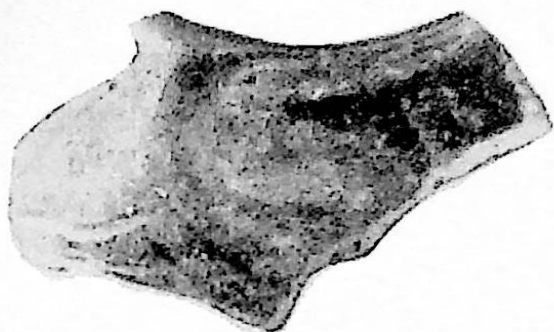

16

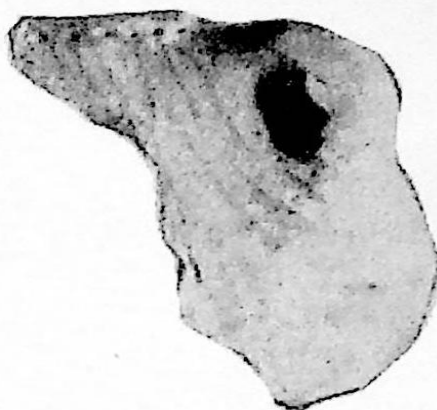

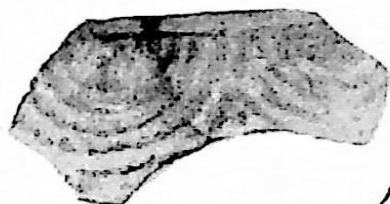
1

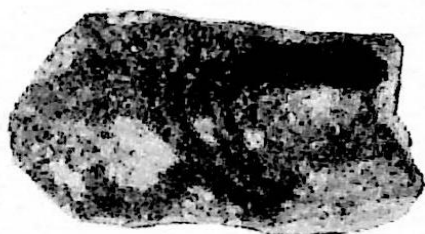
2

3

4

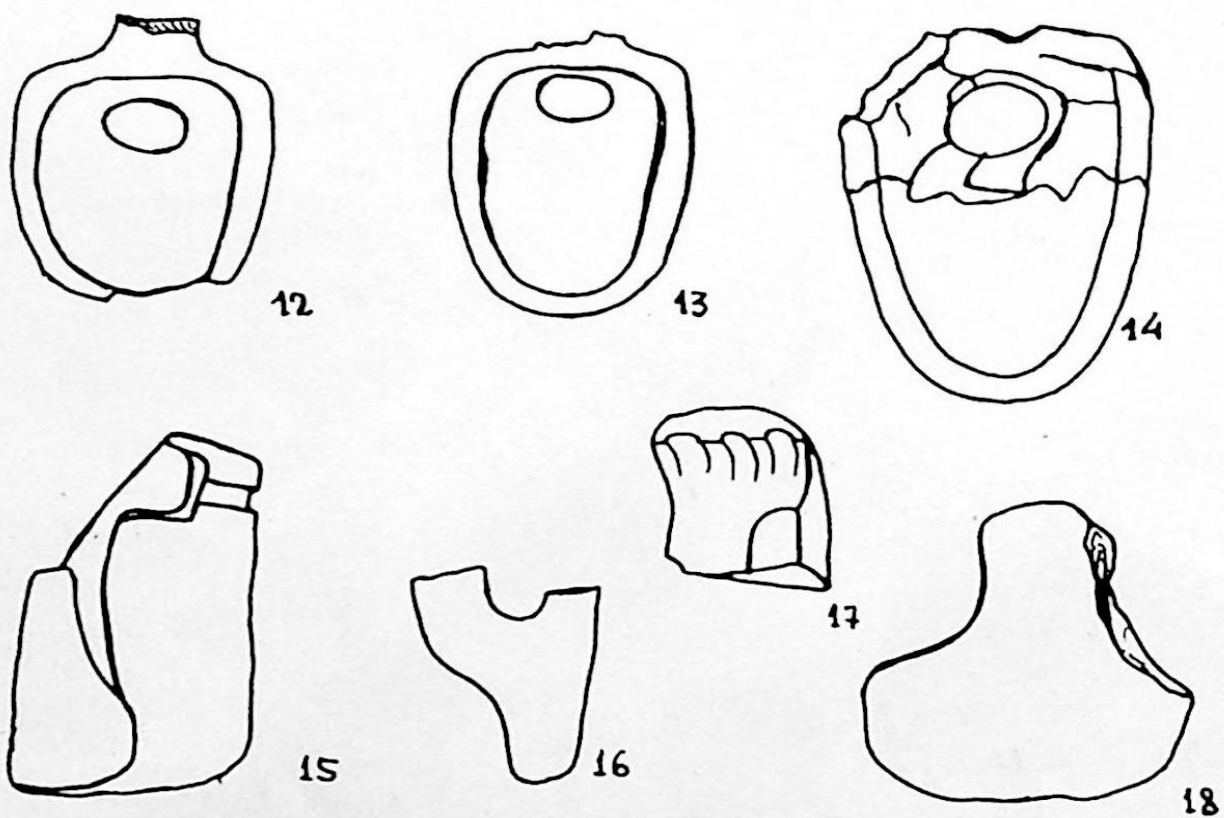
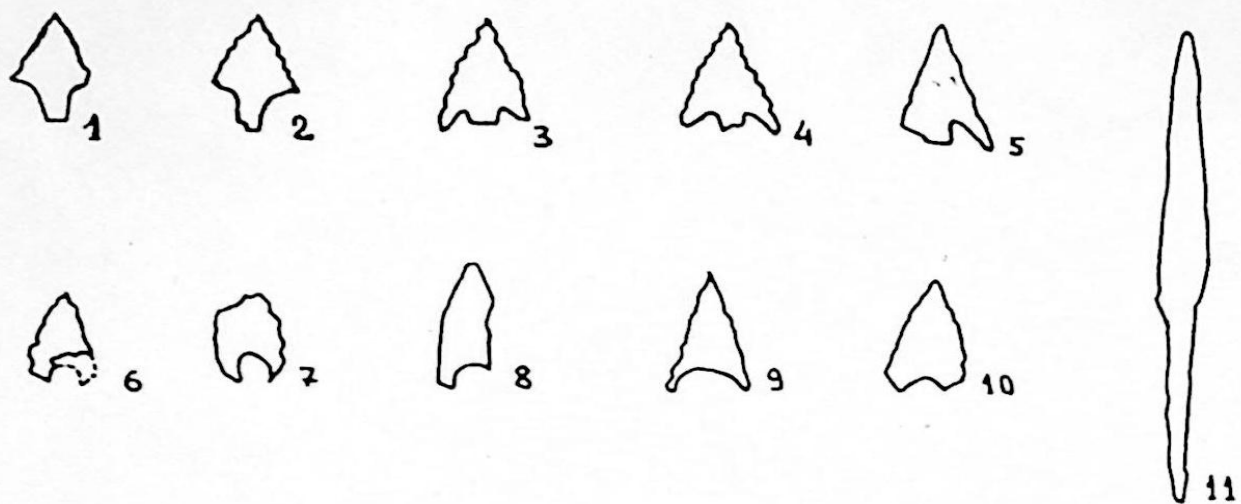

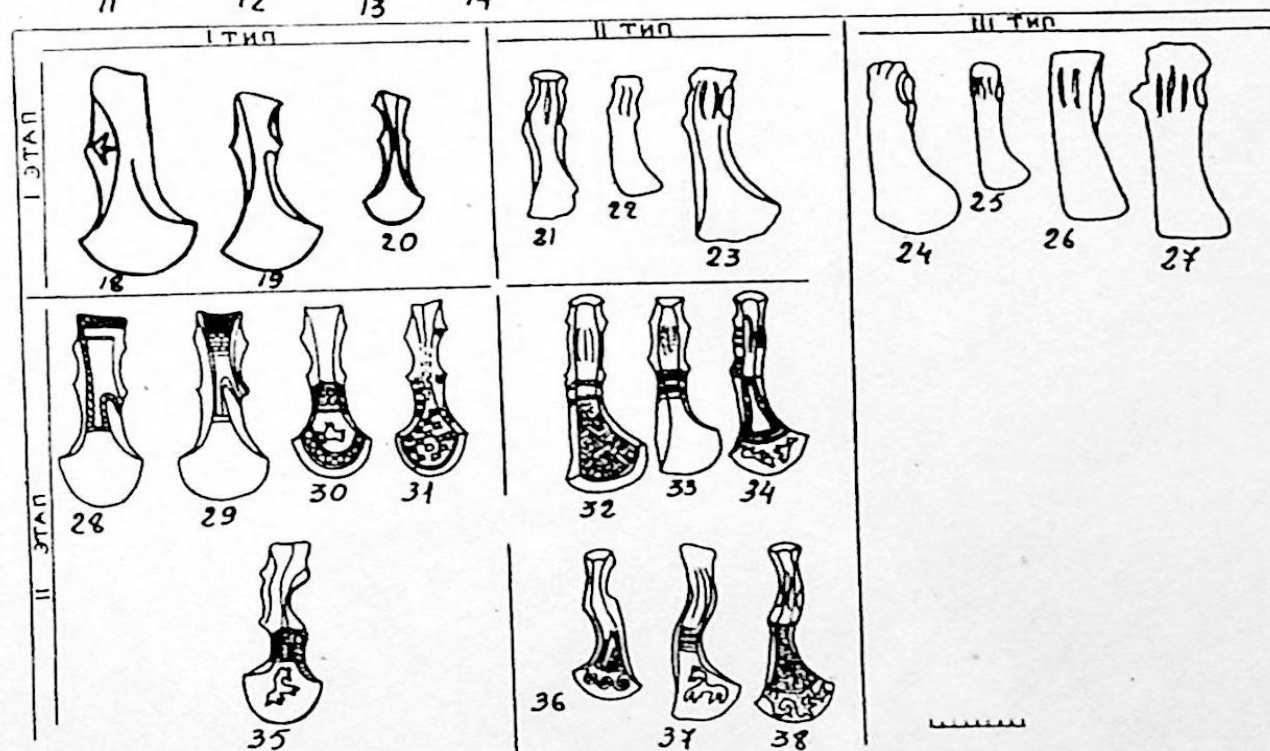
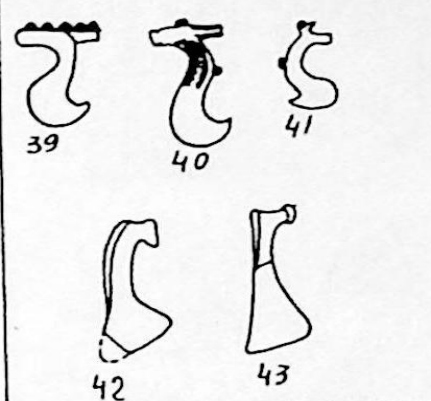
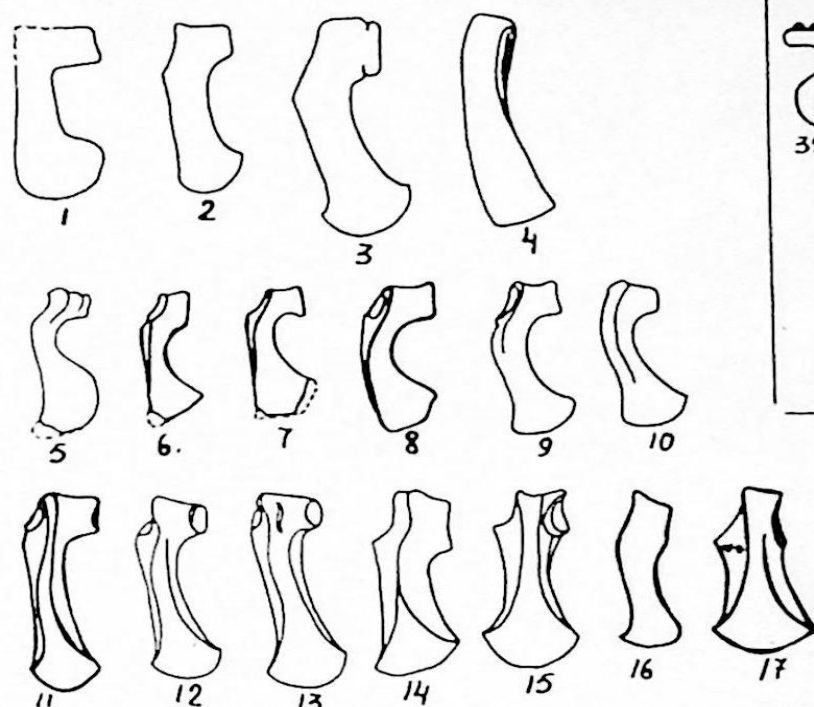
5

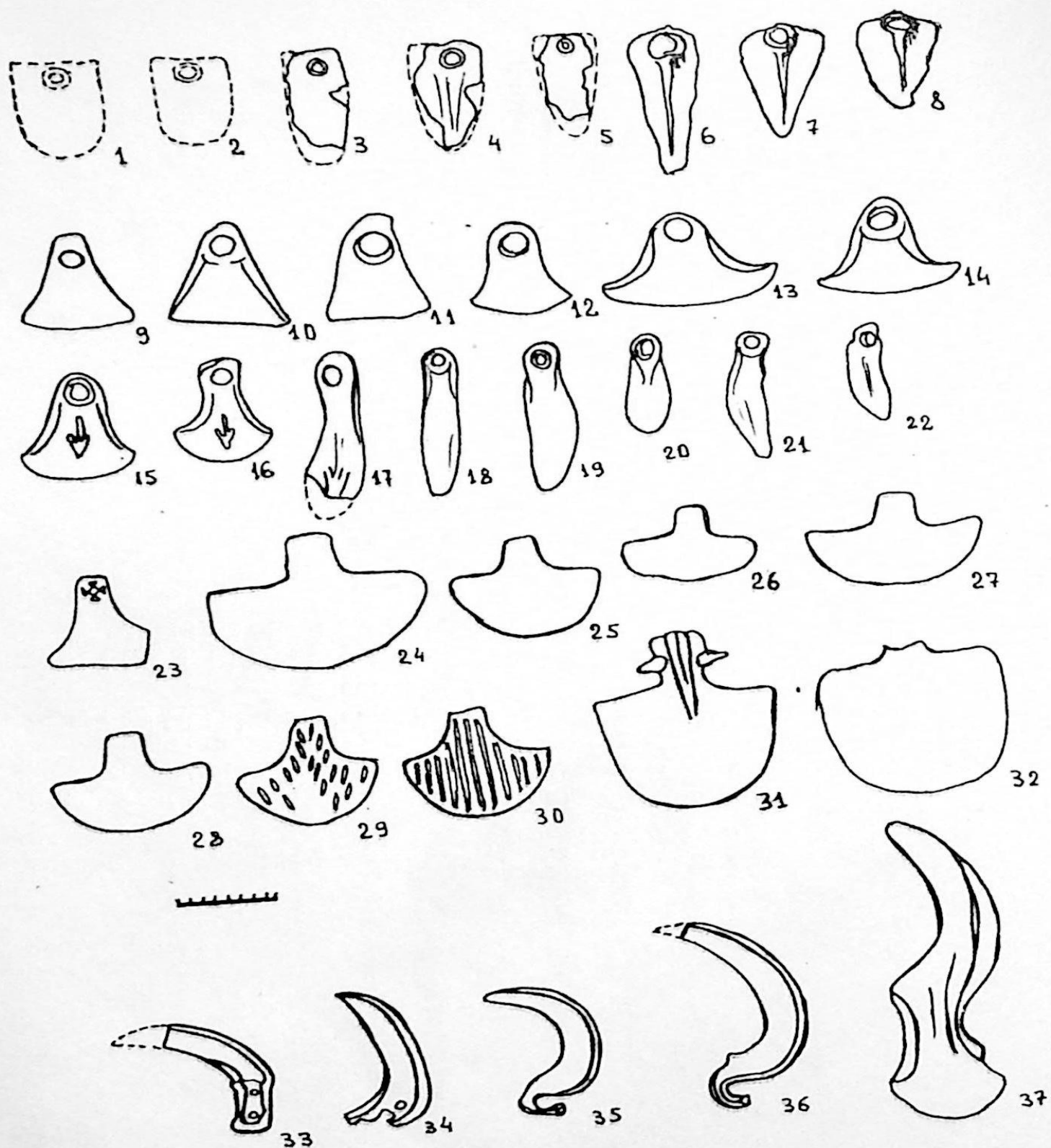

6

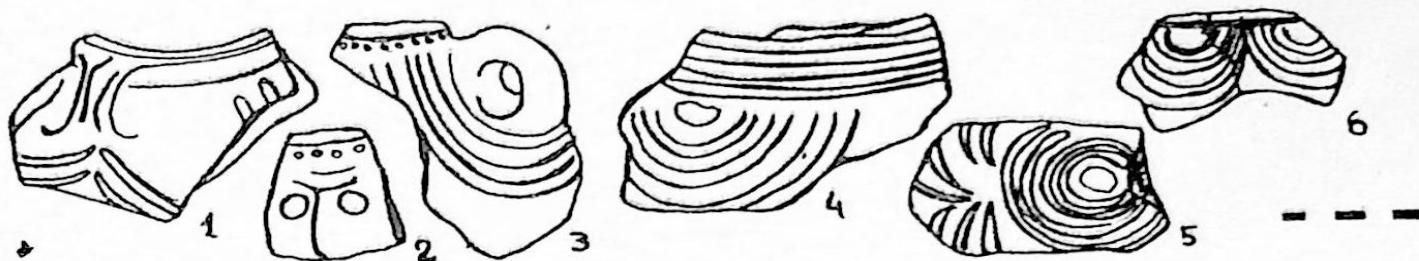

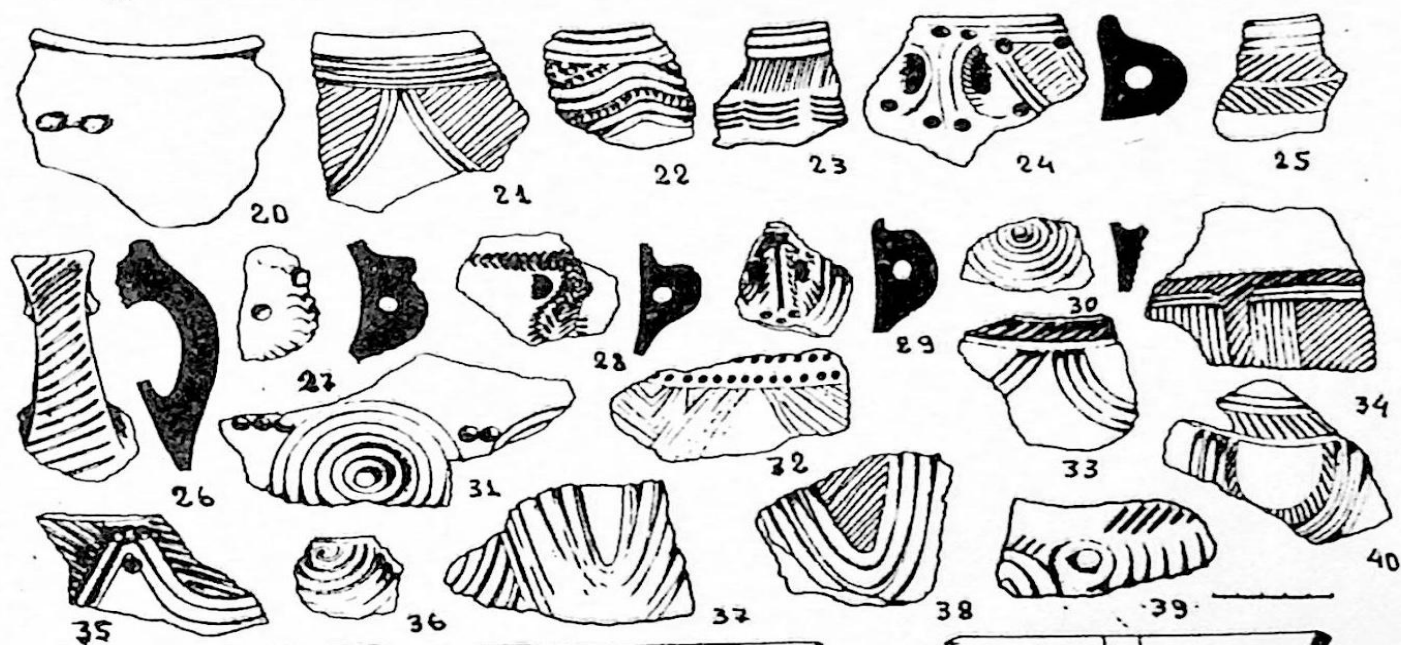
АНАКЛИА

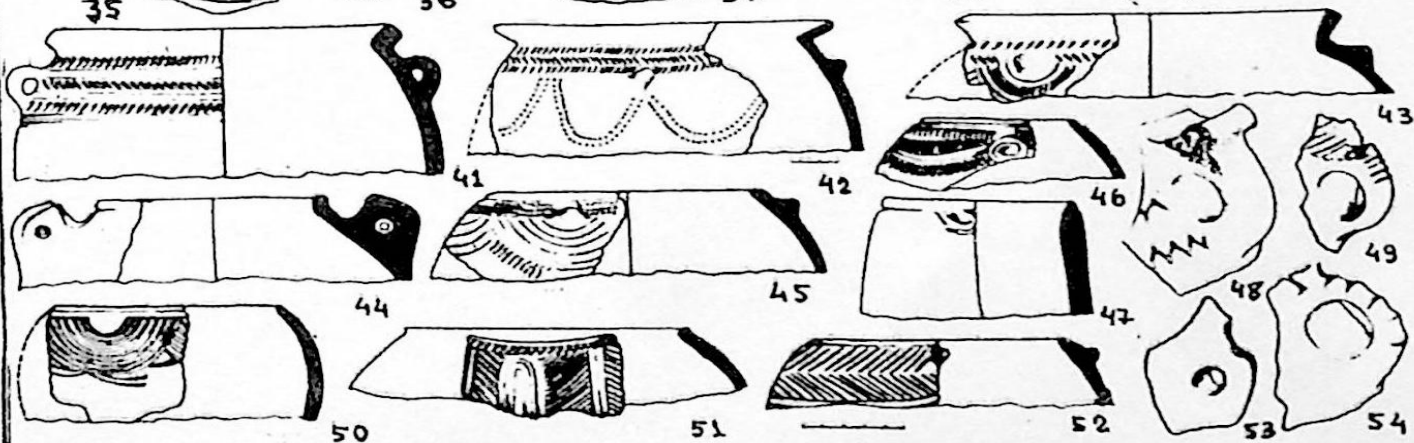
НОСИРИ

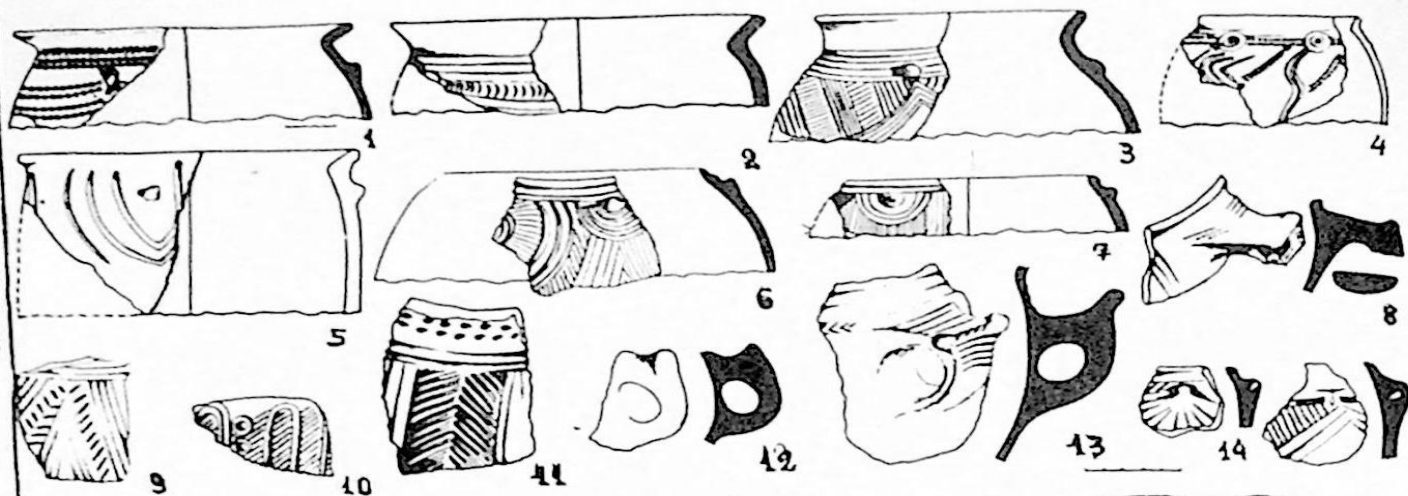
КОБУЛЕТИ

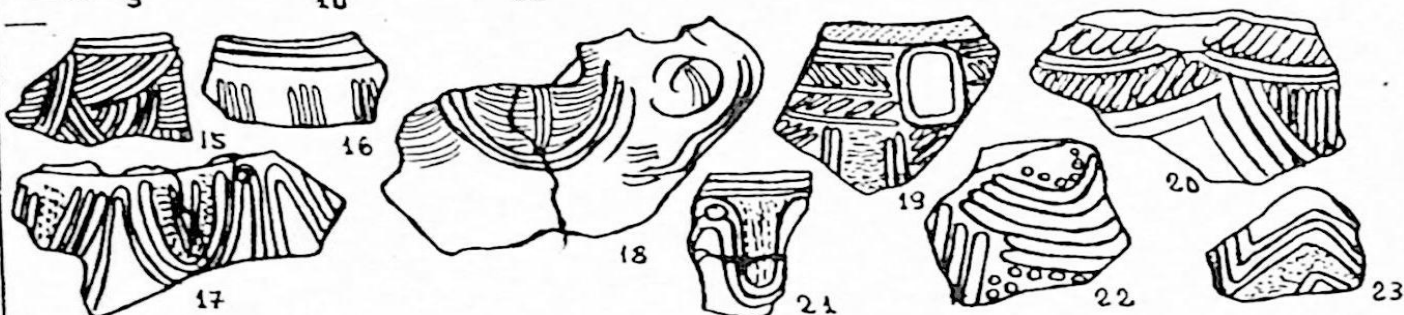
ЦКЕМИ

САЕЛИАВО

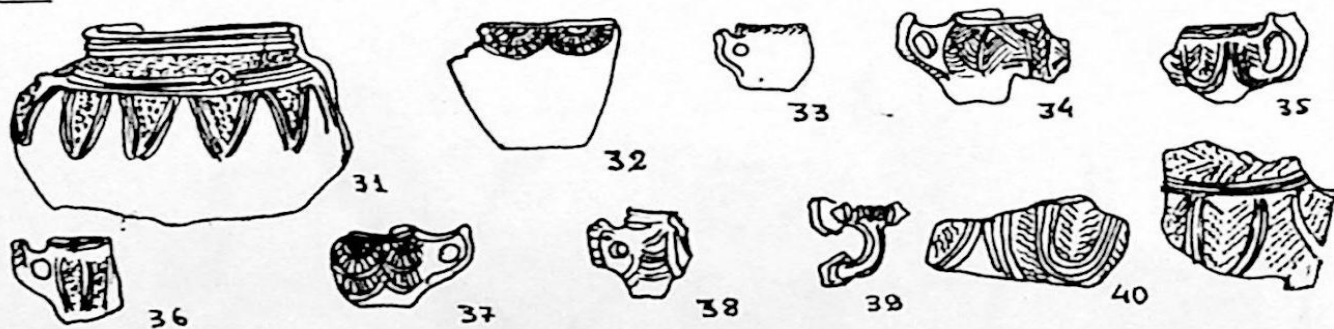
ЗУРГА

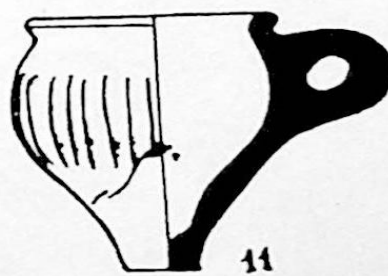
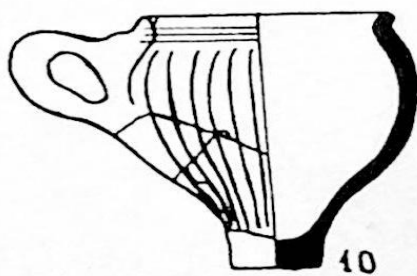
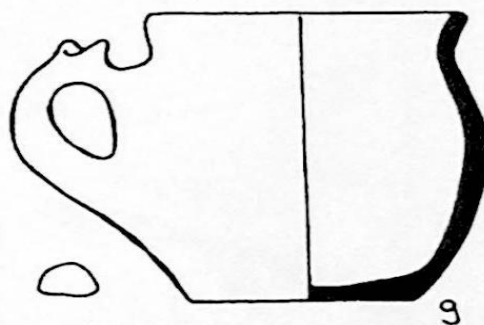
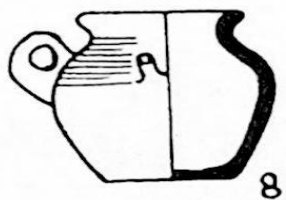
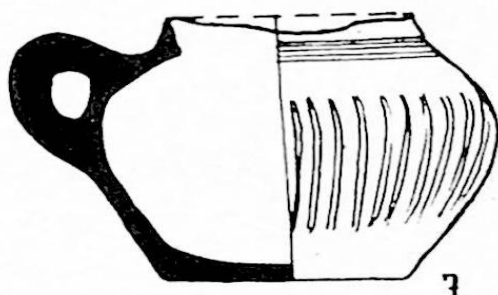
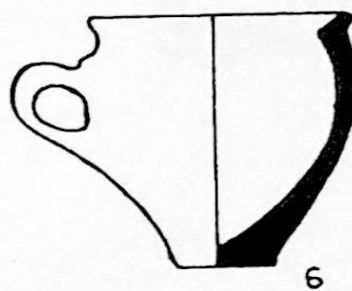
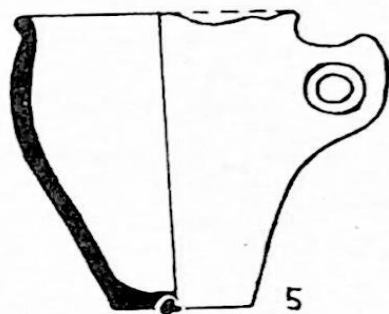
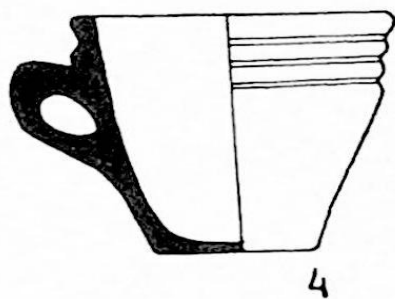
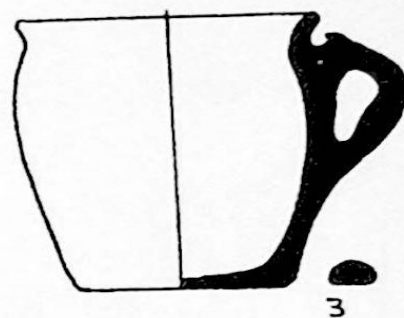
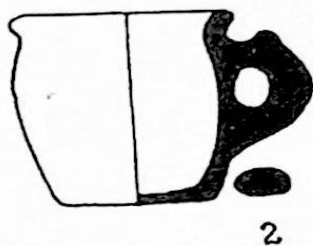
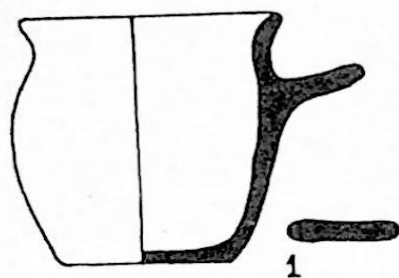

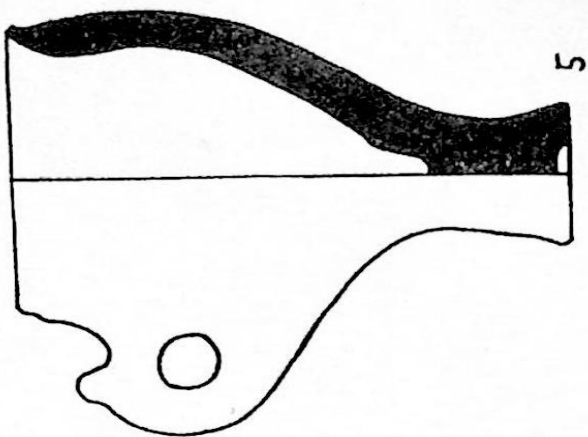
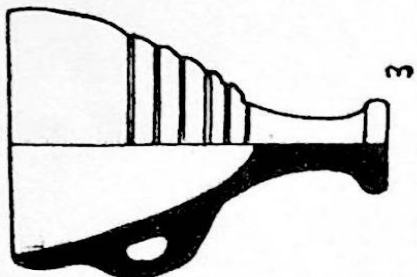
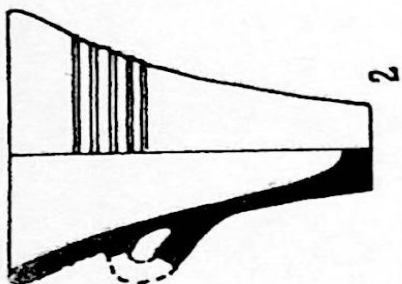
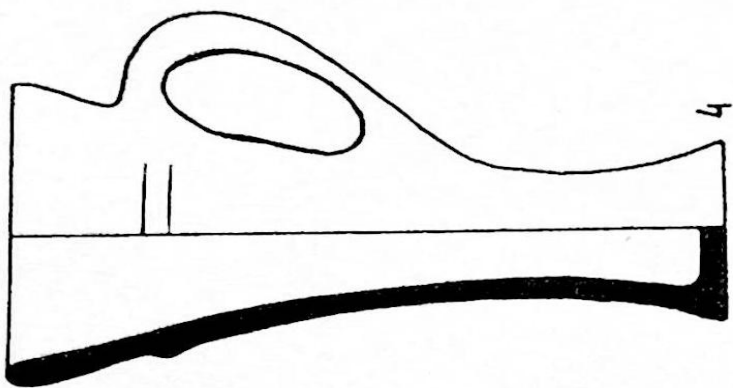
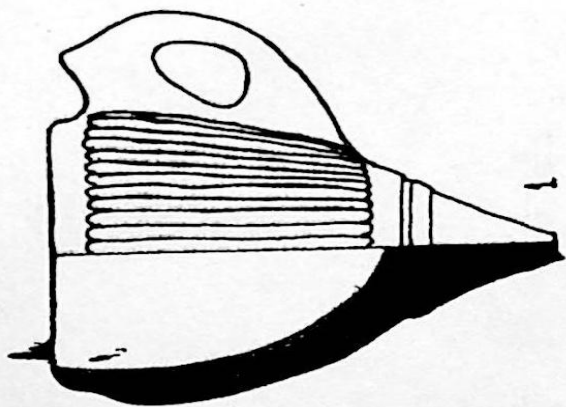
НАМЧЕДУРИ

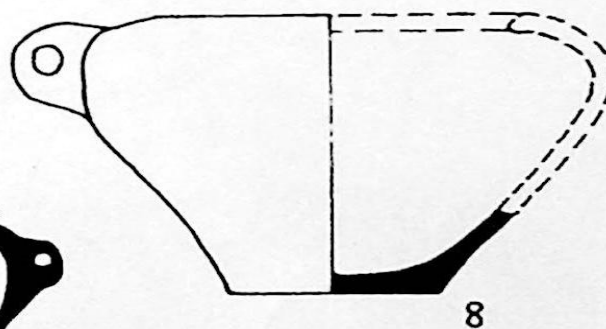
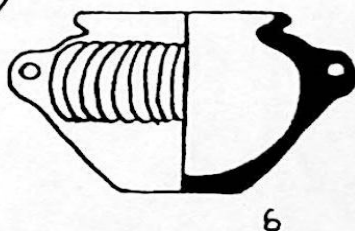
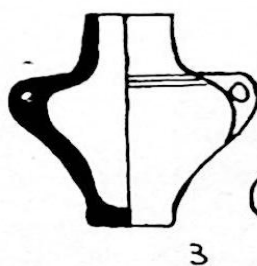
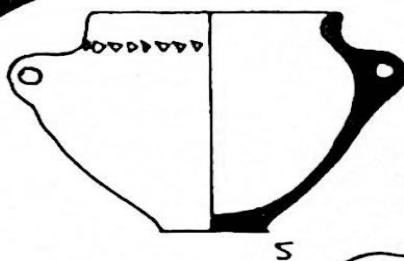
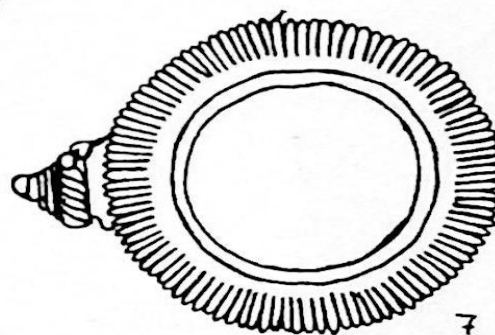
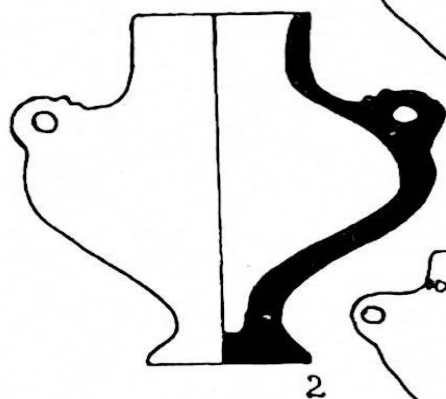
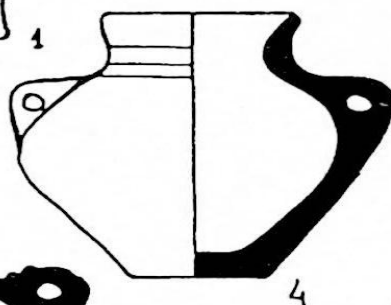
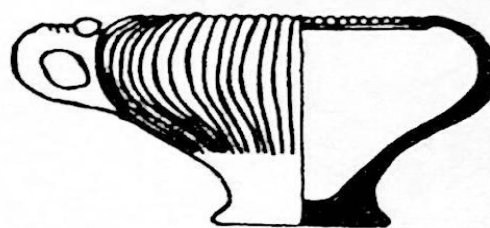
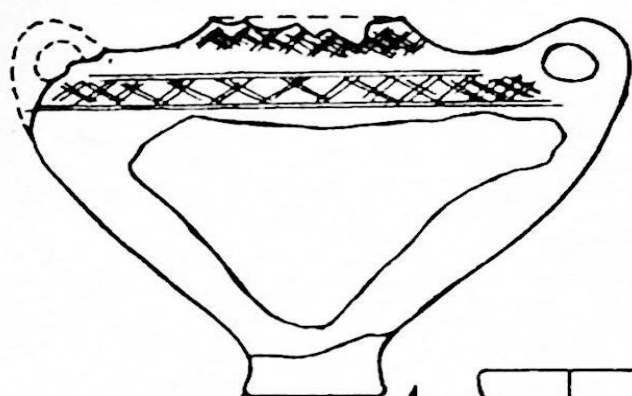

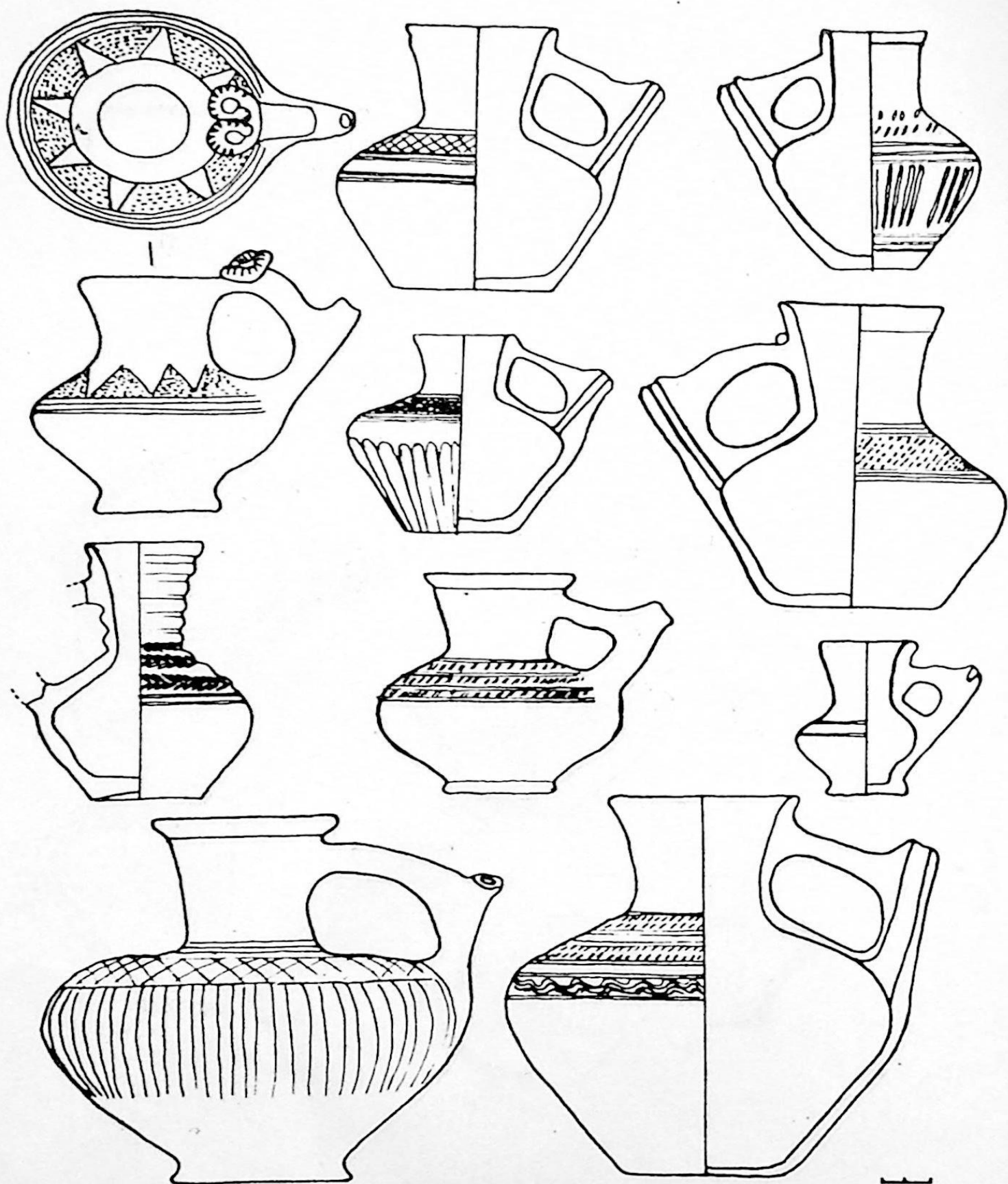
НАОХВАМУ

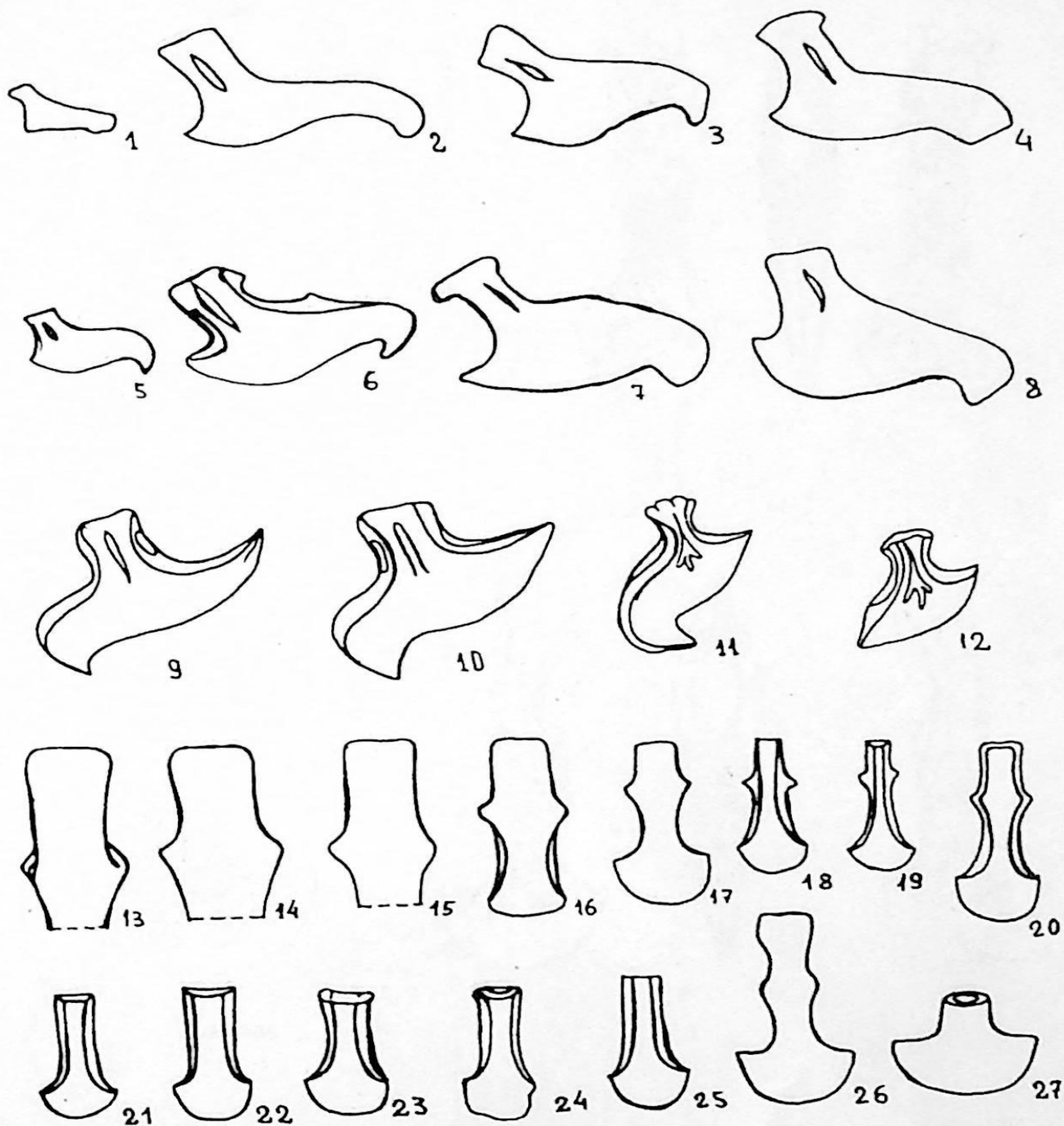

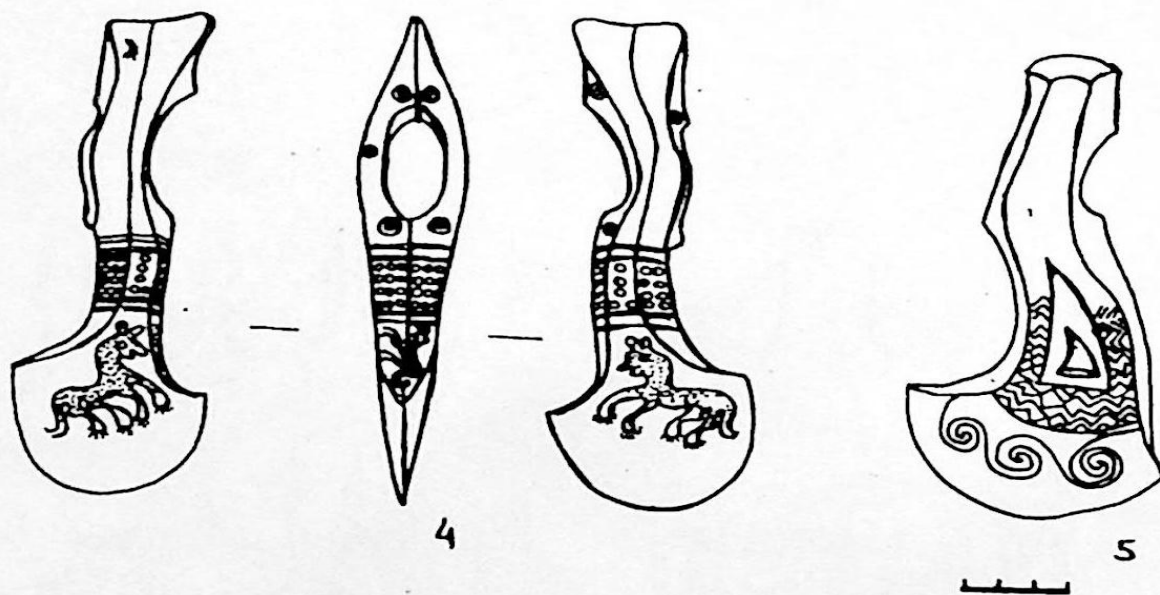
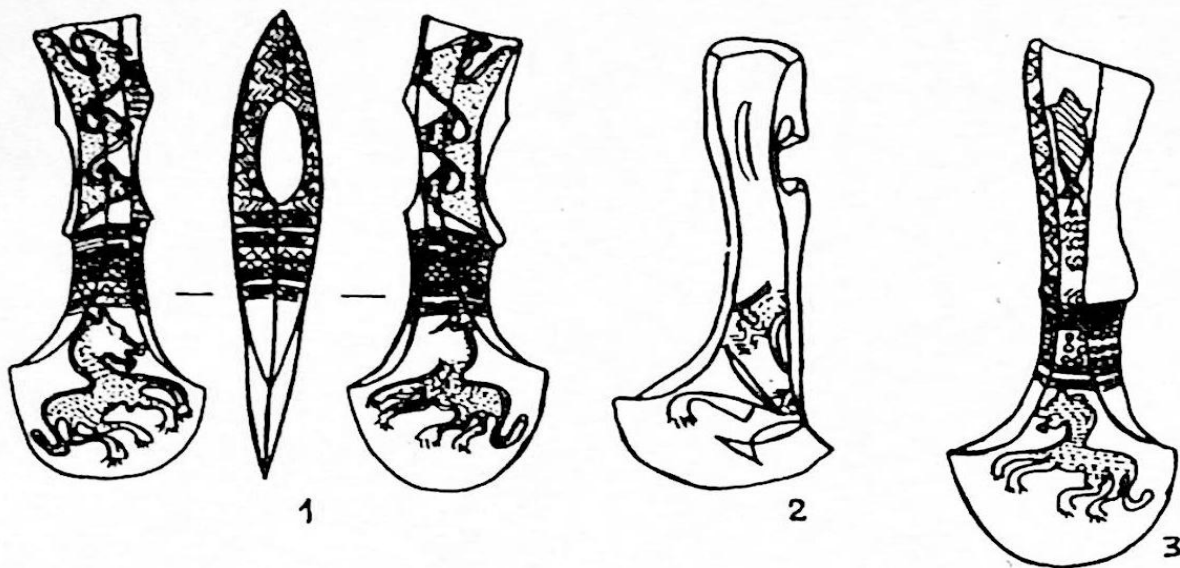

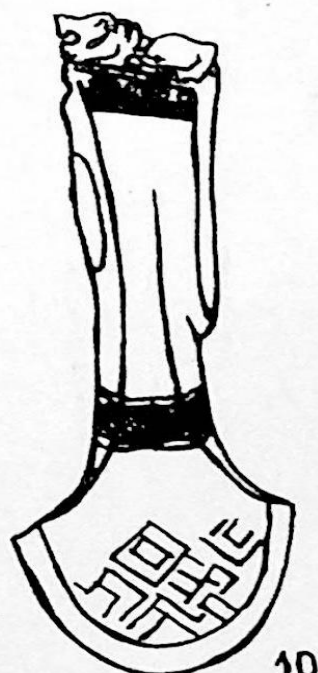
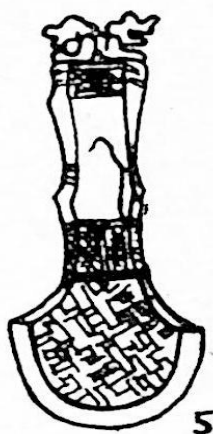

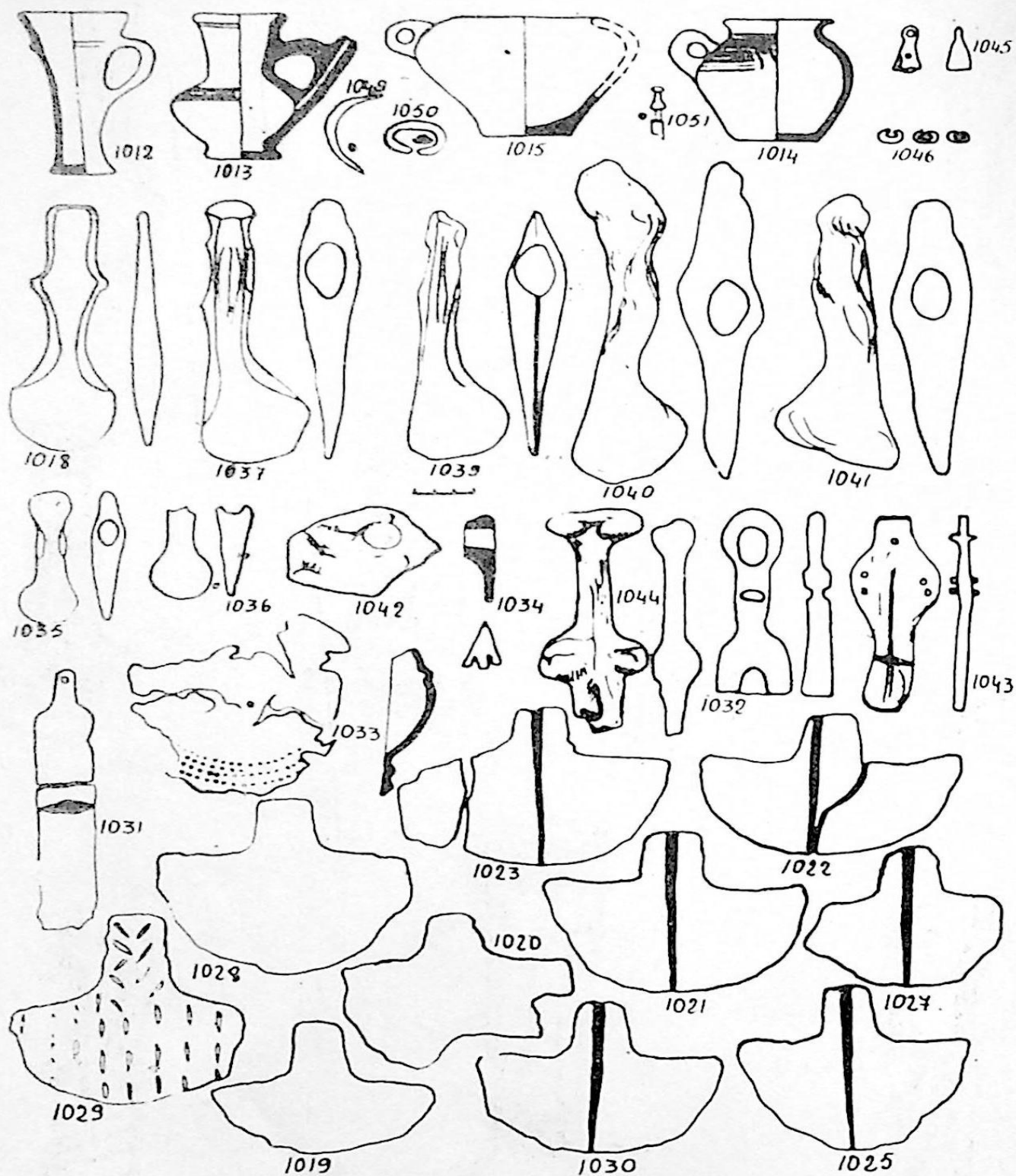

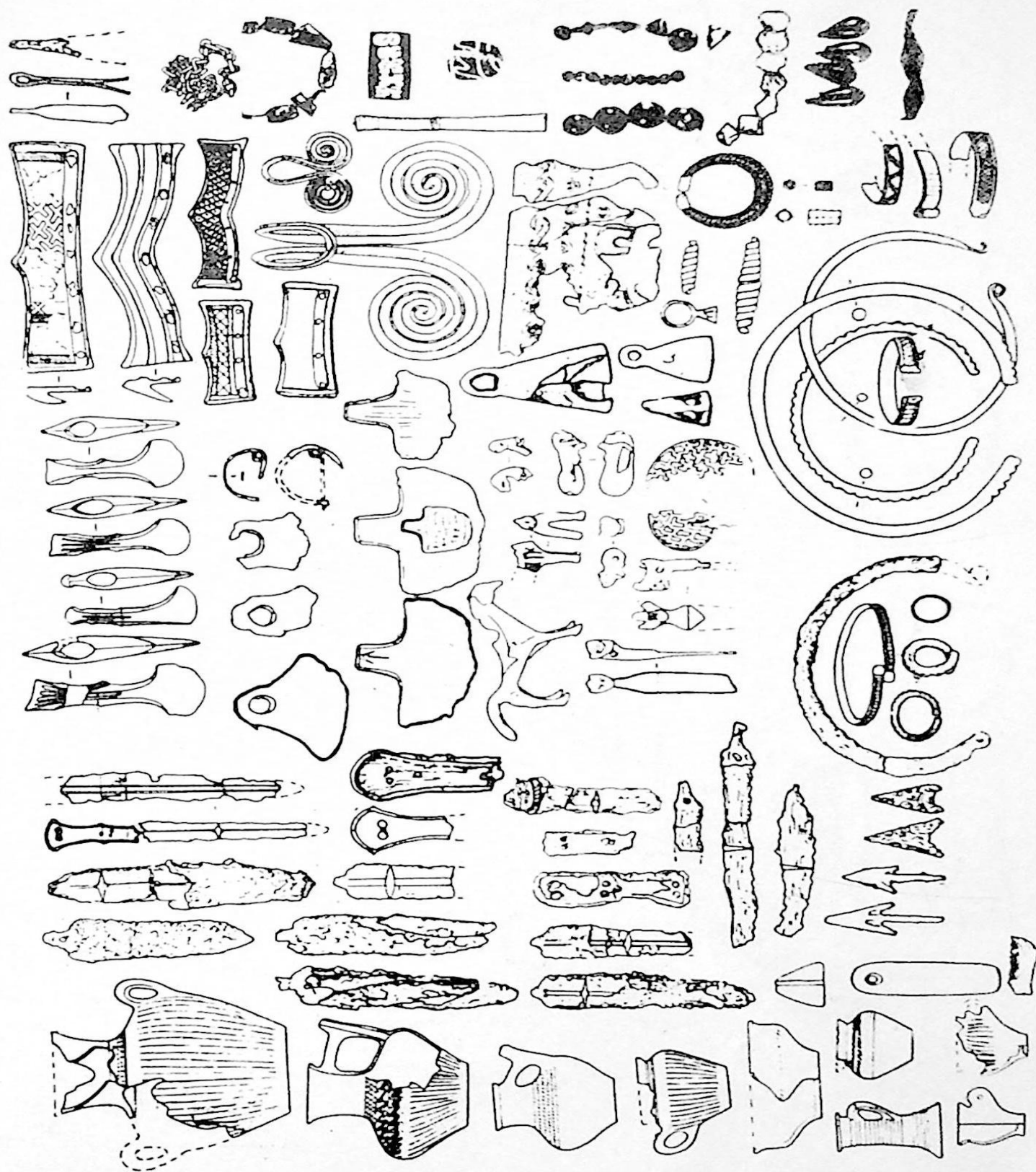

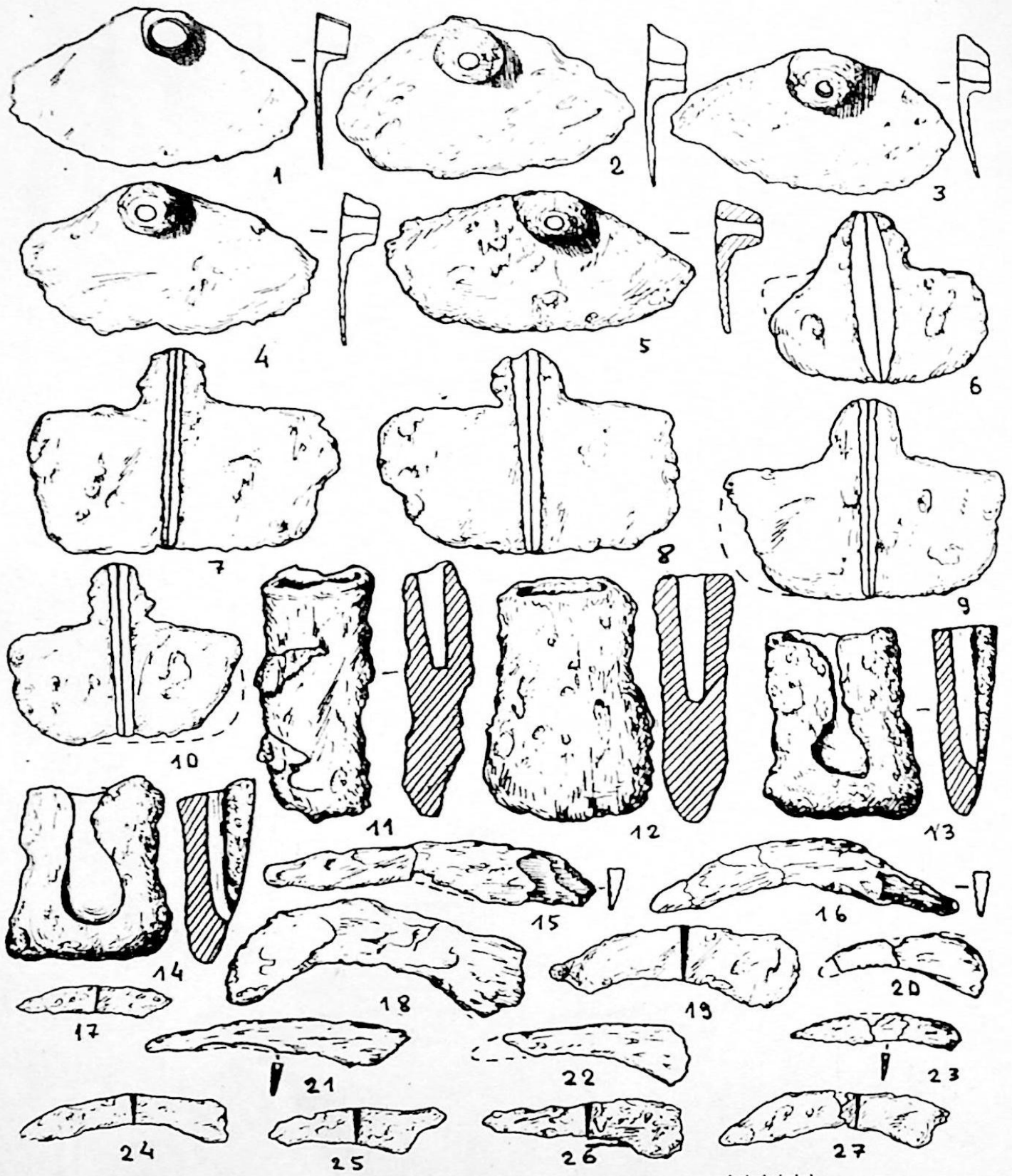

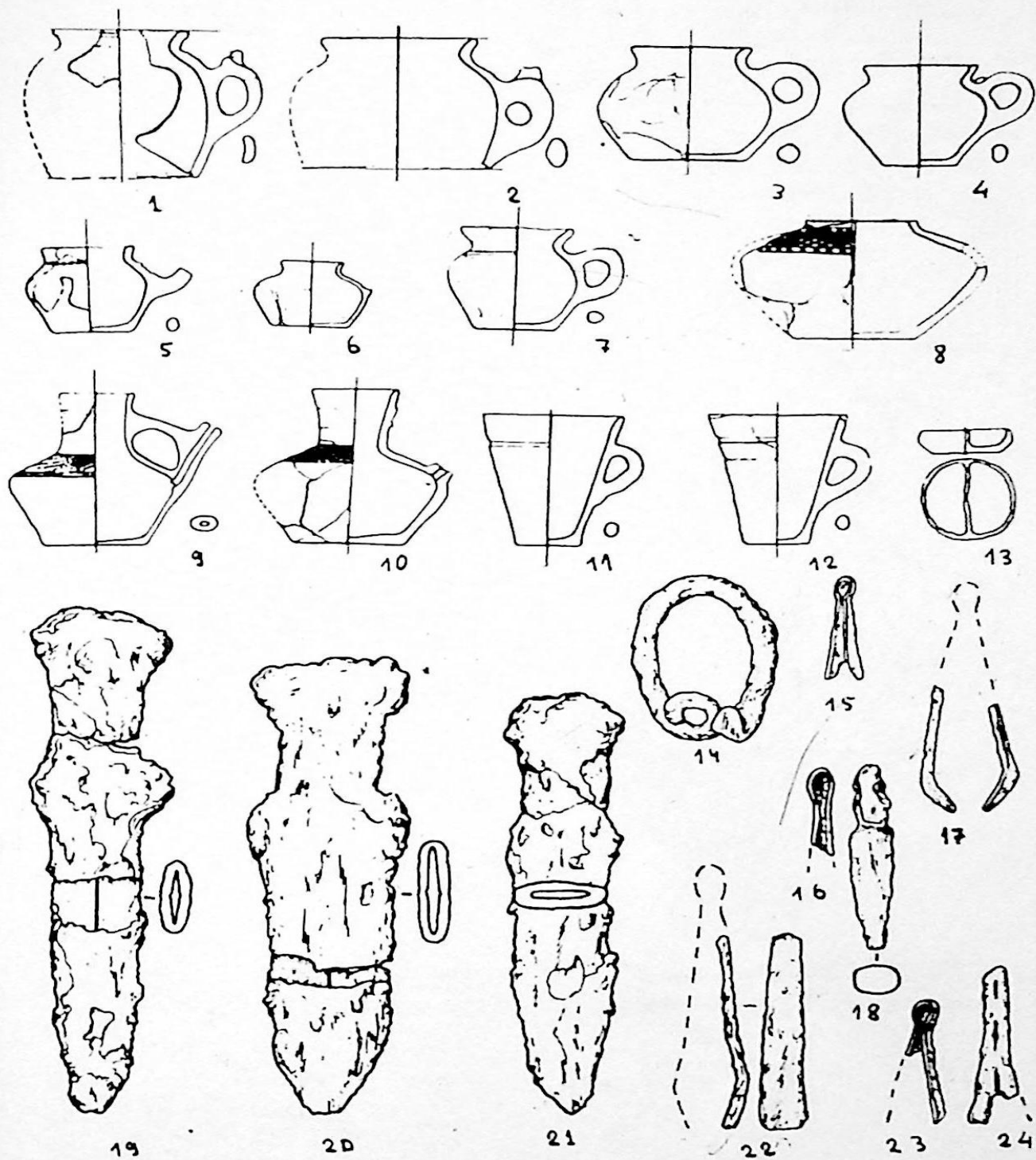

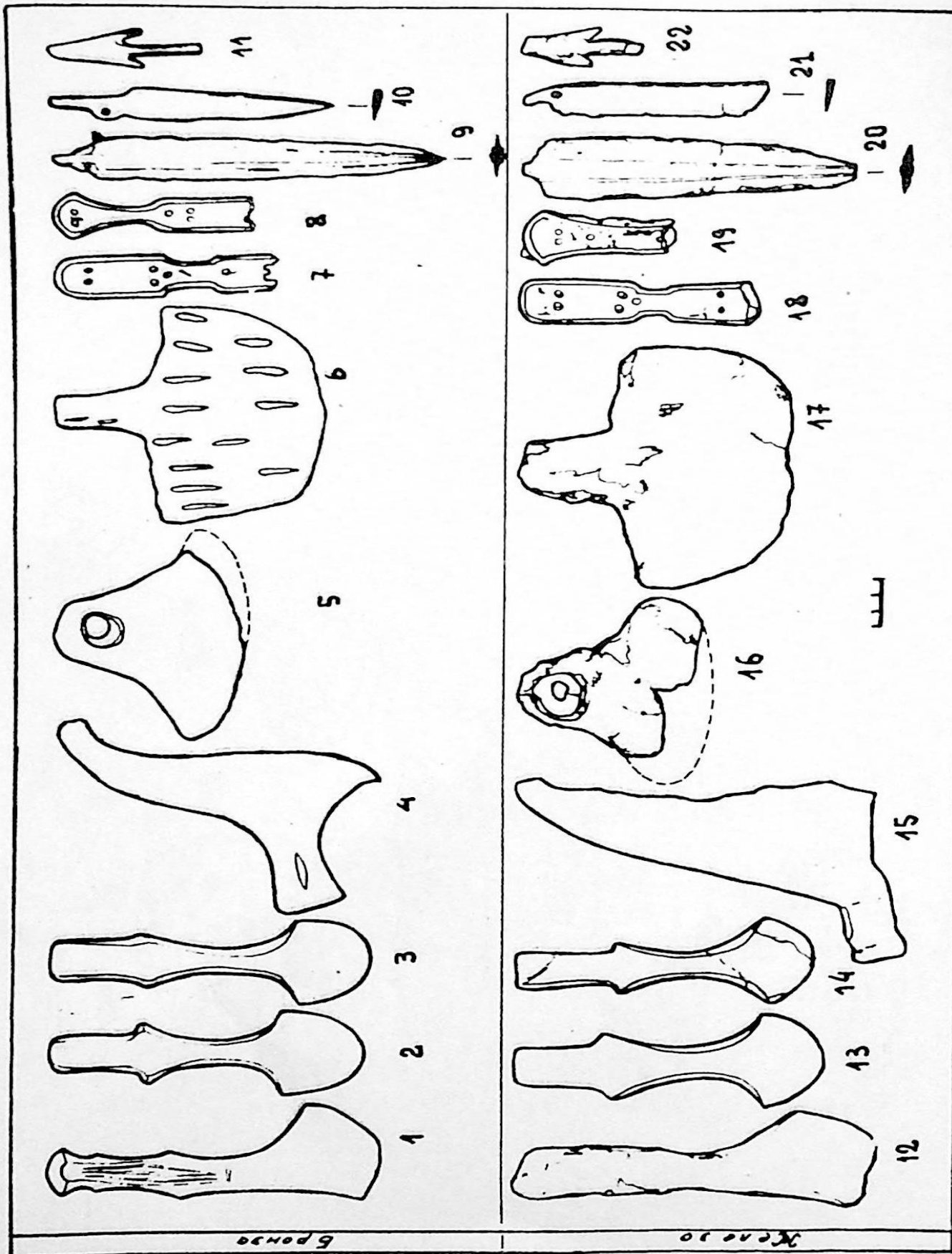

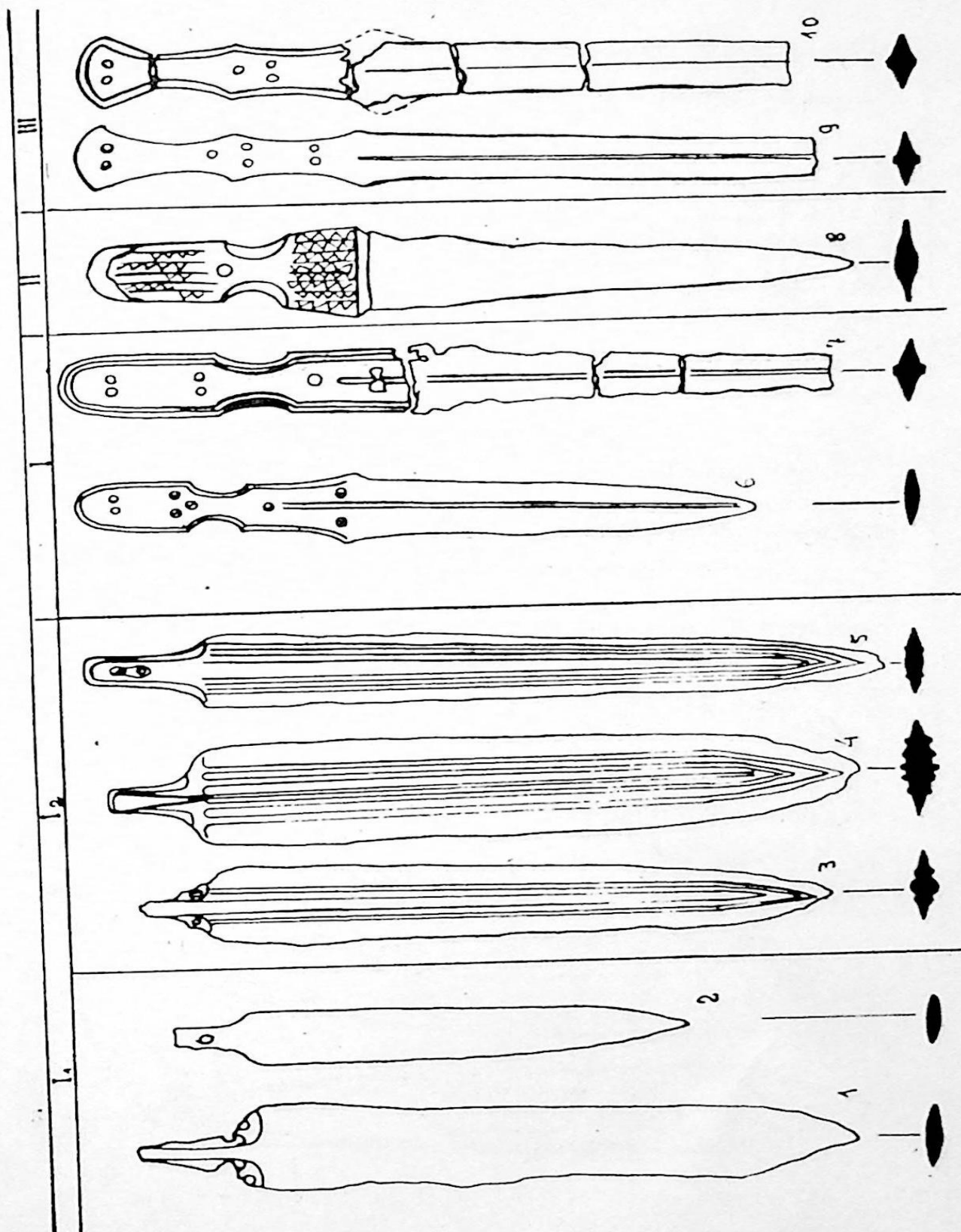

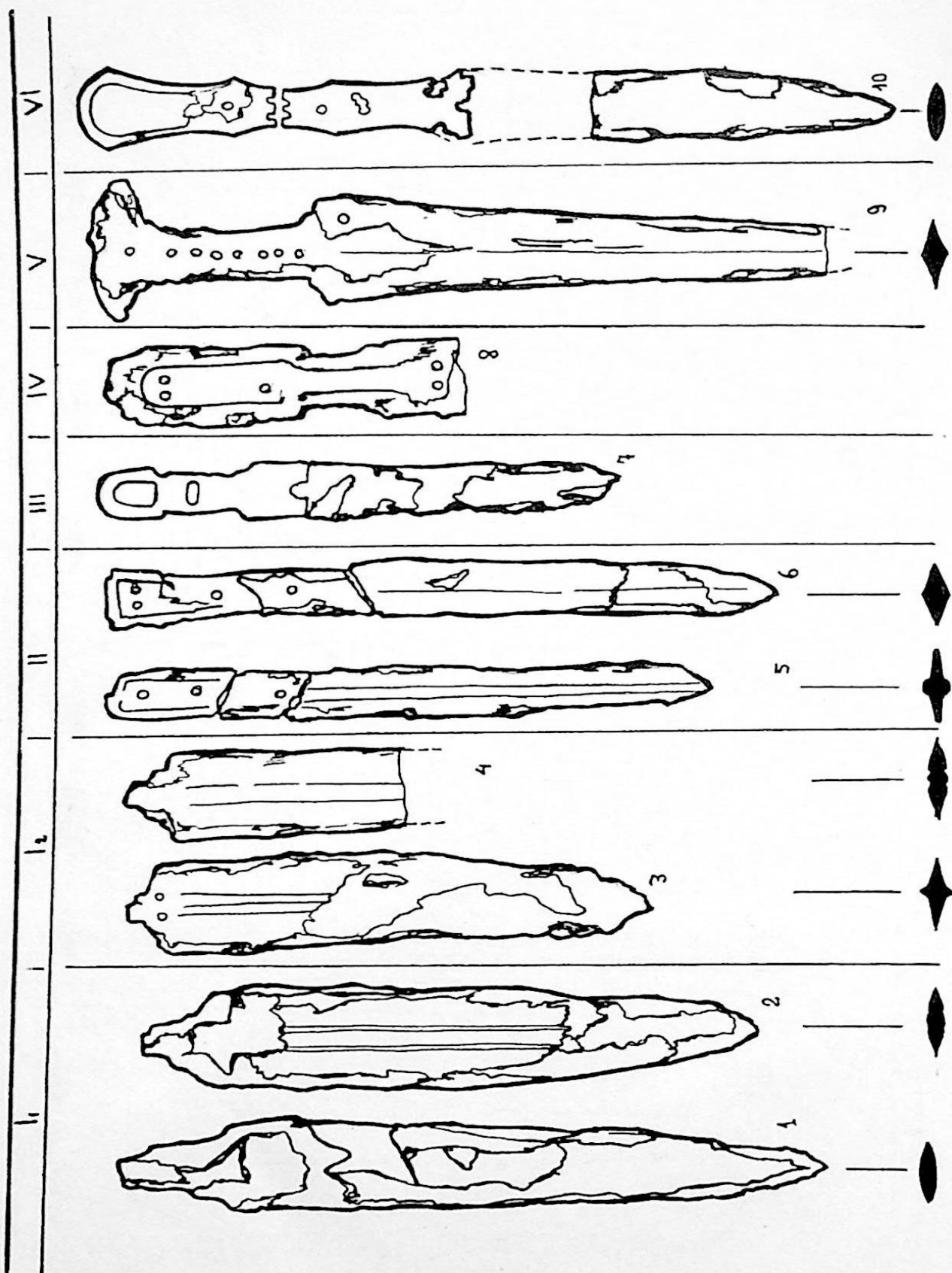

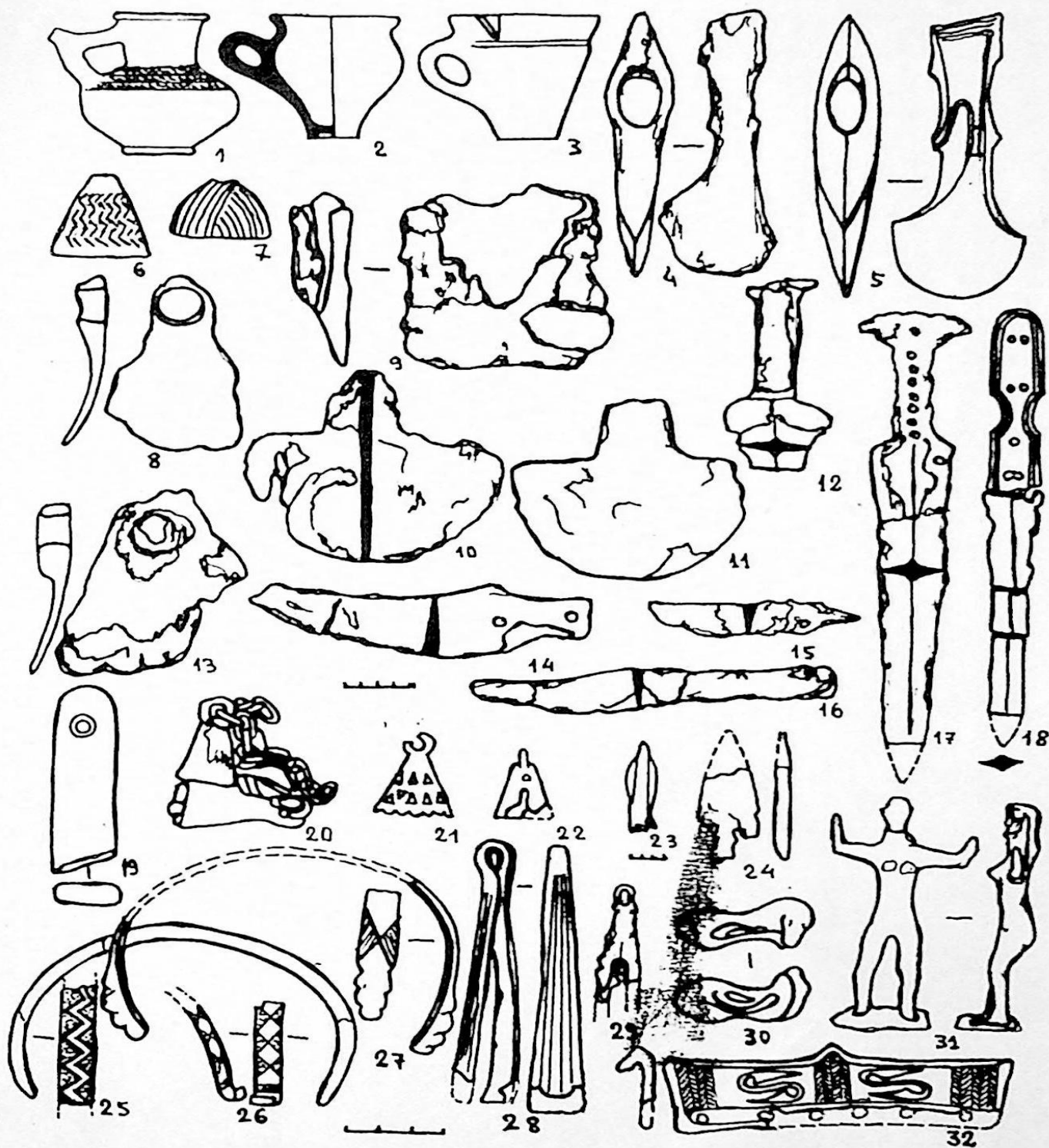

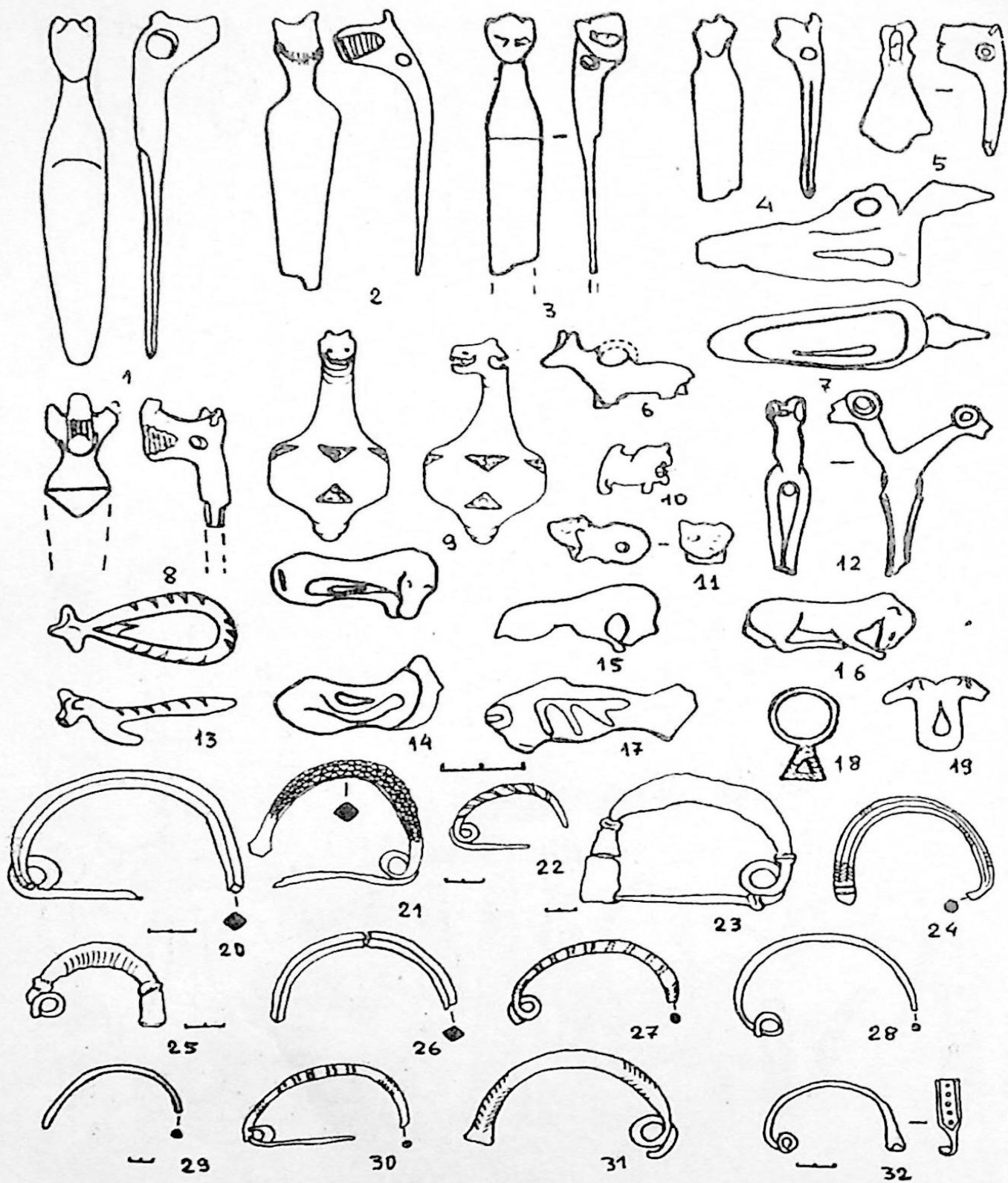

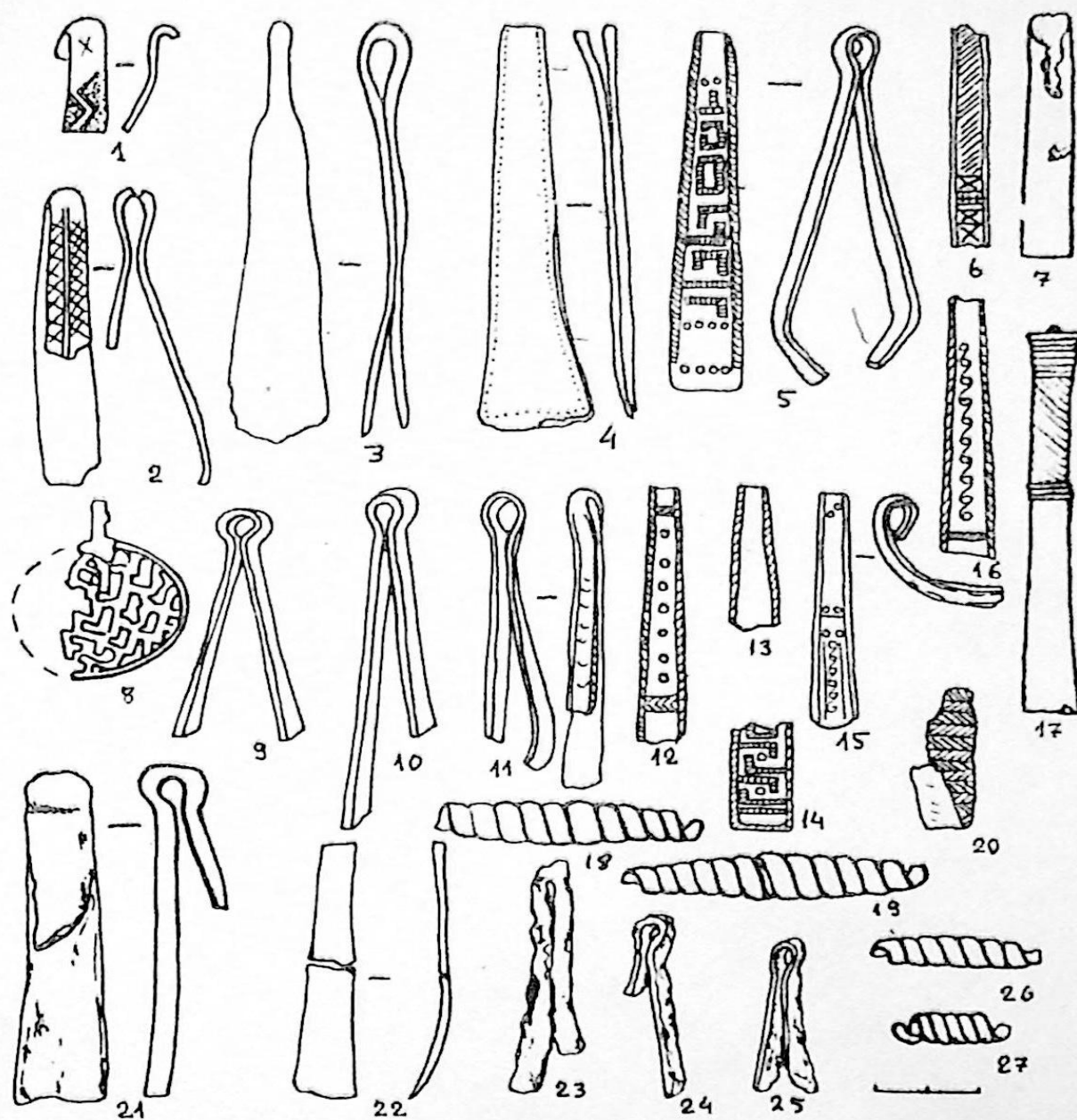

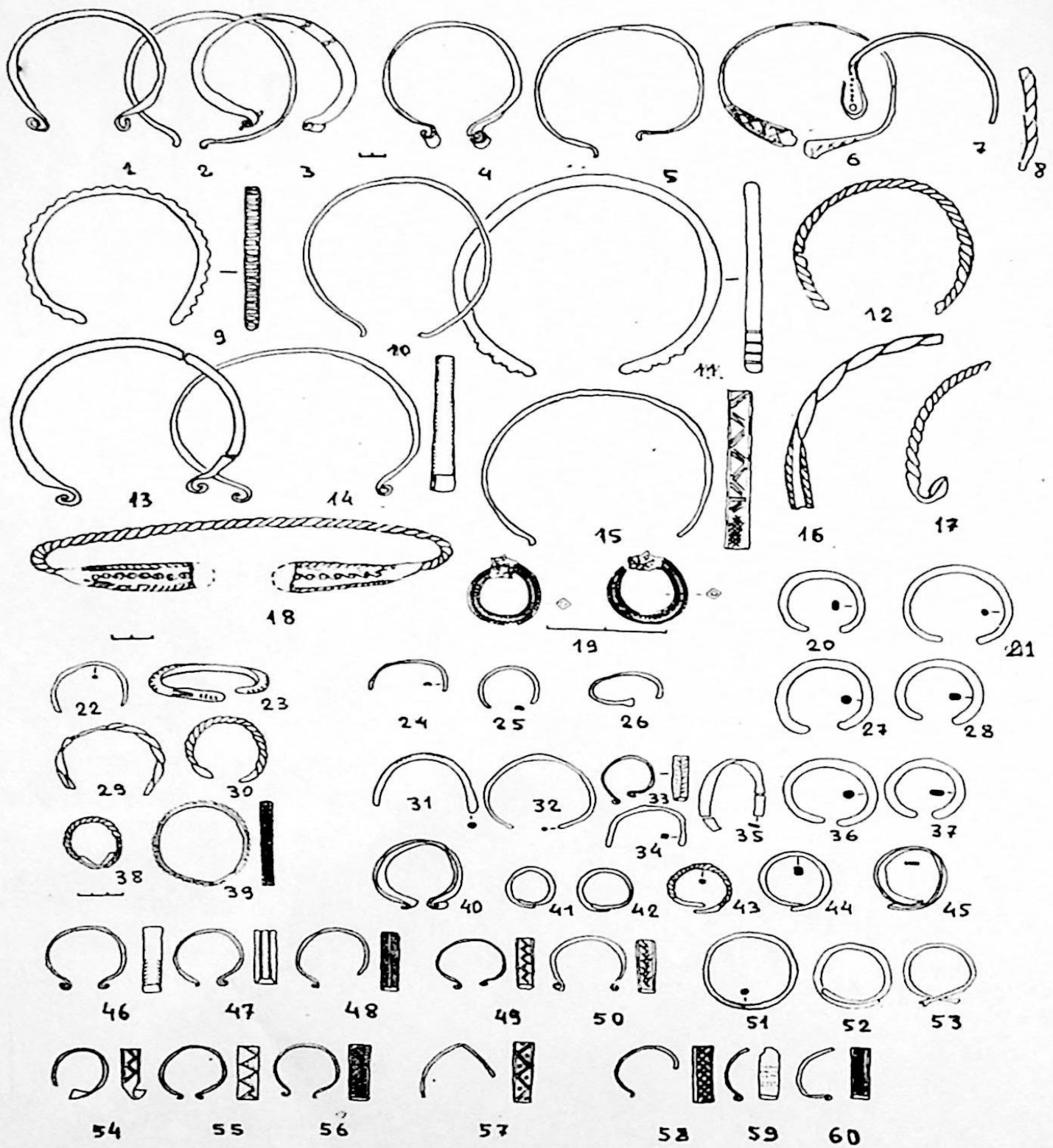

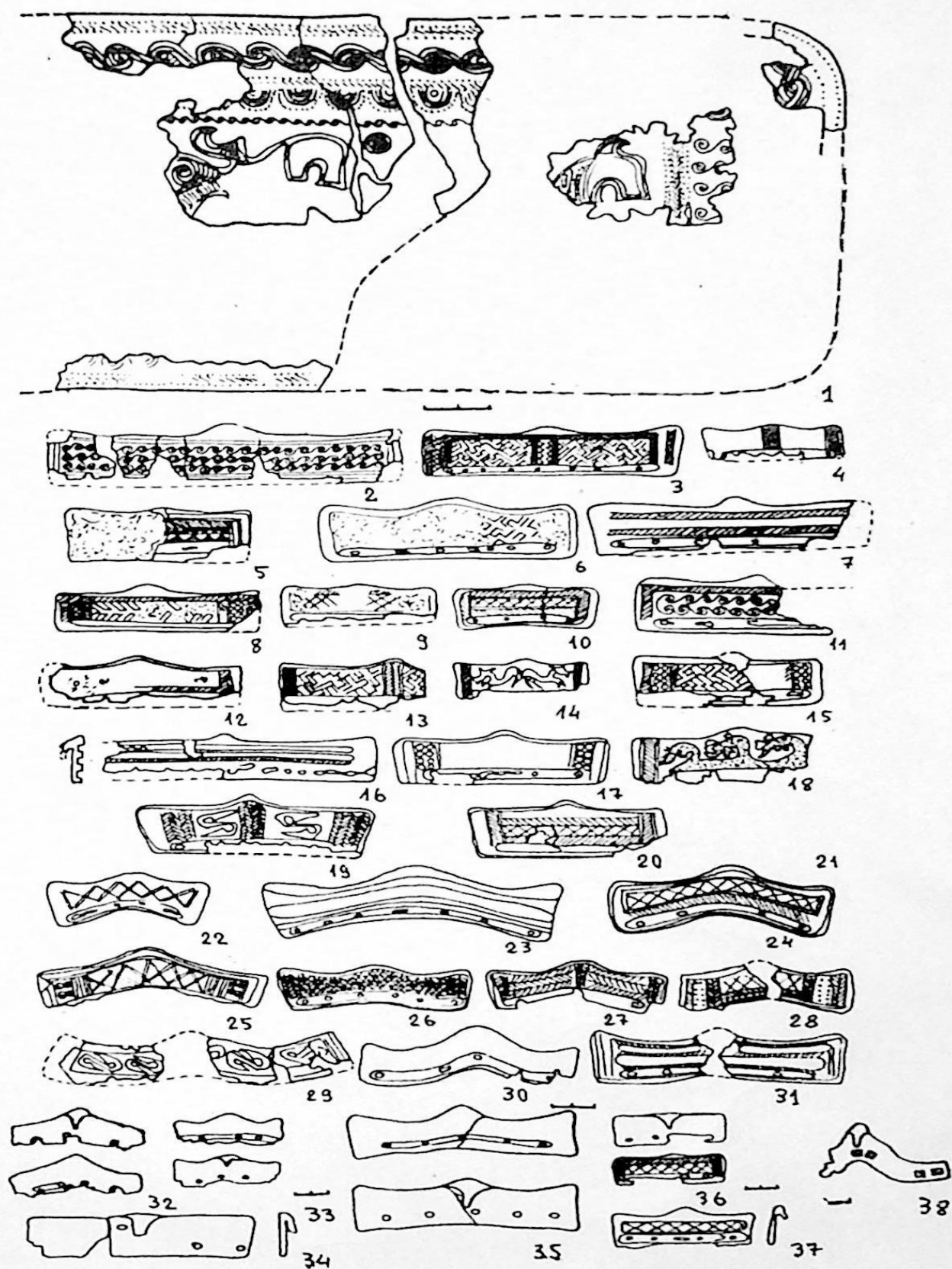

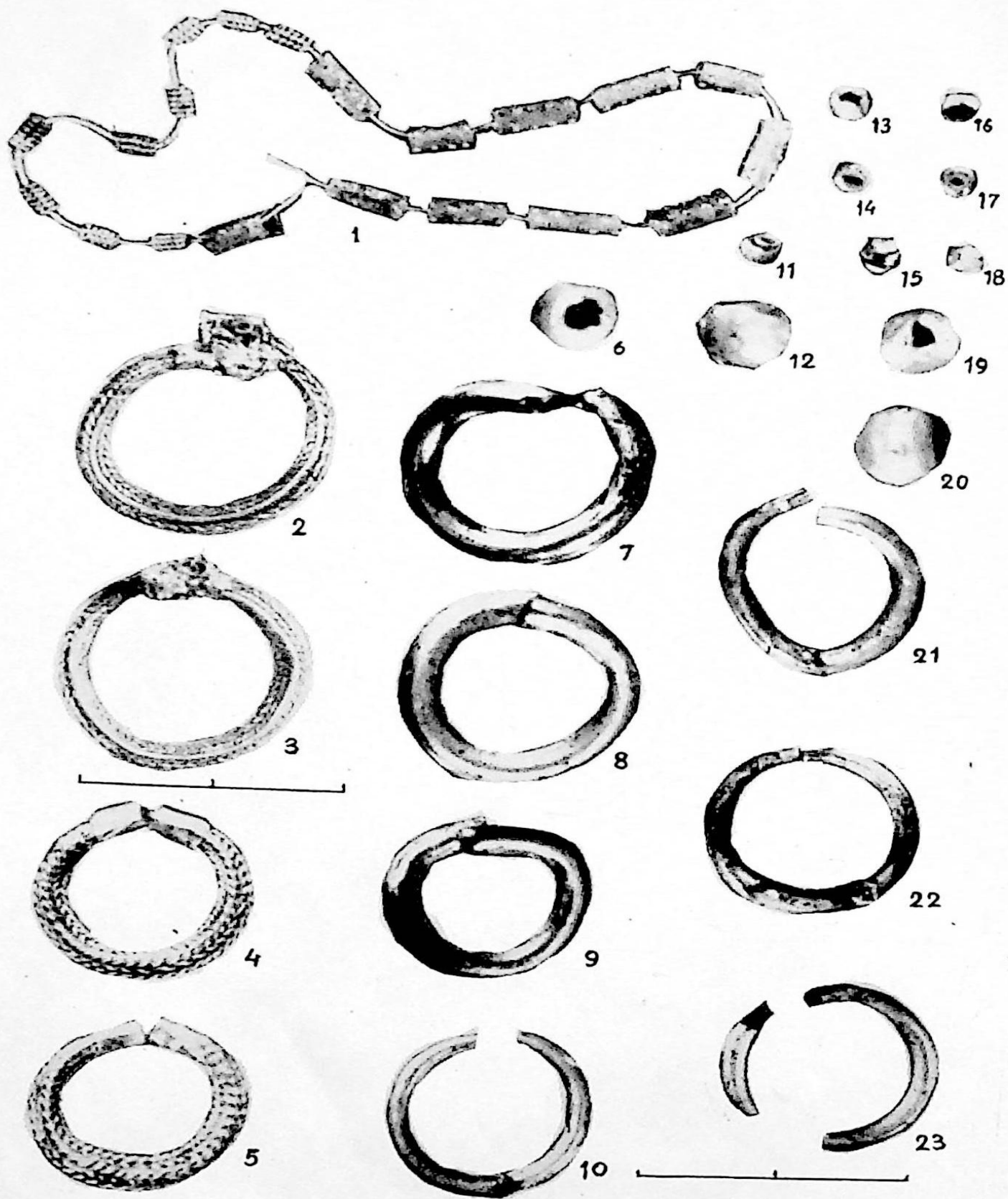

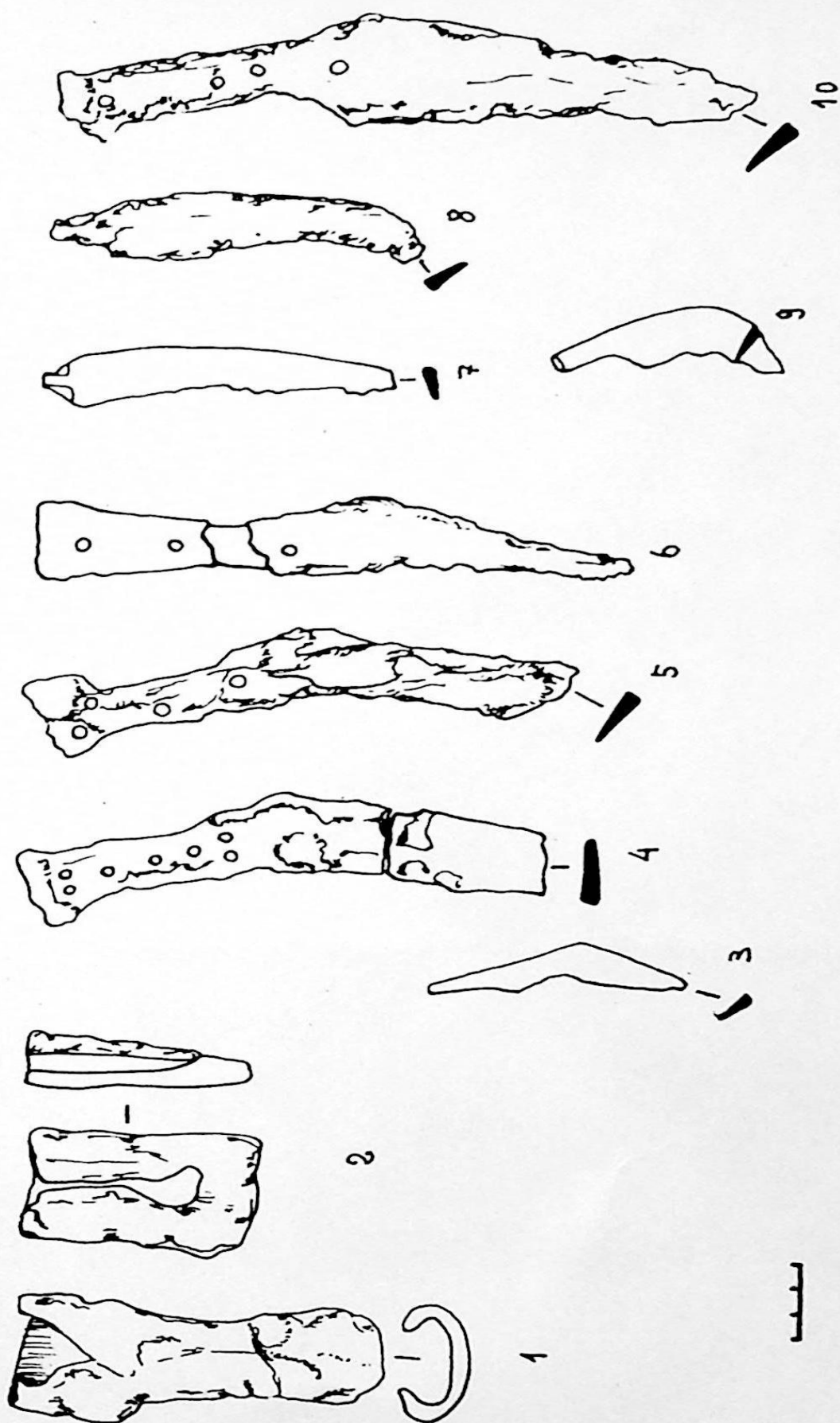

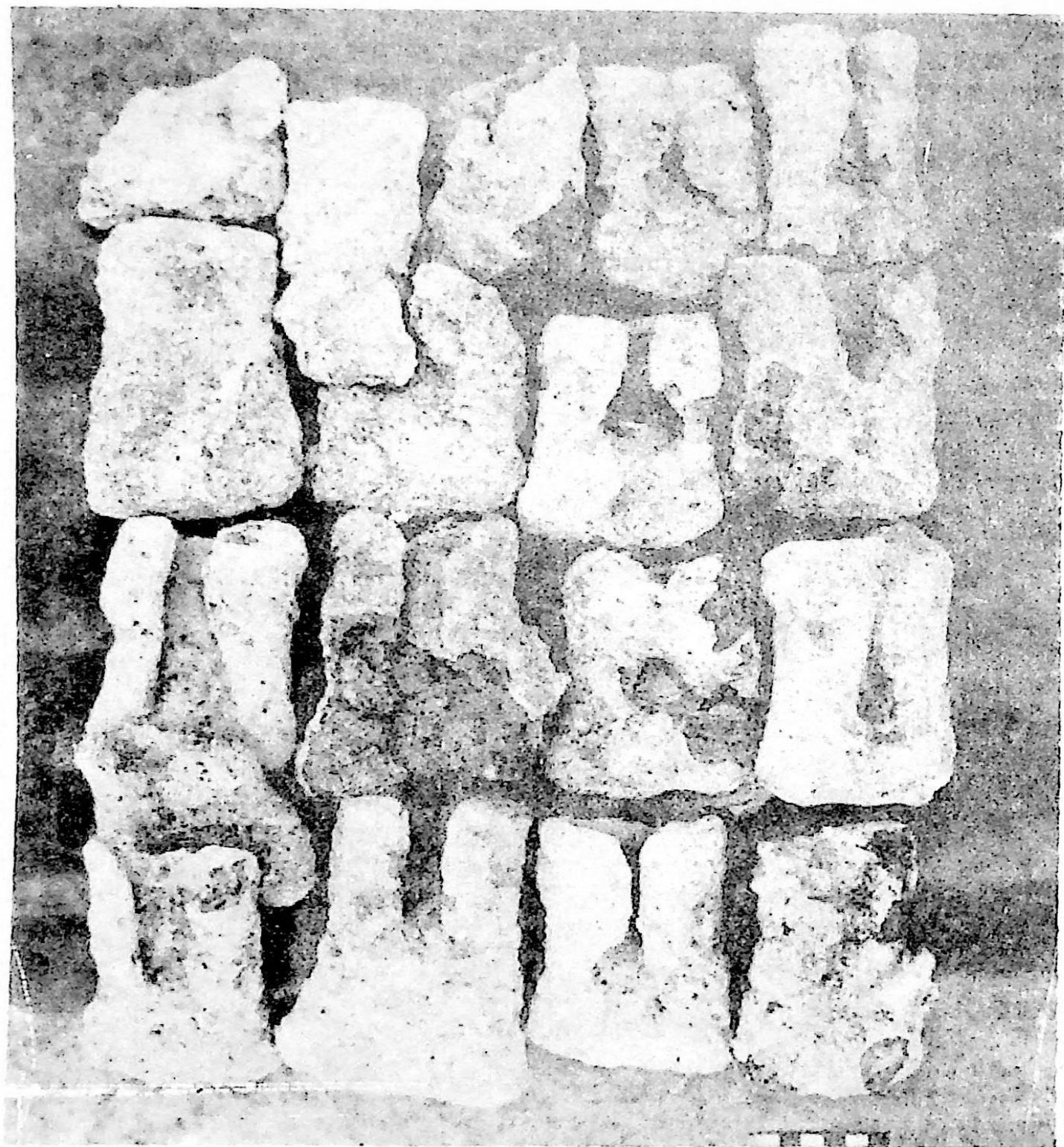

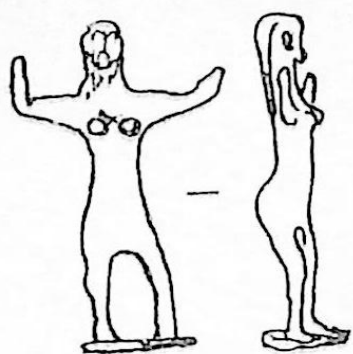

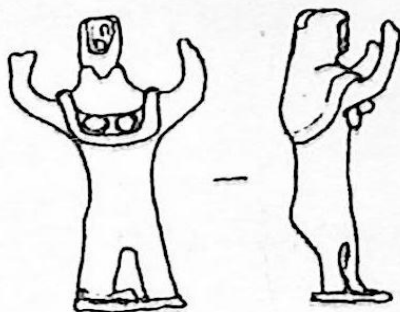

1

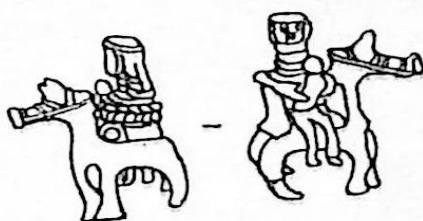
2

3

4

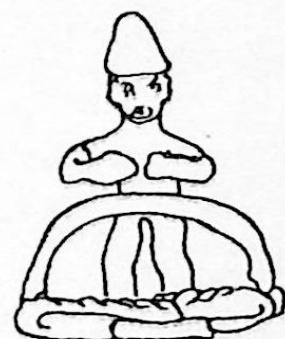
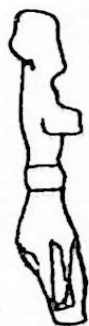
5

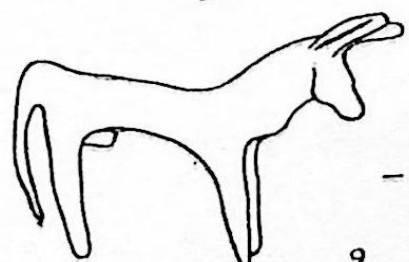
6

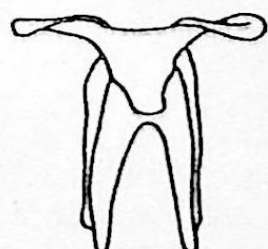
7

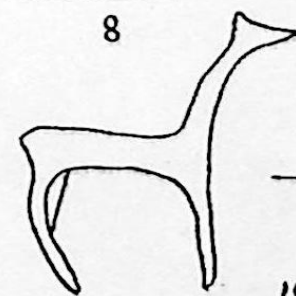
8

9

10

11

12

13

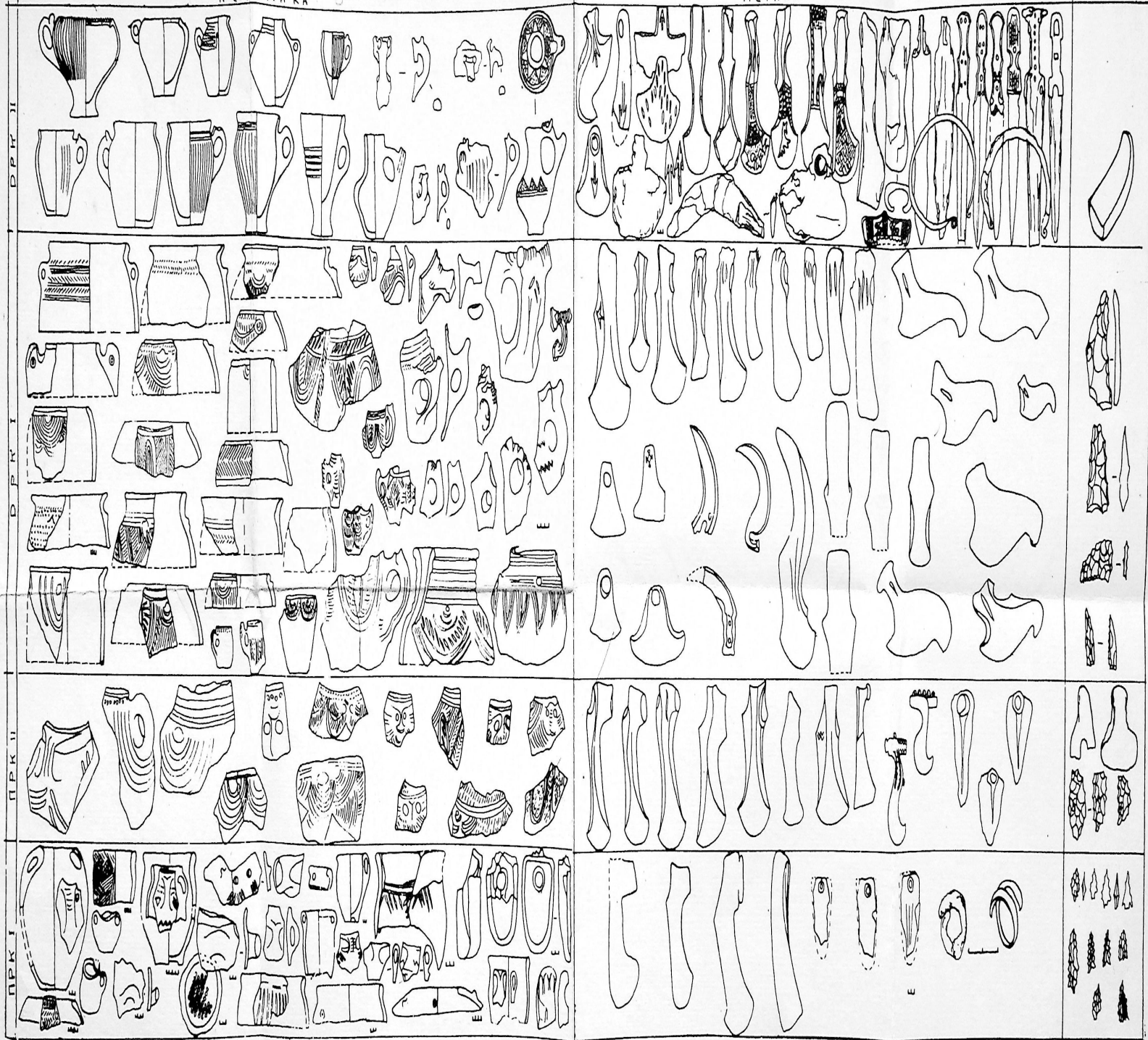
14

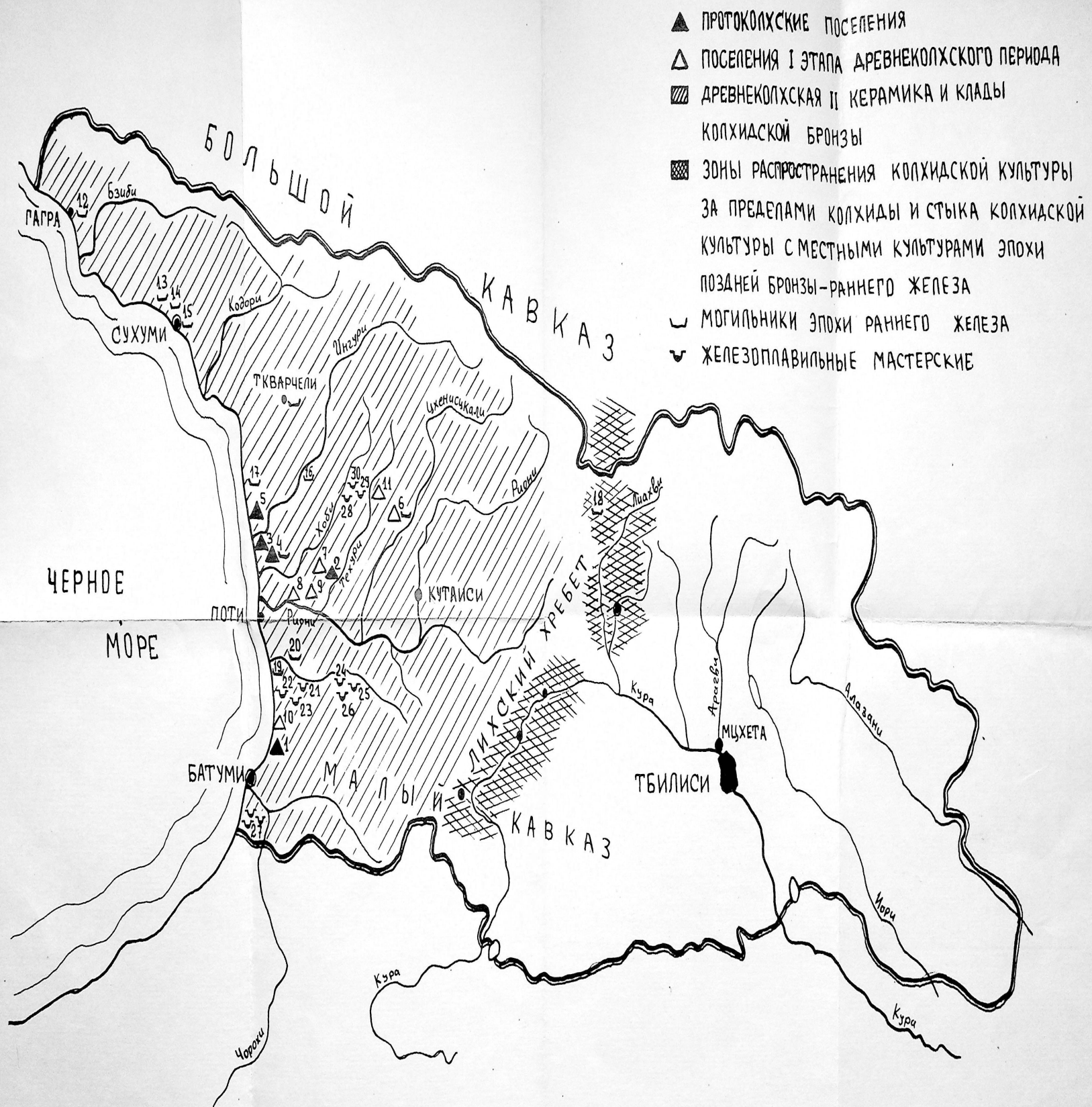

КЕРАМИКА

МЕТАЛЛ

КАМЕНЬ

1. ИСПАНИ, 2. НОСИРИ, 3. АНАКЛИЯ, 4. ЕРГЕТА, 5. ПИЧОРИ, 6. МУХУРЧА, 7. ЦКЕМИ, 8. ЧАПАДИДИ, 9. КВАЛОНИ, 10. КОБУЛЕТИ, 11. САЕЛИАВО
 12. ГАГРА, 13. ПРИМОРСКОЕ, 14. ЕШЕРА, 15. СУХУМИ, 16. ПАЛУРИ, 17. МЕРХЕЗЛИ, 18. ТПИ, 19. УРЕКИ, 20. НИГВЗИАНИ,
 21. ДЖИХАНАЖУРИ, 22. ЦЕЦХЛАУРИ, 23. ЛЕГВА, 24. ГОРАБЕРЕЖОУЛИ, 25. МЗИАНИ, 26. АСКАНА, 27. ЧАРНАЛИ, 28. ХАБУМЕ
 29. ЧОГА I, 30. НАКИАНИ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Глава I. Материальная культура Колхиды эпохи средней бронзы	16
Глава II. Материальная культура Колхиды эпохи поздней бронзы-раннего железа	32
Заключение	68
Литература	82
Список сокращений	92
Указатели	93
Описание таблиц	104

Напечатано по постановлению Научно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

ИБ — 3958

Редактор издательства Л. Г. Ахалкаци
Художник Н. Квиникадзе
Техредактор Н. В. Бокерия
Корректор Э. М. Гогава
Выпускающий Е. Г. Майсурадзе

Сдано в набор 25. XII 89; Подписано к печати 18. V. 90; Формат
бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 2; Печать высокая
Гарнитура лит.; Усл. печ. л. 9.88; Уч.-изд. л. 9.42;
Заказ 2890; Тираж 1000
Цена 1 руб. 90 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19

Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქართველოს სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ. 19

Типография АН Грузинской ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

ТЕИМУРАЗ КОНСТАНТИНОВИЧ МИКЕЛАДЗЕ

К АРХЕОЛОГИИ КОЛХИДЫ

ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»
1990

თეიშუკაჲ კონსტანტინეს ძე შიჟელაძე
კოლხეთის არქეოლოგიისათვის

„მეცნიერება“

1990

თბილისი

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

стр.	строка	напечатано	следует читать
10	5 сн.	Испана	Испани
20	1 св.	Испана	Испани
28	6 сн.	Шиша	Киша
41	7 св.	Кеири—Кеона	Кеопри—Кеойа
49	31 сн.	классификации (125)	классификации (см. 125)
53	13 сн.	(табл. XIX ₁ 1018)	(табл. XIX ₁₀₁ ⁸)
56	33 сн.	с. Дгваба (Зугдидский р-н)	с. Дгваба (Хобский р-н),
67	19 сн.	VI в. до н. э. а	VI в. до н. э. и
71	11 сн.	и колхидской бронзы	в колхидской бронзе
98	3—4 сн.	железопроизводитель- ные очаги Колхиды	железопроизводитель- ные очаги Колхиды— 70, 81
101	32 сн.	Мерсиа	мерсин
102	28 сн.	топор гравированный дважды изогнутый	топор гравированный дважды изогнутый— 49.